

Концерт
и фестиваль
народов

Северо-Восток

Annotation

После разгрома Красного Братства Конан оказывается в степях Гиркании, где с новыми друзьями вступает в неравный бой с пробудившимся злом древней Валузии - могущественным магом-змеем.

Ральф Шеппард

Зло Валузии

(Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1997, том 32 «Конан и расколотый идол»)

Часть первая

ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЛА

Глава 1. Дым над водой

Седой, колдовской туман клубился над водами моря Вилайет. Могучие серые угрюмые волны с белыми барабашками пены на гребнях неслись по глади моря, как стая гончих,— казалось, морщины набегают на чело неведомого морского божества,— и, взметаясь вверх под порывами ветра, сливались с клубами тумана, заботливо кутавшего мир в серое одеяло. Так что порой нельзя было понять, где верх, где низ, ибо вода была и вверху и внизу. Весь мир был водой, как когда-то в начале времен, когда во тьме Хаоса вдруг забил Родник Жизни — Хвергельмир, победивший Царство Мрака — Нифльхейм и Царство Огня — Муспельхейм. И тогда отступил мрак вечного Хаоса, и от смешения Духов Огня и Воды зародилась жизнь — и огромная ледяная глыба, образовавшаяся из замерзшей воды, бившей из Хвергельмира, зашевелившись, поднялась ввысь и превратилась в великана Имира, первое живое существо в мире.

Во всяком случае, так утверждали ваниры, а их восточные соседи асиры эти слова только подтверждали. Ну, конечно, кому же еще быть первым существом в мире, как не верховному божеству их родного Нордхейма — страны Белого Безмолвия, где торосы на берегах фьордов ослепительно сияют, отражая сполохи северного сияния, а в сердце жестокой метели кружат хоровод веселые и безжалостные дочери Снежного Великаны.

«Что ж, может, они и правы, эти потомки рыжих обезьян», — подумал рослый, с густой гривой вороных волос варвар, угрюмо рассекавший веслом волны Вилайета, продвигая свой челн все дальше,— если только еще существовали где-то пространство и время, абсолютно неосязаемые в этом влажном и непроницаемом царстве воды.

«Может, и вправду первым существом был Ледяной Великан, а первым веществом в мире — вода...»

Странный варвар, пустившийся в плаванье на углом челне, всегда немного презирал жителей Нордхейма и, мягко говоря, недолюбливал их,— причем больше рыжих ваниров, чем златокудрых асиров, с которыми ему случалось бок о бок сражаться в быльевые времена, Как бы то ни было, а не верить их сумрачным легендам и сагам он не мог, ибо сам столкнулся когда-то — в бесшабашной, удалой юности — с коварным нравом Ледяной Девы и могуществом ее свирепого отца.

«А что, вполне возможно. Из чего-то же должен происходить мир — так почему бы и не из воды? Не так уж они и глупы, эти рыжие северяне, и дерутся знатно к тому же! Да и в Коринфии от мудрецов доводилось слышать, будто вода является этой... первичной, как ее суп... суб... субстанцией. То же мне, умники! Называли меня варваром, а рассуждали точь-вточь как ваниры, а уж те — клянусь Кромом — по варварству киммерийцам сто очков вперед дадут. Тоже мне — философы! Ишь, чего выдумали. Субстанцию эту самую, Нергал ее дери...»

Конан-киммериец сплюнул и, оборвав свои рассуждения, стал еще ожесточеннее грести. Ему давно опротивело бесконечное блуждание по туманным просторам Вилайета,

Он уже и не помнил, сколько дней прошло с тех пор, как покинул лазурные, теплые, ласковые воды Юга и без тени сомнений направил свое суденышко на сумрачный Север, куда

опасались заплывать пираты, даже куда более отчаянные и свирепые, чем он, знаменитый Амра, Гроза Черного Побережья.

«Бывший», — напомнил себе Конан и горько усмехнулся. Перед глазами, на миг прорвав серую пелену тумана, вспыхнула яркая картина — южное, черное небо с месяцем, висящим рогами вверх, но не звезды и не месяц освещали восходящее солнце. Нет, волны Вилайета были багрово-черными от зарева пылающего порта Джадар — цитадели вилайетских пиратов.

Да и Эрлику бы весь этот город, полный всяких сухопутных крыс-торгашей, менял, жулья, трактирщиков, проституток! Самое страшное было другое: в бухте горел веселым и ровным пламенем — гудя и треща, как дрова в печах — весь флот пиратов славного Вилайетского Красного Братства. В довершение всех бед, на вершине холма, венчая вакханалию пожарища, ярко пылал замок, с такой любовью и заботой отстроенный Конаном. Да, недолго пришлось ему править пиратской братией вольного Джадара из своего орлиного гнезда. И гнездо разорили, и птенцов сожрали. Неплохо его пощипали туранские ястребы!

Все изменилось, с тех пор как в Аграпуре скоропостижно скончался старый добряк падишах Илдиз, смотревший, честно говоря, сквозь пальцы на проделки вилайетских пиратов. Не выдержал, конечно, один раз и он — послал на Джадар вельможу Артабана с войсками... да толку из этого не вышло. Заманили его Конановы орлы в глухие Колчианские горы. То-то было потехи! На этом борьба Илдиза с пиратством и закончилась. Уж больно не любил добрейший монарх заниматься государственными делами.

Да ведь и с самим Конаном они когда-то были добрыми знакомыми, Давно, еще когда молодой киммериец завербовался наемником в туранскую армию. Тогда-то он и привлек благосклонное внимание владыки своими подвигами,— убил мятежного сатрапа Яралета, когда вместе с белозубым Джумой-кушитом сражался в джунглях Вендии, а затем вызволил царскую дочь Созару из плена кровожадных правителей долины Меру. Потом Конан отправился в Кусан и сорвал заговор вельмож под руководством коварного Кенга,— если б не доблесть киммерийца, едва не сгинувшего у проклятого Монолита, не миновать бы Турану войны с Кхитаем... Больше того, Конан не раз выполнял задания шахского визиря Мишрака, оказав множество услуг правящему дому Турана.

Да вот только мало что выгорело киммерийцу на службе у добряка Илдиза. Добрый был, на обещания не скучился, а вот в карманах у его вояк вошь на аркане прыгала.

Зато сам, говорят, в ванне из чистого золота купался,— сразу с тремя наложницами. Большая была ванна. Вот и нашли его однажды в этой самой ванне — владыка с головой лежал в водичке, настоящей на тридцать восьми благовониях. Только пяточки наружу торчали синенькие. Что называется, почил в бозе. Всех трех наложниц, что обычно любили купаться со своим повелителем, конечно же, сразу, без разбирательств, бросили свирепым мастафам,— за то, что недоглядели за стареньkim владыкой. А корону Турана водрузил на голову принц Ездигерд, давно уже мечтавший взять бразды правления в свои железные руки. Только вот с целой империей Ездигерд не унаследовал, к сожалению, даже и малую толику папашиного доброго нрава. А потому новый владыка Турана в золотых ваннах рассиживать не стал, а взялся за дело резко и с размахом.

... Привыкшие к вольготной, безнаказанной жизни, Красные Братья совсем не ожидали увидеть в одну прекрасную ночь у стен Джадара огромный флот туранских галер, который провели к Аетолианским островам подкупленные предатели — вожди Морских племен.

Исход битвы был предрешен. Подлая измена недавних союзников, сытое благодушие самих пиратов, как и всегда, сделали свое черное дело. Добрая половина грозных морских

разбойников в ту роковую ночь кутила в многочисленных кабаках, а другая — дрыхла в обнимку со своими девками. И почти все они оказались порублены в мелкую капусту туранскими удальцами, которые лихо орудовали ятаганами и пускали по охваченному паникой городу тучи огненных стрел.

Конана беда застигла тоже в постели, где он, позабыв обо всем, нежился в объятьях своей любовницы Филиопы, которую не без тщеславия называл «королевой Джрафа».

Королем он, естественно, мнил себя самого. Но в ту ночь его короновали огнем и помазали на царствие кровью... К счастью, у капитана Амры всегда под рукой был верный меч, который он по старой привычке, клал в изголовье постели,— какие бы утехи ни ожидали его в ней. И когда в спальню ворвались воющие туранцы, Конан и его отважная подруга встретили их на ногах. Так же на ногах Филиопа встретила свою смерть от стилета, пущенного недрогнувшей рукой и вонзившегося ей прямо в горло.

Конан с лихвой отомстил за ее смерть, отправив вслед возлюбленной на Серые Равнины добрый десяток врагов, но уже ясно было, что пришла пора прощаться с Джрафом, ставшим ему почти родным.

Отбиваясь от напирающих туранцев, Конан добрался до задней стены и, нажав плечом на невидимую пружину, как призрак растворился в серых камнях, оставив солдат Ездигерда в полной уверенности, что проклятый Амра, за голову которого была обещана богатейшая награда,— истинный демон, каким они всегда его считали.

Вот тогда-то Конан и возблагодарил Крома, собственную предусмотрительность и старого мудрого архитектора-кхитайца Чена, выстроившего по его заказу тайный туннель, выводящий из спальни замка прямо к подводному гроту, проплыv через который можно было очутиться в безлюдной, затерянной бухте на другом берегу острова. Там, среди скал, ждал своего часа небольшой ялик с запасом провизии. Конан знал, что в жизни бывают непредвиденные ситуации...

... И теперь лишь седой, колдовской туман окутывал углое суденышко — все, что осталось от великолепной пиратской армады Грозы Кровавого Побережья. Этот проклятый туман стлался над водой, как дым, напоминая Конану о сгоревшем Джрафе. И в дым превратились все его мечты и устремления, все его накопленные богатства и слава самого грозного воителя на Вилайете. Капитана Амры больше не было. Остался только дым. И вода. И полуторальный варвар-киммериец, борющийся с этой равнодушной стихией.

Остались и горькие воспоминания — хотя обычно Конан был не из тех, кто тратит время на пустые сожаления. Ему не жаль было ни утраченной власти, ни золота. Но вот Филиопа...

Ах, туранцы, ах, Сетово отродье! Такую женщину погубили...

Конану не впервые было терять возлюбленную на поле боя. Тогда, в первый раз, это было во сто крат больнее. Зато теперь Филиопа, наверное, вознеслась на небо и стала валькирией — небесной воительницей. Подобно Белит, королеве Черного Побережья.

Так говорили ваниры и асиры — что девушки, погибшие в бою, становятся валькириями и незримо витают над полем сечи, и иногда помогают своим возлюбленным...

Конан полез в свой мешок с провизией, уже изрядно похудевший, и, пошарив по дну, извлек кувшин вина.

«Последний»,— вздохнул он и решительным движением выплеснул половину содержимого за борт. Вино на мгновение окрасило воду, подобно алой крови, и исчезло в серых бурунах. А Конан, справивший молчаливую тризну по ушедшей на Серые Равнины

подруге, достал сухарь и стал медленно жевать его, запивая оставшимся вином. Мысли о прошлом перестали тревожить его. Покойников не вернешь, а жизнь продолжается. И он, Конан, жив, а это в данный момент — самое главное. Не в его правилах было долго убиваться, рыдать и рвать на себе волосы.

Он доел сухарь и, выпив вино, швырнул опустевший кувшин в море. В животе у него урчало. Зверь по имени Голод явно не был удовлетворен. Ругнувшись, он опять взялся за весло и стал неутомимо грести, стараясь не обращать внимания на назойливые мысли о субстанциях и супах и на туман, клубившийся над водой, как дым над пепелищем Джафара. Как пар над суповой кастрюлей. Дым над водой,— Нергал его напустил, что ли? Может быть, это туманное побережье, этот таинственный север Вилайета и есть преддверие Серых Равнин?

Как бы то ни было, а челн, направляемый не знающей устали рукой киммерийца, плыл и плыл по туманному морю. И дым, стлавшийся над водой, скрывал от Конана приближавшиеся берега неведомой земли...

Глава 2. Демон туманного побережья

Конана разбудил резкий крик чайки. Встрепенувшись, варвар схватился за весло и, открыв глаза, увидел, что клочья седого тумана стали постепенно расползаться, хотя все вокруг по-прежнему было подернуто сумрачной пеленой. Киммериец и не заметил, как задремал, а за это время что-то изменилось. В разрывах между клубами тумана мелькали пронзительно кричащие чайки. А это значило, что где-то рядом — земля.

Окажись на месте Конана человек менее опытный, он бы уже потерял голову от радости, но киммериец остался все так же угрюм и невозмутим. Лишь рука нашупала на поясе рукоять меча. Конан знал, что встреча с незнакомым побережьем сулит не так много радости, как это могло показаться на первый взгляд. Неизвестность не пугала варвара, но он был готов к любому повороту событий.

И вот, наконец, туман начал рассеиваться, и перед Конаном предстала темная гряда утесов неизвестной земли. Угрюмые мрачные скалы возвышались подобно стенам крепости, построенной в незапамятные времена прачеловеческим народом и эту титаническую цитадель беспрестанно с хищным ревом, штурмовали легионы волн. Только теперь Конан позволил себе порадоваться — тому, что подплывает он к этим скалам не на настоящем морском судне, а всего лишь на углом и юрком ялике, ибо любой большой корабль неминуемо нашел бы гибель у этих негостеприимных берегов, изобилующих подводными рифами,— их мокрые верхушки торчали там и тут из воды, подобно акульим плавникам. Туман же, который, казалось, начал было рассеиваться, никуда не делся — он просто теперь не стелился так низко над водой, а поднявшись вверх, окутывал таинственные скалы.

Чайки, вившиеся над утесами, оказались не единственными местными обитателями. Конан еще издалека разглядел на более или менее пологих уступах скал черные, лоснящиеся неповоротливые фигуры. А вскоре, сквозь шум прибоя, можно было уже различить нечленораздельный хриплый рев самцов-сивучей. Оказывается, побережье и все прибрежные

воды кишили алпачами, морскими быками, каланами. Такого невероятного количества морского зверя Конану не приходилось встречать даже на необъятных песчаных пляжах побережья Западного моря, и он невольно пожалел, что под рукой у него нет хорошего гарпуна.

Тем не менее, он не стал унывать, а быстро нашел выход — выхватил из-за пояса острый, как игла, и в то же время очень прочный длинный стилет заморийской работы, который всегда носил в паре с мечом, и намертво прикрутил его своим кожаным ремнем к тонкому концу весла. Соорудив, таким образом, острогу, киммериец поудобнее перехватил ее и, заняв охотничью стойку, стал зорко взглядываться волны, не мелькнет ли где блестящая спина алпача пожирнее. Инстинкт хищника полностью овладел варваром, и первая жертва не заставила себя долго ждать. Не очень крупных размеров, молодой и, по всей видимости, неопытный зверь подплыл слишком близко к ялику Конана, который отреагировал на это с быстротой молнии,— и вот уже трепещущая добыча поднята на остроге. Конан победно заулыбался — впервые за много дней. Наконец-то удача повернулась к нему лицом!

Киммериец быстро перерезал горло своей жертве и, бросив ее на дно суденышка, вновь занял исходную позицию. Хвала Кому, охота обещала быть удачной. Вода вокруг так и бурлила под ластами морских красавцев.

Наконец, высмотрев наиболее неосторожного из них, который подплыл почти к самому борту, Конан поднял острогу и... Неожиданно огромная черная масса бесшумно вынырнула из воды и, блеснув гигантскими бивнями, вонзила их прямо в спину несчастного котика. Конан, собираясь ударить по той же мишени, со всего маху вогнал острогу в лоснящуюся спину неведомого зверя, который чуть было не опрокинул ялик в азарте погони за своей жертвой. Вода вокруг тотчас окрасилась кровью. Неизвестный хищник издал страшный рев и резко дернулся, увлекая за собой острогу. И если бы рука вовремя не разжалась, то вслед за острогой последовал бы и Конан.

Огромный зверь с острогой в спине стремительно поплыл прочь от челна, издавая душераздирающие вопли, от которых у Конана заложило в ушах. Очевидно, кинжал сильно досаждал морскому чудовищу, ибо оно, выпрыгнув из воды,— на удивление легко, несмотря на изрядный вес,— сделало в воздухе двойное сальто, и варвар смог наконец рассмотреть своего конкурента по охоте. Это был огромный морской бык, шкура которого была покрыта черной короткой щетиной. Маленькие, налитые кровью глазки злобно сверкали, а бивни были столь велики, что вполне сравнились бы и со слоновыми.

Конан возблагодарил богов за то, что благоразумно разжал руку и дал зверюге утащить острогу. Правда, теперь он остался без весла и без стилета, но зато был жив. Прояви он хоть чуточку больше упрямства — и очутился бы в воде, где неминуемо погиб бы под ударами хвоста или от клыков взбесившегося быка.

«Странно, что этот бык охотится на алпачей. Не слыхал я, чтоб они жрали кого-нибудь крупнее рыбы. Эдак, он и меня бы слопал. Так что пусть плывет подобру-поздорову, Нергалово отродье...»

Морской бык, действительно, стремительно удалялся от ялика, продолжая издавать ужасные вопли. И неожиданно на его жалобы откликнулся кто-то — и от его рева задрожали все прибрежные скалы. На поверхность всплыли оглушенные рыбы, а сам Конан едва не свалился за борт.

Похоже, что мысль о Нергаловом отродье не зря пришла Конану в голову. Ибо загарпуненный бык — огромный, размерами с матерого самца,— оказался всего лишь

детенышем. Да, именно детенышем — и хоть и не самого Нергала, но существа явно близкого к нему.

Вода, примерно в нескольких кабельтовых от ялика Конана, внезапно забурлила и заклокотала, и на поверхности показалась чудовищная голова, размерами сравнимая с добрым утесом. Это была башка страшного монстра, выходца из отдаленных эпох, когда природа играла с формами жизни и, одержимая безумием, порождала самые невероятные создания.

Киммерийцу доводилось слышать легенды гипербореев и ваниров, ходивших на своих судах далеко по Северному морю. По их словам, там еще можно было встретить подобных чудовищ, которым поклоняются дикие племена поедателей ворвани. Но киммериец во время своих странствий, хоть и забирался довольно далеко на север, ни разу не встречал подобных существ и потому считал историю о них пустыми байками. Так что здесь, на Вилайете, он ожидал увидеть что угодно, но только не колоссальную тушу, свирепо вращавшую огромными кровавыми глазами и ощерившую страшную пасть, в которой красовались целых шесть бивней,— самые большие толщиной, длиной и остротой не уступали носовому тарану боевой стигийской триремы, а маленькие были подобны бивням крупного зембабвийского слона. И это необыятных размеров чудовище, рассекая толщу вод огромными ластами, которым позавидовал бы и кит, решительно направилось к челну Конана.

— Кром! — воскликнул ошеломленный варвар, непроизвольно хватаясь за меч. Однако уже в следующее мгновение он со всего маху сиганул за борт и поплыл к берегу что было мочи, благо что волны подогнали ялик довольно близко к суще. Пожалуй, это было наиболее здравым решением. Останься Конан в ялике — он был бы обречен. Вплавь же у него еще оставался шанс спастись. Оставалось лишь уповать на силу рук и ног.

Положение, однако, усугублялось тем, что чудовищный морской бык, который мог тянуться размерами со средней величины китом, в отличие от последнего, был вполне приспособлен к передвижению на суще.

Однако Конан не стал размышлять над этой проблемой и яростными гребками устремился к берегу. На мгновение оглянувшись, он увидел, как монстр со страшным ревом набросился на его несчастный ялик, круша его в щепы ужасными бивнями. Под конец он полностью потопил остатки суденышка ударом могучего хвоста. Огромная волна от чудовищного всплеска накрыла киммерийца с головой, но он, ослепленный и наполовину захлебнувшийся, продолжал отчаянно грести.

Расправа над яликом несколько задержала морского гиганта, и Конан получил выигрыш во времени. Вскоре его, отчаянно загребавшего руками и ногами, и подталкиваемого невольным союзником — прибоем, вынесло на скалистый берег. Его изрядно ободрало о камни, но, невзирая на это, киммериец встал и, жадно глотая воздух раскрытым ртом, пустился вскачь — вверх, по скалам, подобно козе в горах его заснеженной родины. Уже в который раз навыки опытного скалолаза, приобретенные еще в детстве, выручали его из беды.

Тем временем морской бык добрался до мелководья и стал огромными скачками выбираться на сушу. Вскоре он весь вышел из воды и полностью предстал перед изумленным взглядом киммерийца. Размеры этого чудовищного тела поистине впечатляли,— казалось, одна из многочисленных скал ожила и с ревом карабкается вверх, попирая своих неподвижных товарок. Конан успел заметить гигантские соски, болтавшиеся на груди чудовища, и понял, что прогневал любящую мать, случайно поранив ее здоровенное чадо.

«Не хватало еще, чтобы к этой мамаше еще какой-нибудь папаша прискакал на подмогу. Если только это не сам Нергал», — зло подумал Конан, подтягиваясь на руках, чтобы добраться до очередного выступа в скале.

Тем временем, чудовище, ничтоже сумняшееся, упорно двигалось вверх, вслед за Конаном, огромными скачками преодолевая большие расстояния. Громко шлепавшие ласты при каждом скачке безжалостно давили зазевавшихся алпачей, густо усеивавших путь наверх, — только кровь и камни брызгали во все стороны.

Конан уже чувствовал спиной зловонное дыхание жуткого зверя. И в этот момент, неожиданно, из расщелины в скале, вынырнула смуглай человеческая рука и устремилась к варвару, как бы предлагая: «Держись!» Конан, не раздумывая, ухватился за нее. Кто бы ни пришел ему на помощь, все было лучше, чем оказаться растерзанным монстром, который лязгал бивнями почти за самой спиной. В тот же миг к Конану протянулось еще несколько рук, которые ловко подняли его наверх и молниеносно втянули в щель, которую сам Конан вспыхах и не заметил бы.

Он не успел опомниться, как очутился в довольно большой пещере с узким входом, в окружении смуглых, суровых воинов в одеяниях из дубленых шкур, с черными, как смоль, волосами, заплетенными в косы. Киммериец еще не знал — считать ли ему себя в безопасности, но, во всяком случае, чудовищу теперь было не добраться до него. Он услышал ее возмущенный рев совсем рядом с потаенной пещерой и ухмыльнулся. Близок локоток, да не ухватишь! В тот же миг он увидел, как откуда-то сверху на голову чудовища посыпался град камней. Очевидно, другая группа воинов, заняв позиции на вершине скалы, решила обстрелять монстра. Обломки скал рушились сверху, смачно ударяясь о блестящую от воды шкуру.

Поначалу самка не обращала внимания на камнепад и продолжала карабкаться вверх, но людей, обстреливавших ее, было много, и они были упорны и метки. И вот, наконец, раздраженно ревя, исполинская тварь остановилась, попятилась и, грузно развернувшись, пошлепала назад. Добравшись до берега, чудовище шумно плюхнулось в воду и, продолжая сотрясать все вокруг недовольным ревом, погрузилось в морскую пучину...

Глава 3. Сыны морского льва

Наконец-то можно было перевести дух. Конан вытер пот со лба и внимательно огляделся. Он видел, что его со всех сторон окружают люди неизвестного племени, но в случае, если они задумали сделать его своим пленником, он вряд ли мог помешать им исполнить этот план, даже несмотря на свою богатырскую силу. Рука привычно потянулась к поясу и нашупала пустоту — увы, верный меч, похоже, канул на хранение в оружейные палаты подводных богов Вилайета...

Впрочем, похоже, что воины, так вовремя протянувшие ему руку помощи, не проявляли признаков враждебности и не посягали на свободу киммерийца. Они лишь с любопытством разглядывали Конана с ног до головы с откровенностью, свойственной дикарям. И в их колючих черных глазах можно было прочесть одобрение, и даже восхищение внешностью

могучего варвара. Конан не придал этому значения,— за годы своих странствий он редко встречал людей, которые могли бы сравниться с ним по росту, стати и силе. А изумление, которое он неминуемо вызывал своим появлением в незнакомых местах, порой даже надоедало.

«Хвала Крому, что здесь нет хотя бы баб,— подумалось Конану,— и что они все так пляются на меня? В конце концов, отправлялись бы в Киммерию — там бы досыта нагляделись на таких, как я. А я бы показал дорогу, не боясь последствий. Все равно — как пришли бы — так и вернулись бы восвояси. Только уже далеко не все». На миг Конану вспомнился штурм Венариума, когда он и его свирепые родичи задали перцу кичливым аквилонцам, закованным в стальные латы, и про себя ухмыльнулся,

Однако ухмылки ухмылками, а молчание явно затягивалось. И Конан, оставив при себе недобрые мысли, постарался улыбнуться как можно приветливее — насколько это позволяли ему скучные на мимику лицевые мускулы — воинам, продолжавшим рассматривать его как заморскую диковину. Он вытянул обе руки вперед, ладонями вверх, как бы показывая, что безоружен и не имеет дурных намерений, и, продолжая улыбаться, произнес несколько слов, которые еще помнил из грубого наречия тунгов и камбров.

Лет десять назад, еще до того как он стал наемником у Илдиза, Конан промышлял контрабандой на море Вилайет, войдя в долю с Красными Братьями из Султанапура. Один раз их корабль попал в шторм, и его выбросило на западный берег Вилайета, недалеко от северной границы Турана, где он и провел веселую зиму в обществе северных варваров, почти не отличавшихся от асиров и ваниров.

Однако Конан понимал, что теперь он находится гораздо севернее и намного дальше, чем заплывал когда-либо купеческий или пиратский корабль. Поэтому он не особенно огорчился, увидев недоумение на лицах дикарей. Предположения Конана оправдались — это племя было полностью изолировано от внешнего мира,— во всяком случае, от того, который был ему известен.

Теперь туземцы решили взять инициативу на себя. Из группы воинов к Конану вышел пожилой мужчина. Его широкое бронзовое лицо было густо испещрено причудливой татуировкой, пополам с боевыми или ритуальными шрамами. Он положил правую руку на грудь и, обращаясь к Конану, произнес несколько слов на неизвестном, гортанном наречии, которое отдаленно напоминало гирканский язык. Это натолкнуло киммерийца на удачную мысль, и он заговорил на гирканском:

— Привет вам, отважные воины! Благодарю за помощь. Если бы не вы — вариться бы мне сейчас в желудке этой твари. На этот раз речь киммерийца достигла цели. Пожилой воин оживленно закивал головой и перешел на гирканский язык которым владел вполне свободно:

— Ты говоришь на языке ерканов, богатырь, но ты не похож на них. Откуда ты родом, чужеземец, и как добрался до Берега Великих Лежбищ? Еще ни разу на нашей памяти не приходил к нам чужак со стороны моря. Пару раз к нам являлись иноземцы со стороны заката, но они были грубы и жестоки, и нам пришлось снять с них кожу. Но в твоих глазах не видно злобы, и твои волосы оттенком напоминают наши, а не рыжую шерсть, как у тех, других. Так кто же ты такой?

«Ага, значит, кто-то из тунгов или камбров все же пытался сунуться сюда»,— сообразил киммериец и, радуясь, что не похож на них, отвечал старику:

— Я — Конан из Киммерии, если вам только что-то говорит это название. Моя страна

лежит далеко отсюда. А прибыл я сюда не по своей воле. Мне пришлось уходить от моих врагов. Я долго жил в южных странах и стал там... э-э... вождем. Но на меня напало враждебное племя. Врагов было гораздо больше, и они перебили моих людей. Ну а я скрылся от них и вот теперь нахожусь перед вами,

— Ты, верно, и впрямь был вождем, Конан, хотя я и не знаю, какие народы живут на юге. Мы всегда считали, что к югу и к западу от Берега Великих Лежбищ простирается бескрайнее море, доходящее до границ мира. Но я верю тебе,— заметил старик и одобрительно прибавил: — Только такой могучий и удачливый воин, как ты, смог бы стать вождем в чужом племени. И только такой человек смог одолеть морские волны и туман и приплыть сюда. Ты везучий человек, Конан,— тебе удалось спастись от клыков Великой Коровы.

— Это точно,— ухмыльнулся Конан, польщенный похвалой старика.— А откуда у вас развелись такие демоны. Что-то не похоже, чтоб вы особо любили их. Я встречал немало племен, которые поклонялись всяkim чудовищам и считали их своими предками. Вы, я вижу, не из таких.

Старый воин улыбнулся:

— Наш народ некогда приносил жертвы этим животным из страха перед ними, пока ерканские купцы не принесли нам свет учения Эрлика и Вечного Неба. Теперь из наших старых богов мы поклоняемся лишь Морскому Льву. Морской Лев — наш покровитель и предок. А страшный зверь, который на тебя напал,— действительно демон, порождение темных сил. Это наш главный враг. Если Великие Быки появляются у Побережья — значит, исчезнут все алпачи и котики, и нас ждет голод. Чудовища страшно прожорливы. И их отпрыски также доставляют нам немало хлопот. Они пожирают всю живность и переворачивают наши каноэ, когда мы выходим на охоту в море.

— Это я успел заметить,— согласился с ним Конан.— Так ты говоришь, к вам наведываются гирканцы?

— Да, это единственные люди не из нашего племени, которых мы видим здесь. Они приходят с юго-востока и привозят с собой разные хорошие вещи. Вот только приезжают они редко — иногда раз в полгода, иногда — раз в год. Да и что им у нас взять? Мы — всего лишь охотники, и, кроме шкур и ворвани, у нас нет другого товара. Иногда, правда, удается убить детеныша Великого Быка, и тогда нам достаются его бивни — а за них купцы хорошо платят. Но такая удача выпадает редко. К тому же мы рискуем навлечь гнев чудовищ, которые жестоко мстят тому, кто причиняет вред их детенышам. Так что для купцов мы не так уж и интересны. Зато ерканы любят наведываться в страны, что лежат дальше, на северо-востоке.

— Кром! Я всегда думал, что на север от Вилайета лежат дикие, необитаемые земли. Тунги рассказывали мне, будто дальше их живут только снежные великаны и драконы. Ну а я так вообще считал, что там лежат Серые Равнины. Я так и думал, плывя сюда. Мне просто некуда было деваться.

— Я не знаю, кто такие тунги, и не знаю, о каких равнинах ты говоришь,— пожал плечами пожилой воин,— но тут у нас — везде плоскогорья, холмы, а дальше к востоку и к северу возвышаются горы, которые ерканы называют Рипами. Там живет грозный бог ветра, который насыпает зимние выюги и бураны. От его ледяного дыхания замерзает даже бурное море. И со склонов этих гор течет великая река Рангха, устье которой лежит неподалеку от нас, У подножья Рип, вверх по течению Рангхи живут удивительные народы, есть там и страна великанов, встречаются и драконы. Вдоль горного хребта лежат степи и дремучая

тайга. В степи и в горах лежит страна великих воинов. В этой стране много больших и малых городов, каменных и деревянных крепостей. Жители той страны богаты и счастливы — они добывают золото, серебро, медь и драгоценные металлы в недрах гор и выменивают их гирканским купцам, которые каждый год стремятся туда... Так, по крайней мере, сами торговцы поведали нам. Никто из нашего племени не забредал в такую даль. Возможно, все это лишь небылицы!

Конан только покачал головой. Воистину, велик белый свет, если даже здесь, на краю земли, в такой дикой глупши, где еще, вероятно, ни разу не ступала нога хайборийца, живут люди,— и даже есть, как выяснилось, вполне цивилизованные страны. Да еще и богатые золотом к тому же! Решительно, все эти сведения вдохнули в Конана отвагу. Пожалуй, здесь можно было начать жизнь заново, после всех постигших его бед и утрат.

Киммериец довольно потянулся и еще шире заулыбался людям Морского Льва и увидел ответные улыбки на темных лицах охотников. «А они неплохие ребята,— подумал он,— обычное варварское племя. Уж с ними-то у меня больше общего, чем с цивилизованными людьми».

— Слушайте, парни,— запросто обратился Конан к своим новым знакомым,— а как у вас насчет пожрать! Я был в пути много дней и за кусок мяса готов, что угодно отдать. Только вот ничего у меня нету, уж вы не обессудьте!

— Пойдем с нами, чужеземец.— Пожилой воин похлопал его по плечу.— Наш народ чтит законы гостеприимства. Ты получишь пищу и кров, Конан из Киммерии. Ты можешь остаться с нами,— нам нужны такие здоровяки, как ты, но ты волен и уйти, когда захочешь, — мы покажем тебе дорогу. Ну, а пока пойдем к нашим кострам.

Конан благодарно кивнул. Цивилизация опять исторгла его, поставила вне закона, низвела до положения изгоя, принудила к бегству, как дикого зверя, выкуренного охотниками из норы. И в который раз уже он находил приют у бесхитростных и прямодушных обитателей глупши. Они принимали его за своего, ибо он и был такой же варвар, который мог в случае необходимости спать на голых камнях и не погнулся бы разделить трапезу с дикарями, даже если пищей их было жирное и вонючее алпачье мясо...

***

Воины Морского Льва, возглавляемые пожилым охотником,— это был их вождь, по имени Акулан,— повели Конана вглубь пещеры, которая разветвлялась и делилась на многочисленные туннели. Казалось, все прибрежные скалы изрыты этими коридорами, как старое дерево червоточинами. И было непонятно, являются ли эти пещеры творением природы или делом рук человеческих. Конану все же думалось, что здесь потрудились люди. Решив проверить свою догадку, он спросил об этом у Акулана.

— Я не могу тебе дать точный ответ, Конан,— молвил старый вождь.— Когда наш народ пришел сюда несколько тысяч лет назад — в этих скалах уже существовали пещеры. А когда-то — давным-давно, в этих местах жил удивительный и загадочный Древний Народ. В те времена к югу от этих скал еще не плескались морские волны, а лежала обширная, плодородная равнина. Там-то как раз и располагалось государство Древних. В их стране

были великие города, полные всевозможных чудес... говорят, там стены и башни были выложены драгоценными камнями, а сады сделаны из чистого золота. И даже статуи богов на площадях этих удивительных городов были изваяны из чистого золота и прозрачного горного хрустала.

— И куда же девалось все это великолепие? — осведомился Конан. Ему уже не раз приходилось слышать за годы своих странствий легенды о неведомых пышных цивилизациях, которые поглотили развернувшиеся земные недра или бурные морские волны. В данном случае его интересовало лишь золото и драгоценности сгинувших народов. Сейчас бы ему очень даже пригодилась хотя бы веточка из чудесных Золотых садов Древних.

— Увы, Конан, — вздохнул Акулан, — Древние прогневали и грозных богов, ибо вели жизнь неправедную и непотребную. Они погрязли в роскоши и разврате и проливали потоки крови не ради добывания пищи, а ради развлечения. Они нападали на окрестные племена и обращали их в рабство, а затем заставляли их сражаться друг с другом и с дикими зверьми на аренах. Они свозили в свои города чудовищ со всех концов света. Говорят, что и этих чудовищных морских быков они привезли с севера и держали в огромных прудах. Они скармливали им пленных и считали, что делают это во славу своих богов. Но богам были неугодны их гнусные дела, и они прогневались, и тогда страну Древних поглотило море.

— Ну, а тебе-то откуда все это известно? Клянусь Кромом, что ты ни разу в жизни не видел ни одного города, а уж тем более — арену, где рабов заставляют драться друг с другом и натравливают на них всяких чудищ! — Конан вспомнил мрачные казармы Халоги и страшный Империум-Цирк в Луксуре и невольно вздрогнул. Богам было угодно тогда, чтобы он выжил в этих чудовищных мясорубках. Чего нельзя было сказать о сотнях и тысячах остальных — менее сильных и удачливых.

— А ты, Конан, считаешь, что наш народ всегда жил в норах и питался алпачьим мясом? — усмехнулся Акулан. — То, что ты видишь, — это только жалкие остатки некогда грозных и могущественных воителей. Наши племена — лишь осколки народов, у которых тоже были свои государства. Но Древние разгромили все державы вокруг — многие были перебиты, а остальные попали в рабство. Наше племя — потомки тех рабов, которые чудом сумели спастись бегством из страны проклятых нелюдей. Да, нелюдей, людьми их назвать нельзя, столь уродлив был их образ. Хвала Вечному Небу за то, что уничтожило это нечестивое племя! Лишь немногие из наших предков — отважные, сильные воины — сумели бежать из этой жуткой страны. Они-то и оставили нам предания обо всех ужасах, которые им довелось пережить.

Конан слушал старика с большим интересом. Ему и раньше приходилось слышать о том, что на дне моря Вилайет лежат затонувшие города и несметные сокровища. Он вспомнил о Сарпедоне — городе, покоящемся на дне и найденном его пиратами с помощью колдуна Кроталуса. Очевидно, Сарпедон был одним из тех городов Древних. Еще тогда Конан подозревал, что его погибшие жители не принадлежали к человеческому роду. Теперь эти подозрения полностью подтвердились.

— А затем, — продолжил свой рассказ Акулан, — страна Древних затонула, и горная цепь, отделявшая ее ранее от северных стран, превратилась в прибрежные утесы. Когда остатки нашего некогда великого народа переселились в эти края, в пещерах обитали лишь жалкие горстки Древних — те, что успели спастись от ярости потопа. Наши предки безжалостно истребили их, и с тех пор мы живем здесь, охотясь на алпачей и сражаясь с Великими Быками, которые вырвались на волю из зверинцев Древних во время катастрофы...

Конан и его спутники продолжили свой путь в молчании. Бесстрастные, смуглые воины, чьи далекие предки когда-то столкнулись с дочеловеческим народом, сжимали в руках факелы, горючим веществом которым служила ворвань. Яркие сполохи огня метались по мрачным, сырьим сводам туннеля. И тут Конан сообразил, что вся эта система коридоров и ходов — не что иное, как заброшенная штольня. Именно здесь Древние добывали свои сказочные сокровища. Конан стал внимательно вглядываться в склизкие сырьи стены, смутно надеясь, что где-нибудь блеснет прожилка золота или вкрапление изумрудов. Но, увы, древние старатели потрудились на славу и выгребли из недр все подчистую.

Небольшой отряд продолжал свой путь по мрачному лабиринту. Кое-где на лицо Конана падал солнечный луч, и, поднимая голову, он видел над собой колодцы, выходившие на поверхность.

— Эти коридоры выходят не только наружу,— заметил Акулан. Как раз в этот момент перед ногами у них зачернел провал. Конан наклонился над ним и увидел колодец, уходящий далеко вниз, и вырубленные в скальной породе ступеньки, теряющиеся в темной бездне.

— Мы даже и не пытаемся спуститься по этим ступеням,— прошептал Акулан, опасливо обходя зияющую дыру, напоминавшую вход в преисподнюю Сандры.— Неведомые чудовища обитают там, в этой бездне. Иногда по ночам они поднимаются наверх и...— Тут пожилой воин замолчал.

Конан не стал допытываться у него, какие черные силы бродят по этим жутким коридорам, когда в них гаснут факелы и меркнет дневной свет, пробивающийся из дыр, ведущих наверх. Было очевидно, что древние нелюди добывали руду или драгоценные камни много веков подряд и проникли глубоко в земные недра. Возможно, они умели обуздывать нечисть, таившуюся в темной бездне, своим колдовством. В том, что они были колдунами, Конан не сомневался. Он по собственному опыту успел убедиться в том, что исчезнувшие дочеловеческие расы обладали секретами столь страшной магии, по сравнению с которой волшба стигийских жрецов Черного Круга была детским лепетом.

Наконец перед путниками засияло яркое пятно света, и они оказались у входа в огромный, ярко освещенный зал. Конан обратил внимание на то, что в стенах этого зала зияют отверстия других коридоров, у каждого из которых стоял на часах воин. Вероятно, здесь был центр всего лабиринта.

На ровном, гладком каменном полу удивительного зала виднелись огромные, кое-где треснувшие плиты, позеленевшие от мха и древности, очень плотно пригнанные друг к другу. Было ясно, что благоустройством этого помещения занимались не дети Морского Льва.

Повсюду горели костры из сухих водорослей и плавника. У костров сидели полуголые женщины всех возрастов — от юных, довольно привлекательных девиц, до сморщеных старух, а также старики-ветераны, гревшие свои простуженные морскими ветрами кости. К пришедшим воинам тут же кинулись веселые, чумазые, голые ребятишки. Они путались под ногами, что-то постоянно крича, и во все глаза разглядывали Конана. Огромный варвар явно произвел на них впечатление. Затем к ребятне присоединились женщины. Они подбегали к воинам и, громко тараторя, хлопали их по спине и тащили к кострам.

Конану с их стороны было так же уделено самое большое внимание. Женщины беззастенчиво ощупывали его мышцы и одобрительно кивали головой. Вскоре сбитый с толку, оглохший от гомона киммериец был усажен к костру. Вокруг него уже устроились другие воины, с довольными улыбками развалившиеся у огня, отбросив в сторону оружие — луки и топоры с медными лезвиями. Во главе сборища находился Акулан. Он приветливо

кивнул Конану и пригласил его разделить с ними трапезу. Женщины, хлопотавшие вокруг мужчин, незамедлительно принесли еду — дымящееся мясо, мидий и съедобные водоросли.

Конан отдал должное трапезе, несмотря на то что мясо обладало не очень приятным запахом. Однако голод сделал варвара неприхотливым, да и выбирать было не из чего. К тому же не хотелось ударить лицом в грязь перед радушными хозяевами. Акулан был действительно щедр и даже выставил — специально для дорогого гостя — целый бурдюк гирканской араки, которая у племени была в большой цене и употреблялась нечасто.

Однако на этот раз хватило на всех. Хмельные пары сделали свое дело. Лица дикарей раскраснелись, улыбки стали шире. Лишь на гиганта-киммерийца, казалось, спиртное не производило никакого действия, однако и его синие глаза блестели ярче обычного. Вскоре женщины, которым также досталось араки, пустились в пляс и с визгом завертелись вокруг костра в удалом, бесшабашном танце.

Несколько молоденьких девушек с озорным смехом подскочили к Конану и потащили его в круг. Варвар не стал особенно сопротивляться,— тем более, что мужчины не выражали неудовольствия, а лишь поощрительно глядя на то, как девки взяли киммерийца в оборот. Конан не стал смущаться и переминаться с ноги на ногу, а истогнув из зычной глотки боевой киммерийский клич, отразившийся под сводами зала, начал неистово скакать по древним плитам. Затем он резко перешел с киммерийской пляски на стремительный шемитский танец, которому его научила когда-то Белит, а потом резко завертелся как волчок, отбивая чечетку, тряся торсом и сверкая белками глаз, подобно негру-кушиту.

Буйное веселье, охватившее Конана, передалось всему племени. И вот уже все, кто был способен держаться на ногах, с веселыми воплями завертелись в безумном вихре дикарского танца. Пары араки, гулявшие в головах у всех, окончательно раскрепостили и без того не скованных условностями дикарей. Откровенная похоть проглядывала в этом безумном танце, — мужчины и женщины, юноши и девушки начали обнимать друг друга и попарно валиться наземь.

Конан не оказался исключением, на нем, зазывно сверкая черными раскосыми глазками, повисла стройная, гибкая молодая девушка. Продолжая плясать, она положила руки на плечи киммерийцу и стала все более настойчиво прижиматься к нему.

— Ты могучий воин, Конан из Киммерии,— шепнула она ему на ухо по-гиркански.

— Кто ты, красавица?— спросил Конан, уступая натиску дикарки и чувствуя, как нарастает его возбуждение.

Та рассмеялась и не ответила. Однако тут Конан уловил на себе взгляд старого вождя и догадался, что обнимается с его дочерью. Акулан, однако, тискавший какую-то полную матрону, лишь поощрительно кивнул головой молодым и даже озорно подмигнул киммерийцу.

«Этот старый вояка, похоже, не прочь заиметь меня в зятья»,— мелькнуло в голове у Конана. Он несколько виновато улыбнулся вождю и, тут же забыв о нем, вновь занялся своей страстной партнершей по танцам.

— Почему ты не сказала мне, что ты — дочь вождя?— Осведомился Конан, крепче обхватывая улыбающуюся красотку за гибкую талию своими могучими лапами.— Так как же тебя все-таки зовут?

— Меня зовут Эйя,— смех ее звучал как перезвон хрустального кхитайского колокольчика,— да ты, я вижу, боишься моего отца? Не бойся, Конан, наше племя всегда гостеприимно к чужестранцам, приходящим к нам с миром, особенно женщины. Нам нужна

свежая, горячая кровь, чтобы в нашем племени стало больше могучих воинов — таких, как ты! Ну, же, Конан! Неужто в вашей Киммерии мужчины сделаны изо льда?

— Ну, нет, я — не Имир! — ухмыльнулся Конан и обжег Эйю огнедышащим поцелуем. Вокруг уже кипела первобытная оргия. Кровь ударила в голову киммерийцу, и он, всем телом ощущая горячую девичью плоть, понял, что растворяется в сладостном забытьи...

Глава 4. Порождения бездны

Лагерь племени Морского Льва был погружен во тьму. Разгульная оргия отняла у дикарей все силы, и теперь они спали вповалку меж едва тлевших костров глубоким, беспробудным сном. Даже часовые, напрочь позабывшие о своем долге, и развлекавшиеся наравне со всеми, беспечно хранили вдалеке от зловеще темневших в полумраке отверстий туннелей. А в мрачной глубине этих туннелей и коридоров, едва иссякли последние источники света, пробивавшиеся снаружи, ожили и зашевелились странные, причудливые тени. Бесшумные, как привидения, это были существа из плоти и крови, — во тьме зловеще горели алые глаза неведомых исчадий Серых равнин.

Беззвучно перебирая в кромешной темноте цепкими конечностями, существа одно за другим поднимались вверх по ступенькам, высеченным многие тысячелетия назад. Подземные твари выбирались из колодцев и, ведомые безошибочным инстинктом, устремлялись к залу, где беспечно спали во мраке забывшие об опасности люди.

Нападение было безжалостным и внезапным. Нечисть проникла в зал со всех входов разом — и меж спящими вповалку людьми заметались корявые тени монстров. Чудовищам нельзя было отказать в осторожности и сноровке: они беззвучно впивались в горло жертвы острыми, точно кинжал, зубами и, разом перекусив сонную артерию, бесшумно уползали во тьму, волоча следом истекающие кровью тела.

... Конану снились родные киммерийские скалы. Отец Конана, кузнец Ниал, послал его к роднику за водой. Это был тот самый день, когда он выковал свой лучший меч и, для того чтобы закалить его, нужна была особая вода — из родника самого Крома. Мальчик только нагнулся над журчащим ключом, чтобы зачерпнуть в деревянную бадью прозрачной ледяной воды, как вдруг на дне, среди мелких камушков, возникло улыбающееся лицо Эйи. Конан от неожиданности выронил бадью — и ее лицо исказила гримаса ужаса. А над самым ухом киммерийца громовой голос пророкотал:

— Очнись, парень! Не время спать!

— Кром! — воскликнул Конан и... проснулся.

Прямо над ним склонялся темный уродливый силуэт какого-то существа, которое сверлило киммерийца горящим взглядом кровавых глаз и, лязгая чудовищными клыками, тянуло к нему искривленные руки с огромными когтями.

— Ах, ты, Сетово отродье! — рыкнул Конан и, не раздумывая, за неимением лучшего оружия, выхватил из почти погасшего костра здоровый тлеющий сук, ткнув его прямо в оскалившуюся жуткую харю.

Монстр заверещал пронзительно и надрывно, завертел обожженной мордой. Красные глаза ослепленно моргали.

— Ха! — воскликнул обрадованный варвар. — Так тебе свет не нравится, блевотина Нергала?

Не мешкая, он схватил один из валявшихся на полу потухших факелов и, сунув его в тлеющий костер, раздул угли. Факел, пропитанный ворванью, затрещал и вспыхнул неровным, чадящим пламенем. По сводам зала заплясали отблески света, и перед киммерийцем открылась картина кровавой вакханалии, устроенной ночными пришельцами.

Вспыхнувшее пламя, пусть и неяркое, оказалось на них убийственное действие — заскулив и опустив морды вниз, дабы не ослепнуть, порождения бездны бросились наутек, ища спасения от света в темных коридорах.

— Эйя! — в тревоге воскликнул Конан, но было поздно.

Место рядом с ним, где спала девушка, оказалось пустым. Дочь вождя пала жертвойочных монстров.

Яростно взревев, Конан схватил лежавший на полу медный топор и, как дикий зверь, бросился вслед за монстрами, Круша их склизкие, как у лягушек, тела ударами разящего топора и опаляя их пламенем факела. Вой Тварей и крики кто еще продолжал спать, избежав гибели от зубов нечиисти.

Очнувшись от крепкого сна воины мгновенно осознали, что происходит вокруг. К Конану присоединились десятки мужчин. Гнев сынов Морского Льва был страшен — они нещадно разили нелюдей, чьи острые клыки отправили немало душ их соплеменников на Серые Равнины. Вскоре пол был уже скользким от крови. И лишь нескольким монстрам все же удалось ускользнуть от топоров и факелов, найдя спасение в темноте туннелей.

В суматохе побоища Конан успел заметить Акулана. Вид вождя внушал ужас: седые волосы разметались по покрытым шрамами плечам, лицо исказила гримаса боли и ненависти.

— Где Эйя?! — вскричал он, увидев киммерийца.

— Ее утащили эти ублюдки, — зло буркнул Конан, работая топором, как мясник на шадизарских скотобойнях.

— О, горе мне! — возопил в отчаянии вождь и, размахивая топором, как безумный, бросился вдогонку монстрам и вскоре исчез в одном из коридоров.

«Похоже, старый вояка тронулся от горя, — мелькнуло в голове у Конана. — Жаль, конечно, девку — но ее уже все равно не спасти, а вот папашу надо выручать, пока он к Нергалу в задницу не провалился». И киммериец бросился вдогонку за старым вождем.

... Далеко впереди — насколько хватало света факела — мелькали белесые, согбенные спины подземных жителей, бежавших от преследовавшего их Акулана. Однако неожиданно за одним из поворотов туннеля навстречу потерявшему всякую осторожность старику выпрыгнула новая тварь. Он метнулся в сторону, стараясь избежать столкновения, но было поздно. Чудовище, отличавшееся завидной реакцией, точно предугадывало любое его движение. И вот оно уже со смачным всхлипыванием вцепилось в горло несчастному... А издалека раздался злорадный хохот подземных ублюдков, напоминавший отвратительное кваканье, вскоре стихший где-то в глубине подземелий. Монстр же, прикрывая отступление собратьев, принялся терзать тело воина.

Подбежав ближе, Конан понял, почему мерзкая тварь не боялась света — жуткие белые бельма незряче уставились на киммерийца. Многочисленные усики, густо усеивавшие продолговатое рыло отвратительного создания, напоминавшего чудовищную помесь гиены и крота, тревожно подрагивали. Как видно, чудовище прекрасно обходилось без глаз, благодаря

развитым обонянию и слуху.

Ощерив окровавленные клыки, кротогиена безошибочным броском метнулась к киммерийцу, который едва успел ловко увернуться и рубанул топором по белому боку твари. Гадина, зашипев по-змеиному, отскочила назад, густая зеленоватая жижа сочилась из ее раны. Даже кровь этого существа была обесцвечена подземной жизнью... Создание вцепилось зубами в растерзанное тело Акулана и мощными, бесшумными скачками бросилось прочь по коридору и исчезло в колодце, уходящем в бездну.

Конан бросился следом. Здравый смысл подсказывал ему, что лучше прекратить бессмысленную погоню и вернуться к племени, однако яростный пламень гнева, разгоревшийся в сердце варвара, затуманил рассудок. Ему было плевать, что за порождения Тьмы поджидают его в кошмарных подземельях. Эти твари погубили девушку, которая подарила ему ночь любви, и ее отца, подарившего ему свою дружбу,— он твердо решил отомстить за обоих.

Подбежав к дыре, в которой скрылись чудовища, Конан зажал в зубах факел и, поудобнее укрепив топор за поясом, бесстрашно встал на первую ступень сотворенной нечеловеческими руками каменной лестницы, конец которой тонул во тьме...

Глава 5. В царстве ужаса

Страшен был путь, которым рискнул пойти варвар. Он упорно спускался вниз, и конца не было ступеням, с поразительным трудолюбием высеченным в стене этого адского колодца. Что двигало древними старателями?

Неутолимая жажда золота или нечеловеческое стремление познать тайны преисподней? Кто они были, эти наделенные разумом создания? Змеелюди, подобные тем, которых изгнал из древней Валузии великий правитель Кулл, или крылатые вампиры, с одним из которых Конану пришлось схлестнуться в заброшенном городе на реке Зархебе, где нашли смерть прекрасная Белит и команда Тигрицы? Каким образом они вырыли в неподатливой скальной породе весь этот причудливый лабиринт — использовали для этой цели рабов или принудили к непосильному труду могучих демонов из потусторонних миров, прирученных силой страшной магии?

Ответа не было, и кромешная тьма, которую едва пробивал свет факела, не собираясь открывать свои мрачные тайны непрошеному гостю. И Конан, торопливо спускаясь в неведомые глубины, старался не думать о том, каким долгим и мучительным окажется падение, если под ногой вдруг не окажется следующей ступеньки.

«Даже могилу копать не придется! — усмехнулся варвар, продолжая бесконечный спуск. Изредка на камнях мелькали какие-то загадочные, недоступные человеческому пониманию символы, и мороз пробирал по коже при мысли о том, кто мог высечь их здесь многие тысячелетия назад...

Но вот, наконец, нога Конана, привычно опускаясь в поиске следующей ступеньки, уперлась во что-то твердое.

Киммериец удовлетворенно хмыкнул,— уж он-то твердо знал, что у любой бездны

непременно имеется дно. Тот факт, что под этим дном может таиться другая бездна, его не волновал. Все рассуждения о бесконечности он оставлял на долю мудрецов — и шел вперед, твердо уяснив одно: у жизни, дарованной ему суровым Кромом, было начало и обязательно будет конец... и потому не стоит его напрасно приближать. Так что истинному воину не оставалось ничего другого, как быть начеку — каждый миг этой совсем не легкой жизни...

Итак, под ногами Конана оказалась достаточно твердая поверхность, и предстояло теперь идти вперед, чтобы разобраться, наконец, что за твари таятся в этом подземном царстве, упорно пытаясь навязать свои правила игры тем, кто наверху. Киммериец осторожно двинулся вперед, старательно запоминая путь. Ему отнюдь не улыбалось застрять в этом богами проклятом подземелье на веки вечные. Он шел вперед, крепко сжимая топор, надеясь, что вскоре наткнется на ту тварь, что загрызла Акулана. Но мерзкого гада и след простыл, должно быть, почуял за собой погоню. Может, окопался в какой-нибудь из неприметных нор по бокам тоннеля? Во всяком случае, туда Конан лезть не собирался. Свет факела плясал, худо-бедно освещая подземный путь, и киммериец старался не думать о том, что будет, когда он выгорит дотла.

Многочисленные детали, выхваченные цепким глазом, говорили о том, что под землей бурлила своя, особенная жизнь. Дно коридора было усеяно следами,— словно какой-то безумец испестрил его бредовыми иероглифами. И человеческие кости, то и дело хрустевшие под ногами, отнюдь не свидетельствовали о мягком и добром характере подземных жителей.

Конан начал было размышлять, что за существа могли еще обитать здесь — как вдруг странный звук, шедший откуда-то спереди, заставил его насторожиться. Этот звук одновременно напоминал стрекотание огромного сверчка, и в нем упорно повторялся какой-то навязчивый мотив... С топором наизготовку, подбравшись, как перед прыжком, варвар, крадучись, стал подбираться к источнику непонятных звуков.

Он шел вперед — а звук то удалялся и исчезал совсем, то вдруг начинал звучать с новой силой, заставляя сердце невольно сжиматься,— такая нечеловеческая, неземная тоска была в этих странных звуках. Неожиданно звуки раздались прямо за спиной. Конан повернулся рывком — но в этот миг что-то склизкое и клейкое обволокло его сзади.

Он ощутил страшный ожог, будто сотня раскаленных игл впилась в его плоть. Желтые звезды заплясали перед глазами. Киммериец непроизвольно дернулся всем телом и, напрягши все свои силы, вырвался из смертоносных объятий.

Превозмогая чудовищную боль, Конан развернулся. В первый миг он ничего не увидел. Взор с тревогой обшаривал тьму, рука с такой силой сжимала древко топора, что, казалось, готова была искрошить его в щепы, но противника не было видно... как вдруг киммериец узрел нечто столь мерзкое и отвратительное, что с трудом подавил приступ рвоты. На стене, намертво присосавшись к камням, распласталась тварь, подобной которой он не мог вообразить и в самых страшных кошмарах.

Нет, это не был огромный, ядовитый паук, и даже не сухопутный сородич медузы, который чуть не растворил Конана своей едкой кислотой у проклятого Монолита, к которому его завлек кусанский вельможа Фенг. Если бы!

На стене, переливаясь всеми цветами радуги — что отнюдь не придавало ему привлекательности — сидело какое-то огромное жирное пятно. Оно было похоже на плесень... но лишь на первый взгляд. Приглядевшись, варвар понял, что перед ним — некая колония получервей-полуслизняков, слившихся воедино Наружный край этого чудовищного

симбиоза составляли отвратительные, хаотично извивающиеся щупальца, с помощью которых, очевидно, колония передвигалась с места на место. Следующее кольцо составляли блестевшие от переполнявшей их ядовитой слизи, отвратительные опарыши-улитки. Конан с содроганием увидел, что на мерзких маленьких головках чудовищных беспозвоночных блестят капли крови — его, Конана, крови!

Но самым страшным, самым невообразимым было то, что венчало это омерзительнейшее порождение Тьмы. В короне извивающихся слизняков восседал огромный, рыхлый, жирно блестящий иссиня-желтый мозг. Его поверхность пропахивали сотни борозд-извилин, то и дело вспыхивавших багровым светом.

Мозг питался кровью, переданной ему червями, с которыми он был связан сотнями и тысячами кровеносных сосудов. И этот мозг венчал круглый глаз, похожий на глаз осьминога — без век, без белка и зрачка.

Чудовищное око, пульсирующее, мутное, точно пузырь, заполненный грязью, внимательно рассматривало Конана.

Киммериец почувствовал, как холодный пот покрывает все его тело, как подкатывает к горлу тошнота. Черви и мозг с глазом, связанные воедино! Это никак не укладывалось у него в голове. Тварь была разумна — ибо мозг ее напоминал человеческий... Конану не раз доводилось видеть мертвых с раздробленными черепами, и он прекрасно знал, как выглядит сей орган, который, по утверждениям некоторых мудрецов, является вместилищем сознания. Но как возможно такое? Что за чудовищная волшба могла создать такого монстрами? Из каких потаенных уголков мировой Тьмы он выполз?

В ушах у варвара, сотрясаемого приступом рвоты, вновь зазвучала странная музыка, и Конан понял, что мерзкая тварь подает сигналы и воздействует на его сознание, пытаясь силой привлечь его к себе. Вскричав от отвращения, Конан усилием воли стряхнул липкие чары и стремительно ткнул факелом прямо в горящий ненавистью глаз чудовища.

В мозгу его послышался пронзительный крик такой силы, что, казалось, еще немного, и череп его взорвется мириадами острых осколков, не выдержав напряжения... Конан старался не смотреть на агонию твари, на то, как извиваются, чернея и тлея, опарыши, как шипит в огне раздавленный, источающий грязно-бурую слизь глаз... И этот невыносимый вой —казалось, ему не будет конца!

Но вот вопль оборвался, пламя выжгло разумную нечисть, оставив на ее месте черное пятно. Невыносимое зловоние ударило в нос киммерийцу, и он, сложившись пополам, едва не отдал душу Крому в новом приступе рвоты.

Придя в себя, Конан бросился бежать, все дальше и дальше от ужасного места. Он молил всех богов, каких только мог вспомнить — начиная Кромом и Митрой, кончая Сетом и Нергалом,— избавить его впредь от встреч с подобной гнусностью.

И, похоже, Темные Боги услышали мольбу дерзкого варвара. Ибо Конану больше не довелось встретиться с разумными слизняками. Чуть дальше по коридору его ждала целая стая кротогиен, явно вознамерившихся не пускать пришельца дальше.

— Ах, вы, мои хорошие! — Конан улыбнулся им, чуть ли не как родным.

После ужаса недавней стычки слепые подземные хищники казались ему едва ли не милее ручных медвежат в зверинце немедийского нобиля. Да что там эти белесые гады! Ему сейчас змеелюди Валузии и вампиры Зархебы сошли бы за добрых собутыльников! Подняв топор, Конан с яростным смехом встретил натиск незрячих тварей.

Разрубив первую из них почти пополам, он опалил факелом морду второй. Лишившись

своих усов, тварь утратила ориентацию в пространстве и с пронзительным визгом завертелась на одном месте. Третьей огромной гадине Конан, не церемонясь, просто снес голову, а четвертой — размозжил череп ударом мощного кулака. Пятая, почувствовав неладное, пустилась наутек, и Конан не стал ее догонять. Он поймал себя на мысли, что давно уже сражение не доставляло ему такой радости.

«Впору умом тронуться,— с опаской подумал киммериец.— Эдак, я скоро с этими гиенами обниматься стану!» Впрочем, первую свою задачу он, в общем-то, выполнил: отомстил кротогиенам за смерть Акулана. Оставалось лишь разделаться с теми монстрами, что убили Эйю и вырезали полплемени. А их-то как раз и не было видно. И Конан пошел дальше.

Он шел по проклятому коридору, настороже, точно боевой пес. Подземелье словно высасывало из него энергию, и Конан чувствовал, что силы его на пределе. Лишь дикарская, почти звериная натура варвара могла выдержать подобное напряжение. Теперь он ожидал от этих проклятых подземелий чего угодно. И не ошибся в своих ожиданиях.

Легкое покалывание в районе икры привлекло его внимание и вскоре сменилось ощущением влажного поцелуя... подобного лобзанию упыря, суккуба, целующего страстно и долго — до тех пор, пока последняя капля крови не вытечет из жил ласкаемой жертвы. Конан взглянул вниз и содрогнулся.

К ноге прильнула, сотрясаемая судорогой алчного нетерпения, огромная, влажная, абсолютно белая жаба. Толстые пупырчатые лапы нежно обивали икру Конана, а плоская башка впивалась в нее жирными плотоядными губами. Кровожадная жаба была альбиносом, как и большинство подземных тварей, но, в отличие от кротогиен, вполне зрячей, и ее огромные, выпуклые, как полусфера, глазища горели хищным рубиновым огнем. На мгновение онемев, Конан с ужасом заметил, что тело мерзкого земноводного упыря постепенно набухает и приобретает зловещий багровый оттенок.

— О, Сет и Имир, сколько же их тут!— Конан, рискуя задеть ногу, рубанул топором по ужасной твари, мгновенно отделив толстое туловище от башки.

Тело жабы-вампира лопнуло как гнойный волдырь, брызнув в лицо Конану его же кровью, но голова, с отвратительным чмоканьем жадных губ, продолжала высасывать вожделенную красную влагу, лившуюся теперь прямо наземь. Конан с трудом отодрал жуткую башку от раны и с наслаждением растоптал.

В тот же момент он успел заметить мелькнувшую в свете факела белесую тушу, которая мокрым шлепком приземлилась на могучее плечо варвара и, подобно первой жабе впилась в него алчной пастью. Едва Конан успел отодрать вампира и отшвырнуть прочь, как тут же подвергся новому нападению.

Жуткие твари висели по стенам, подобно гроздьям дьявольского винограда, крепко держась присосками за камни и терпеливо поджиная жертву. Горячая, красная кровь киммерийца была настоящим лакомством для подземных вурдалаков после белесой жижи обитателей подземелья.

Конан с яростными ругательствами оттирал упырей от своего тела, но все новые и новые твари устремлялись к нему, привлеченные запахом крови. Бежать было некуда. Твари были повсюду! Единственное, что могло спасти варвара,— это уничтожить врагов раньше, чем они сумеют к нему подобраться, и он перешел из обороны в наступление. Конан действовал так быстро, как только мог: одной рукой, с зажатым в ней топором, молниеносно сшибал белые гроздья с одной стороны туннеля, превращая их в склизкое крошево, а с другой

стороны — жег их факелом, оставляя за собой черные, тлеющие и корчащиеся трупы отсосавших свое упырей.

Громадный киммериец работал как ветряная мельница, вращая могучими руками с такой скоростью, что больше ни одна гадина не успевала присосаться к нему, неминуемо попадая вместо этого под топор или факел. Грудь киммерийца вздымалась как кузнечные мехи, с тела его градом катил пот, но он ни на мгновение не сбавлял темпа. Лишь в скорости было его спасение.

Наконец число хищников стало меньше, и вскоре последний из них нашел свою смерть под топором неутомимого варвара.

Конан на мгновение остановился для того, чтобы отдышаться. Бойня отняла у него немало сил, а раны, нанесенные вампирами, продолжали кровоточить. Будь на месте варвара человек не столь богатырского телосложения и не обладавший его выносливостью, он давно бы лишился чувств, ослабев от потери крови.

Конан боялся лишь того, что жабы могли оказаться ядовитыми — тогда его ждет верная смерть. Нельзя было терять ни мгновения! И, собрав весь свой запас мужества, силы и выносливости, варвар устремился вперед. Он должен был отомстить за Эйю ее убийцам — девушка стоила этого! Ненависть придала ему силы.

Глава 6. Ритуал нелюдей

Конан шел по подземной дороге, и временами ему казалось, что он провел здесь, в этой преисподней, всю жизнь. Будто и в помине не было тех удалых, развеселых лет, проведенных в Заморе, 'Гуране, на Море Запада, Вилайете и в сотне других мест, куда заносила его прихотливая судьба. Где они, таверны и кабаки с засалеными дубовыми столами, в которых можно за раз оприходовать жареного барана и запить его целым бочонком доброго аквилонского или аргосского вина? А пышнотельные, улычивые потаскушки всех мыслимых национальностей, так и льнувшие к нему,— стоило бросить на стойку золотую монету? Где она, богатая добыча — золотые кубки, ожерелья, венцы, кольца, браслеты, резные ларцы? Где тюки, полные кхитайских шелков, вендинских благовоний, уттарийских пряностей? А аквилонские двуручные мечи, вендинские трехгранные кинжалы, зингарские клинки с золотыми эфесами?.. Когда-то он попирал ногами все это великолепие, добывное им с верными соратниками — разбойниками, мунганами, пиратами, контрабандистами, готовыми идти в огонь и в воду за отважным Амрой, твердо зная, что их ждет удача...

Все это теперь казалось Конану нереальным,— будто и не с ним все это было там, в другом мире, где ярко светит солнце, синеет небо, зеленеют поля, белеют горы и плещут синие волны. Здесь же было темное, мрачное подземелье, кишащее всевозможными исчадиями ада, тварями, над созданием которых словно потрудились извращенные умы демонов преисподних самого Зандры.

Здесь он не был ни наемником, ни гвардейцем, ни контрабандистом, ни пиратом. Все его многочисленные маски, надетые на него цивилизацией, опали, как шелуха, и оказались бесполезны... и из-под них простили подлинные черты Конана, неукротимого, отважного,

в чьем сердце билось одно неистребимое желание: выжить любой ценой.

Неожиданно тьма начала рассеиваться, и где-то далеко впереди Конан увидел призрачное зеленоватое сияние. Киммериец прибавил шаг: чутье подсказывало ему, что цель близка. Теперь он шел быстро, но вдвое бесшумнее, чтобы остаться незамеченным, но готовый припасть к стене и слиться с ней. Возможно, впереди было обиталище подземных монстров, и Конан рисковал натолкнуться на них. Правда, похоже, белесые выродки были не столь уж разумны,— иначе додумались бы выставить часовых. Или они настолько уверены в своей безопасности?

Как бы то ни было, а Конану удалось без помех подобраться почти вплотную к месту, откуда исходил зеленоватый, сумеречный свет. Подземный коридор оборвался, и Конан очутился у входа в огромный зал, чем-то напоминавший тот, где обитало племя Морского Льва, только обширнее. Очевидно, оба зала являлись делом рук одних и тех же строителей.

Путь Конана закончился. Он был у цели. Весь зал был битком набит чудовищами,— теми самыми, что убили Эйю и ее соплеменников. Погасив факел, но оставив его тлеть — так, чтобы можно было раздуть заново в любой момент, Конан притаился у входа в подземный грот и стал наблюдать за своими врагами.

Вероятно, подземные монстры были все же наделены неким подобием разума. Ибо происходящее в пещере мало напоминало поведение животных. Странные уродцы с белесыми, искривленными, шишковатыми телами похоже, отправляли некий причудливый и гнусный ритуал.

В центре зала, где сгрудились нелюди, Конан узрел странный предмет, который, похоже, и являлся объектом поклонения монстров. Именно от него исходило загадочное зеленоватое свечение, создававшее в пещере призрачный, мистический полумрак.

Привыкнув к тусклому освещению и разглядев странный предмет повнимательнее, Конан едва сдержал возглас удивления. Предмет, которому поклонялись чудовища, представлял собой нечто вроде саркофага, очень похожего на те, которые покоятся в стигийских гробницах, но только поставленный вертикально. Саркофаг был выполнен из полупрозрачного зеленоватого материала, излучавшего мертвенный свет, заливавший все вокруг, усиливая тем самым иллюзию полной нереальности происходящего.

Приглядевшись, Конан различил внутри саркофага очертания иссохшей мумии. На голове ее заманчиво светилась золотая, усыпанная самоцветами корона. При взгляде на нее у Конана сразу прибавилось бодрости. Но когда он перевел взгляд на подножие зеленого гроба — то и думать забыл о богатстве.

Возле саркофага, приготовленные для принесения в жертву чудовищной мумии, лежали окровавленные человеческие останки. И среди них — тут ошибки быть не могло — покоилось тело Эйи, девушки, совсем недавно подарившей Конану радости любви.

Слепая, холодная волна ярости окатила мозг варвара. Раздув факел и воздев над головой топор, киммериец со страшным боевым кличем ринулся внутрь — в самый центр гнусного сборища.

***

... В мгновение ока Конан очутился в зале. Он застал монстров врасплох. Увлеченные церемонией, предвкушая кровавое пиршество, они не замечали ничего вокруг себя и стали превосходной мишенью для острого топора, который весело заплясал по их благоговейно склоненным спинам и головам. Брызнули потоки зеленоватой крови — и вот уже десятки чудищ были сметены яростью киммерийца. Нечеловеческие вопли ужаса раздались под сводами зала.

Монстры, прервав кровавый обряд, в панике обратились в бегство.

Конан возвышался над ними, подобный грозовому божеству мщения и гнева. Черты его исказились от ярости, черные волосы разметались по могучим плечам, глаза метали синие молнии.

Свет факела, нестерпимо яркий для привыкших к темноте подземных жителей, давал воину неоспоримое преимущество, без которого ему нечего было бы и надеяться совладать с такими ордами. А так победа казалась уже близка... Но вот, упоенный битвой, Конан сделал неверный шаг — под ногу ему попалось скользкое, изрубленное тело уродца, и, не удержавшись, варвар рухнул навзничь, ударившись затылком о камни. Факел выпал из его руки и, угодив прямо в лужу крови, растекшуюся под ногами Конана затрещал, зашипел и... наступила тьма.

Мгновенно вскочив и кляня себя за неосторожность, киммериец увидел, как в объявшей его зеленоватой полутьме вспыхнули кровавым, торжествующим светом глаза монстров. Мрак был теперь на их стороне — и все его боги и демоны, воплощавшиеся в том первобытном ужасе, который всегда гнездится в потаенных уголках человеческой души, извечном страхе перед темнотой и ее порождениями. Ужас шевельнулся в сердце Конана, но он подавил его и, взяв топор наизготовку, принялся ждать. Теперь он знал, что проиграет,— во мраке зажигались все новые и новые красные точки — порождения бездны лезли из каких-то неведомых дыр и лазов, и их становилось все больше.

Киммериец решил дорого продать свою жизнь. Не мешкая и не пытаясь оттянуть неизбежное, он отчаянно взмахнул топором, сразу потушив несколько зловещих угольков...

Битва шла в полном молчании, прерываемом лишь шумным дыханием киммерийца и короткими предсмертными воплями тварей. Но монстры все наступали, целые ряды их, как трава под косой, ложились под ноги Конана, но тьма извергала из своего чрева все новые отряды. Под их натиском Конан отступил прямо к саркофагу,— благо, теперь ему не надо было опасаться за тыл, а зеленый свет, излучаемый прозрачными стенками таинственного гроба, облегчал схватку.

И все же силы Конана были на исходе. Киммериец ослабел от многочисленных ран, полученных им этой ночью. И в этот момент в разгоряченной голове варвара мелькнула новая мысль, и он ощерил белые зубы в недоброй волчьей усмешке. Что ж, пусть он погибнет в этой неравной битве, но напоследок он отомстит этим тварям. Да! Уничтожить самое дорогое, что у них есть,— это будет хорошая месть за Эйю, Акулана и за него самого! И, размахнувшись, Конан изо всех сил ударил топором по саркофагу.

Монстры возопили в отчаянии и, застыв на месте, в ужасе наблюдали, как киммериец продолжает наносить удар за ударом, безжалостно круша зеленую твердь их святыни. Казалось, страх парализовал их. Они даже не пытались помешать святотатцу.

Раздался звук, напоминающий звон битого стекла,— саркофаг разлетелся на куски, не выдержав бешеного натиска киммерийца. Но мумия, заключенная в нем, вместо того чтобы распасться в прах, неожиданно шевельнулась.

Новый вздох ужаса пронесся по рядам тварей. Скрюченный, иссохший труп медленно распрямлялся. Вот зашевелилась голова, увенчанная короной, сверкающей во тьме, и жуткий мертвец открыл глаза, На Конана глядели раскосые желтые глаза с неподвижным, вертикальным зрачком. Существо сделало несколько шагов вперед и очутилось рядом с варварам. Он не успел даже отпрянуть — как костлявая рука ожившего мертвеца протянулась к нему.

Внезапно обоих охватило облако красного света, столь ослепительно-яркого, что монстры, оторопело взиравшие на воскресение своего божества, взвыв от боли, попадали ниц, тщетно пытаясь укрыться от обжигающего сияния. А когда пришли в себя, красное облако уже рассеялось,— но ни странного существа в короне, ни киммерийца в зале не было. И только осколки зеленого саркофага таинственно мерцали во тьме.

Глава 7. Воскресшая нежность

Конан открыл глаза. Красное облако, окружавшее его рассеялось, и — о, чудо! — в лицо ему ударил сноп солнечного света. Он был на поверхности!

— Б-р-р,— киммериец затряс головой, убеждаясь, что это не сон и не наваждение. Но нет, вокруг не было ни подземелий, ни мерзких тварей.

Он находился на склоне холма, поросшего кустарником и соснами. Оглянувшись, Конан увидел далеко позади чернеющую гряду скал. Шум прибоя говорил, что именно в той стороне находится море Вилайет, по которому он прибыл в этот удивительный край. И туда, к морю, петляя меж бугрившимися тут и там холмами, текла неширокая, но бурная река.

«Рангхха-а» — неожиданно раздалось прямо в голове у Конана. Слово было каким-то странным, чужеродным, по-змеиному шипящим...

Киммериец рывком обернулся. Перед ним стояло то самое странное существо, которое Конан, вольно или невольно, освободил из дремотных объятий зеленого саркофага. Едва подобная мысль мелькнула в голове Конана, как ожившая мумия откликнулась.

«Ты прав-ф-ф.— Слова, звучавшие прямо в мозгу, отдавались эхом, в котором улавливалось гадючье шипение.— Ты разбудил меня, воин! Разбудил от тысячелетнего с-сна-а-а...»

Конан еще раз оторопело мотнул головой, как бы стряхивая с себя морок:

— Да что же это за тварь такая?! Стоявшее перед ним существо в общих чертах походило на обычного человека, разве что было на полголовы выше совсем не маленького киммерийца. На ожившей мумии не было и следа одежды — и лишь удивительно абсолютный, причудливой формы череп венчала давешняя корона.

Кожа незнакомца была лоснящейся, зеленовато-коричневого оттенка, тело поражало неестественной худобой, Но это не была худоба умирающего от голода нищего или вендинского отшельника-аскета, сознательно доведшего себя до такого состояния фанатичным самоистязанием. Это была скорее естественная поджарость хищного ящера, и в ней сквозила огромная, сверхчеловеческая сила.

Голова, в общих пропорциях также схожая с человеческой, все же во многом рознилась

от нее. Ее отличали сильно развитые лобные доли, свидетельствовавшие о могучем интеллекте, слаборазвитый затылок, плавно переходивший в длинную щеку, и сильно выдвинутая вперед лицевая часть.

Носа и ушей в человеческом понимании не было вовсе, вместо них имелись едва различимые щели; челюсти напоминали клюв или змеиную пасть. Из-под сильно выдающегося козырька, образованного гигантским лбом, начисто лишенного надбровных дуг,искрились желтым холодным светом большие раскосые немигающие глаза.

«Кром! — мелькнуло в голове у Конана. — Да это же человекозмей, из древней Валузии!»

«Да-а-а, — сразу же отозвалось змеиное шипение. — Я — змей! Так вы называете нас-с, теплокровные потомки обезьяны. Нас-с — рас-су наагоф-ф!»

Конану порядком надоел этот внутренний голос, «голос без спросу вторгавшийся в его мысли», и он, выругавшись, обернулся к разумному ящеру:

— Слушай, как там тебя... нааг! Ты что, не можешь разговаривать со мной по-человечески? Или у вас нет языка? Но что-то я ни разу в жизни не видел безъязыкой змеи!

«На каком языке с тобой говори-ить? — вновь раздалось в голове у варвара. — На наречии Ахерона, или предпочитаешь речь атлантов? А может, с тобой общаться на языке сгинувшей Лемурии?»

«Эге! — смекнул Конан. — Да этот Сетов родич, похоже, ни одного нынешнего языка не знает. Долго же он спал!»

Впрочем, сие не слишком поразило варвара: ему знакомы были повадки удавов и питонов, которые, сожрав крупную добычу, могли дрыхнуть месяц, а то и все полгода. Этот, правда, заснул на добрые три тысячи лет в своем зеленом гробу, — но особой разницы киммериец тут не видел!

— Тебя, я вижу, трудно чем-то удивить, Конан из Киммерии, — вновь услышал варвар надоедливое шипение в мозгу. — Ну, не злис-сь, с-скоро я с-смогу говорить на твоем родном языке. В нем немало общего с атлантс-ским. Я понял это из твоих мыс-слей. Думать на родном языке похвально для человека, так долго с-странствовавшего в чужих краях. — А за комплимент с-спасибо, человек...

Конан даже не сразу понял, что к нему наконец-то обратились вслух, и к тому же — на чистом киммерийском, без малейшего акцента. Голос говорившего, правда, звучал странно — сухой, шелестящий, с присвистом и пощелкиванием... но что возьмешь со змея?

— С-спасибо, Конан, — продолжал нааг, — что назвал меня родичем Отца С-сета. Большая чес-сть для меня... И с-судьбы наши похожи. С-святая плоть Великого Змея ныне пребывает в с-саркофаге, подобном моему, в потаенной пещере на болотах южной С-стигии. Его тело пленено там, а бессмертный дух витает вдали от нашего мира и лишь изредка может являться на землю. О, если бы нашелся кто-нибудь, кто вызволил бы Отца С-сета из проклятых оков, — и тогда он вернулс-ся бы в наш мир! С-смею надеяться, что на этот с-святой саркофаг когда-нибудь наткнется богатырь, подобный тебе, Конан!

— По части комплиментов ты, конечно, мастак, — мрачно осклабился Конан. — Но лично я буду молить Крома, а в придачу Митру, Асуру, Бела и Иштар, чтобы ни один недоумок не напоролся на эту проклятую могилу!

Змей неожиданно рассмеялся шипящим смехом. Похоже, у змеевидных, несмотря на их хладнокровие, с юмором было все в порядке.

— О, не надо с-столько огня, человек! Я знаю, какой уж-жас внуш-шает вашей рас-се наш Влас-стелин, ес-сли не ужас-с внушает с-стигийских жрецов. Да и те пока не ос-с-

смелились и помыс-слить о том, чтобы пробудить божество. Ну, да я не с-сужу их с-строго! Ведь они вс-сего лишь люди хотя и лучшие с-среди вас-с. Да и час-с Владыки пока не настал! Ну, да забудем пока об этом. У наагов есть и иные проблемы...

— А что, остались и другие нааги, кроме тебя? — угрюмо осведомился Конан, уже не радуясь, что выбрался из подземелья с помощью волшбы проклятого нелюда.

«И какого демона я, вообще, полез в эту дыру?» — мрачно подумал он.

— Не казни с-себя так, Конан. — Киммерийцу показалось, что, что разумный ящер ухмыляется. — Ес-сли с-станешь и дальше рассуждать, таким образом, то придется к выводу, что лучше бы тебе не становиться пиратом и вообще, сидеть и поныне в родной Киммерии. А еще лучше — и вовссе не появляться на с-свет!

— Ну, положим, об этом я никогда не жалел. А вот в Киммерии, может, остался бы с удовольствием. Только один проклятый колдун спалил нашу деревню, и мне пришлось мальчишкой бежать к асирам. А потом угодил в рабство в Гиперборею!

— Ну, конечно! — Змей шелестяще засмеялся. — Дуум пос-старался! Он ведь тоже один из нас-с. Вот, кс-стати, я и ответил на твой вопрос-с. Нааги еще с-существуют в этом жестоком к ним мире. Но нас-с мало. Очень мало. Тыс-сячи лет вы, люди, вели войну против нас-с. А ведь когда-то мы правили вс-сем миром! Это было так давно, что ты со с-своим узеньким кругозором и предс-ставить не сможешь! О да! Сотни тысяч лет вся земля дрожала под могучей поступью гигантских ящеров. Но вс-се их могущество меркло перед нашим. Ибо чего стоила их с-слепая, глупая с-сила перед мощью нашего блестящего разума?!

Грянули великие катастрофы — и вс-се гиганты вымерли, а на Земле рас-сплодились отродья крыс-с. Ваши предки, человек!

Но и мы, нааги, выжили в великих катаклизмах. Затем появились новые разумные рассы. Но влас-сть над миром оставалас-сь в наших руках! Мы! Ес-сли бы не с-существа, которых вы называете богами, — так было бы и сейчас! Но вы, возомнившие о себе крысиные отродья, решили, что мы уже отжили свое и боги, пришедшие с-со звезд в наш мир, поддержали вас-с! Ибо эти проклятые с-существа, которых вы зовете Богами Света, обличьем были с-схожи с вами! И нас-с извели почти на нет, наших гордых богов и защитников, и с-самую рас-су наагов! Но я вот что с-скажу тебе, Конан! Ты с-сителен и могуч, и ум твой — отнюдь не ум дикаря, хотя ты и дик обличьем! Ты — один из лучших с-среди с-своей расы! Но что с-стоите вы перед нашим умом, нашими способностями, нашими древними знаниями?

— Да будь ты хоть трижды мудр и сведущ в колдовстве, — воскликнул Конан, в гневе воздев свой иззубренный топор, — вся твоя волшба ничего не стоит перед силой моей руки и разящим металлом! Дуум узнал это! Перед смертью! — Взгляд его синих глаз не предвещал ничего хорошего. Будь перед ним хоть сам Сет — и это не остановило бы варвара, готового ринуться в бой.

Но змей, похоже, не собирался воевать с Конаном. Он примирительно поднял свою длинную, тонкую конечность, и киммериец заметил, что на его кисти всего три пальца.

— Ус-спокойся, Конан, — прошелестел нааг. — Я не желаю тебе зла. Вс-се это было давно. К чему вс-споминать прошлые обиды? Мы, нааги, теперь умирающая раса. Я признаю вашу победу над нами, люди. И не с-собираюсь воевать в одиночку против ваших множеств. А лично к тебе, о храбрый киммериец, я пытаю лишь с-самые добрые чувства. Ведь это ты пробудил меня от оков магического с-сна! Твоя ус-слуга воис-стину не имеет цены! Я щедро вознагражу тебя, Конан, клянусь Сетом! Ибо я знаю прямой путь к нес-сметным с-

сокровищам грифов, лежащим в великих Рипейских горах с допотопных времен!

Часть вторая

СТЕПНЫЕ СКИТАЛЬЦЫ

Глава 1. Поцелуй волка

На самом отдаленном краю ойкумены высятся крутые угрюмые горы, именуемые Рипами. И где-то в этих серых непрступных вершинах, покрытых вечными льдами, берет исток река Джайх, зарождаясь у самого обиталища сурого бога Борея — Аквилона. Бурным, пенистым потоком несется Джайх по горным долинам и, наконец, на просторах обширного всхолмленного плато, по которому бродят стада диких зверей и кочуют неведомые хайборийцам народы, встречается он с полноводной Рангхой, и они несут свои воды вместе туда, где о дикие скалы бьется грозным зверем море Вилайет. К юго-востоку же от Джайха тянутся необозримые просторы Гирканских степей...

... Старый седой волк Кокбуз, нора которого пряталась в камышах у восточного берега Джайха, забрел далеко в степь в тот жаркий, пыльный день. Надо же! Ни сайгака, ни даже зайца! Ну, хоть суслик бы высунул неосторожную голову из норы!

Охотничья удача явно изменила в тот день седому степному ветерану, чья шкура была изодрана в сотнях схваток.

Изведала она и зубы других волков, и рога степных самцов антилоп, и камчу удалых гирканцев, и удары тяжелых копыт и небольших, но прытких лошадей. Кокбуз невольно ощерил свои желтые клыки-ятаганы — немало глоток они перегрызли на своем веку! О, далеко не каждому гирканскому наезднику, осмелившемуся поднять на него свою жгучую плетку, удавалось ускользнуть от мести страшных зубов Кокбуза. Не брезговал он и лошадями, хотя мясо их было жестким и вонючим. Их хозяева были куда вкуснее. Им, откормленным бараниной и кумысом, не приходилось скакать на четырех ногах многие стрелка по бескрайней степи.

Именно поэтому острые уши старого волка мгновенно напряглись, а зоркие глаза зажглись хищным огнем, когда на горизонте — там, где колышущийся, подобно волнам Вилайета, ковыль сливался с ярко-синим куполом Вечного Неба — в дрожащем знайном мареве вдруг показалась черная точка, вскоре оформившаяся во вполне различимый силуэт всадника.

Зверь судорожно сглотнул пенистую слону, закапавшую с розового языка. Степной ветер донес до его чуткого, влажного носа запах конского пота, кислой овчины, резкий дух

человека, смешанный с запахом стали. Кокбуз хорошо знал этот ненавистный запах. До сих пор в непогоду — особенно голодной, выжной зимой — ноют его застарелые раны, как щенки угодившей в кашан волчицы. Ноют в память о жгучей ласке гирканских стрел с бронзовыми трехгранными наконечниками и о страстных поцелуях сабель, выкованных в Дамасте или Кхитае.

Сизая шерсть дыбом встала на мощном загривке волка. Кокбуз припал к земле и, слившись с лениво колыхающимся ковылем, неотрывно следил за приближающимся всадником.

Волк знал, что путники, направляющиеся к Джайху, в этих местах держатся старой караванной тропы. Тропа эта пролегала в естественной ложбине, с юго-западной стороны которой, степь поднималась, переходя в холмистую возвышенность. Похоже, некогда, многие тысячелетия назад на месте тропы находилось древнее, давно иссохшее русло Джайха. Но это было так давно, что никто из гирканских купцов не догадывался о том, что их путь на северо-запад пролегает там, где в былые времена, еще до того как их предки заселили степи, плескались волны древней реки. Тропа, ведущая в сторону Рипейских гор, была для гирканцев столь же древней, как Вечное Синее Небо, как солнце — светоч Огненного Бога, и многие поколения верблюдов и лошадей оставили на ней свои следы.

Одинокий всадник также двигался в этом направлении — было уже хорошо видно, как он неторопливо поигрывает камчой. Волк глухо зарычал от злобы и нетерпения и, как серая змея, заскользил к месту засады. Это было излюбленное убежище Кокбуза: часто он находил в знойные дни тень и прохладу у подножия древнего, высеченного из камня богатыря, сжимавшего в правой руке ритон и молчаливо взиравшего в степную даль. Дорога проходила как раз мимо старого кургана, на вершине которого и было установлено изваяние.

Кто и когда насыпал курган и установил идола, никто не знал, но гирканские купцы, проезжавшие мимо с караванами, обязательно оставляли подношения суворому каменному исполину. Порой то бывал кусок хорошей баранины или глиняный горшок с жирным, наваристым супом, нередко спасавшие Кокбуза от голода. Многие волки из округи пытались отбить у Кокбуза теплое местечко у кургана, но сами пошли в жертву древней статуе. Это было его Кокбуза, место, с боем отбитое когда-то у старого седого бирюка, и он никому не собирался его уступать.

Но караванов почему-то давно не было видно, и, похоже, никто больше не собирался кормить Кокбуза бараниной и супом. А путник был одинок — и это было странно. Редкий человек мог рискнуть в одиночку странствовать по Гирканской степи. Волк, впрочем, не удивился тому, а лишь занял удобную позицию в тени идола и стал терпеливо ждать неосторожного путника, готовый преподать ему урок, как опасно ездить по степи без спутников. Последний урок в жизни глупца...

Наконец одинокий всадник поравнялся с каменным исполином. Ожидания коварного хищника сбылись: путник спешился и, взяв коня под уздцы, неторопливо направился к подножию кургана, намереваясь, очевидно, отдать дань уважения святыне. Собирался ли он помолиться или просто оставить свой дар, осталось неясным, ибо в тот самый миг на грудь ему точным, стремительным броском кинулся матерый бирюк. Зловеще оскалив клыки, волк поверг наземь не ожидавшего нападения человека и теперь старался перегрызть ему горло. Конь в панике убежал далеко в степь, но Кокбуз не стал отвлекаться на него, уверенный, что и эта добыча не ускользнет от него.

Волк и человек покатались по склону кургана, сцепившись в отчаянной схватке. За

поединком равнодушно наблюдали глаза древнего исполина.

Однако человек, видимо, не зря путешествовал один и мог за себя постоять. Клыки волка, пытавшегося добраться до мягкого человечьего горла, жадно клацающие, в предвкушении горячей свежей крови, неожиданно натолкнулись на сталь глухого ворота кольчужной рубашки. Парень был явно не лыком шит! Кое-как вывернувшись, человек обхватил руками волчье тулово, прижимавшее его к земле.

Но попытка задушить матерого самца ни к чему не привела: Кокбуз, яростно захрипев, извернулся и вцепился зубами в руку человека, невзирая на то, что губы его в кровь раздирают кольца стальной рукавицы. Волк упорно пытался добраться до живой плоти, еще не понимая, что его карта — бита. А человек изменил тактику: позволив хищнику захватить зубами руку, стал пропихивать ее все глубже и глубже, раздирая страшную пасть и перекрывая доступ воздуху.

Наконец желтые волчьи глаза закатились и остекленели. Дух седого ветерана Кокбуза отлетел на небесные равнины, цветом походившие на его шкуру. Человек кое-как вытащил окровавленную руку из волчьего нутра и, отпихнув еще теплый труп зверя, с трудом поднялся на ноги.

Человек — а это был юноша лет двадцати — перевел дух и ухмыльнулся, разглядев внимательнее поверженного врага.

— Здоровый, гад... — пробормотал он, поддев труп носком мягкого, спитого из шкуры марала, сапога. Неожиданно парень болезненно поморщился и поднес руку к лицу. Перед смертью волк все же оставил ему свою метку: над губой багровел окровавленный рубец.

— О, Папай-громовержец! — воскликнул юноша, пытаясь унять кровь, струящуюся из раны. — Однако, каков подлец!

Видно было, что молодой человек долго находился в одиночестве, в результате чего приобрел привычку разговаривать сам с собой.

— Покойный учитель, пожалуй, нашел бы это забавным. Сказал бы, наверное, что волк поцеловал меня на память. Что ж, так оно и есть. След от поцелуя, похоже, мне суждено сохранить до самой смерти. И столько же я буду помнить эту схватку!

Собственная немудреная шутка так развеселила юношу, что он расхохотался от души. Его заливистый, искренний смех разнесся далеко вокруг, спугнув сусликов-тарбаганов, которые только, было, высунули свои любопытные мордочки из нор. И лишь суровое каменное изваяние осталось безучастным к радости человека, выжившего в отчаянной схватке...

Глава 2. Изгнаник

Юноша, сразивший волка, наконец, оправился от потрясения. Немного отдышавшись и уняв кровь, струящуюся из раны, он свистом подозвал напуганного коня и с трудом утихомирил нервно поводившее боками животное. Похлопав коня по лоснящейся гладкой шее, он стреножил его и снял с чересседельника объемистый хурджум. Затем бросил прямо на землю попону и на нее стал выкладывать содержимое сумы.

Очевидно, молодой человек решил устроить привал в этом месте, где едва не нашел свою погибель. Юноша достал из хурджума большой кусок соленого мяса: свежего он не мог себе позволить, в отличие от гирканских купцов, всегда гнавших с караваном десяток-другой овец, ибо они не признавали никакого другого мяса, кроме парной баранины. Однако молодой человек не был столь прихотлив и, разрезав солонину надвое отличным кинжалом из дамастской стали, сразу же впился в больший кусок крепкими белыми зубами, а меньший высоко поднял в руке. Кое-как прожевав мясо, он обратился к каменному исполину:

— Прими мою жертву, древний герой! Твой дух, незримо витающий здесь, не допустил моей смерти от волчьих клыков. Хотя, может статься, этот волк и был твоим стражем? И в нем обитал твой дух? Но даже если и так — все равно благодарю тебя, богатырь! Ведь я одолел хищника, и эта победа сделала меня сильнее. И пусть теперь твой дух вселится в мою плоть и вдохнет в меня твой воинский пыл!

Молодой человек разгорячился, глаза его заблестели. Ему на самом деле показалось, что древняя статуя молчаливо соглашается с его словами. Он направился было к изваянию, дабы возложить к его ногам свой Дар, но вдруг передумал:

— О, я глупец! Какая же это жертва — кусок солонины? Нет, это не пища для богатырей!

Юноша решительно подошел к мертвому волку, продолжавшему щерить клыки в вечном оскале, и, ловко орудуя кинжалом, стал свежевать его тушу. Сноровисто сняв шкуру со своего недавнего противника, он мгновение полюбовался ее жестким седым мехом, лишь кое-где подпорченным проплешинаами от шрамов:

— Из этого выйдет отличная накидка!

Затем он вырезал из дымящейся туши сердце и печень.

— Остальное — вам! — обратился он к стервятникам, которые уже начали кружиться в воздухе, чуя поживу.

Собрав в ладонь кровь, вытекавшую из волчьего сердца, он помазал ею каменный рот изваяния.

— Прими мою жертву, древний воин, — прошептал юноша. — Прими сей дар от изгнанного наследника Хрустального Престола Страны Городов. Прими как залог того, что свершится моя месть, и тронный зал царского дворца в Аргаиме окрасится кровью предателей и изменников так же, как сейчас твои каменные уста!

Затем юный изгнаник, не поморщившись, съел волчье сердце и печень — как есть, дымящимися и сырыми. Запив этот ужин, достойный самого дикого из пиктов, несколькими глотками вина, юный принц, видимо, решил устраиваться на ночлег.

***

Солнце клонилось к западу, где, как слышал юный изгнаник, лежат неизвестные загадочные страны, населенные удивительными народами, где плещется о границы населенного мира Последнее из морей.

Молодой принц много слышал об этом, но никогда не видел своими глазами. А разве стоят чего-нибудь пустые слова? Для юноши страны Запада всегда были красивой легендой.

Большую часть жизни он провел в краю Восходящего Солнца — на берегах могучих желтых рек, несущих свои воды к Лемурийскому океану, где среди бамбуковых зарослей таятся чудесные города, за нефритовыми стенами которых тоненько звенят на ветру взметнувшиеся к самым облакам пагоды из хрусталя и фарфора.

Там, в этой удивительной стране, напоенной ароматами благовоний и терпкого чая, вырастил юного изгнанника великий кудесник и маг, учитель Тан У. Еще в молодости Тан У пошел в ученики к архитекторам Алого Кольца. Вместе со своим сводным братом Це Чжоу они приняли постриг в Замке Голубых Орхидей и прошли в нем Семьдесят Семь Великих Испытаний. Выйдя из стен Замка через двадцать лет и получив звание Младших Альных Братьев, Це и Тан отправились в далекое путешествие на запад — через безводье пустыни Адим, через горные перевалы Талакмы, по Великому Путю Шелка и Нефрита. Туран и Замора, Шем и Стигия были целью их странствий.

Но разными были помыслы братьев. Тан У влекла жажда познания, и он, искалесив почти весь Запад, добрался до крайних пределов Хайбории, где в Тарантии, в подвалах королевской библиотеки, был допущен до лицезрения Великой Скрижали Митры. А Це Чжоу, добравшись до Стигии, надолго задержался в ней. Здесь — в Кеми, Луксуре и Птейоне, Городе Мертвых, — познал Це страшные тайны Учения Сета и в подземелье древнего храма, окутанный парами желтого лотоса, принял он посвящение в жрецы Черного Круга — прямо из рук зловещего Тот-Амона, чью благосклонность снискал своим неутомимым желанием приобщиться к Силам Тьмы.

Так что в Кхитай маги возвращались разными путями. Обоим было явлено знамение в пути. Проезжая через Хаурансскую пустыню, Це Чжоу обнаружил брошенную в песках плачущую девочку, грудь которой украшал странный знак — алое пятно в форме полумесяца. Расценив этот знак как предзнаменование удачи на пути служения Мировому Злу, Це забрал девочку с собой в Пайканг, Град Пурпурных Пагод, где поселил ее в башне из слоновой кости, обучая самым страшным своим секретам.

Попался найденыш и на пути Тан У. В Кхитай он возвращался через море Вилайет, и корабль, на котором он плыл, угодил в страшный шторм. Прогневались ли боги морских пучин, или то была черная волшба коварного Це Чжоу, люто ненавидевшего своего сводного брата? Как бы то ни было, но с помощью заклинаний Тан У мореплавателям удалось уйти невредимыми от буйства стихий, и их корабль вынесло на дикий скалистый берег. И здесь, среди угрюмых скал, нашли они одичавшего ребенка, который жил среди диких зверей, вместе с ними охотился и ловил рыбу. Кхитайский маг сжался над дитятей и взял его к себе. Он нарек мальчика Дуэн Ки, что означало *чудесное спасение*...

В Кхитае Тан У вырастил малолетнего Дуэн Ки, но когда найденышу минуло пятнадцать весен и наступила пора приобщить его к тайным знаниям старого кудесника, грянула беда. В сны волшебника прокрался злобный демон — тело его было соткано из зеленого огня, а глаза горели желтым адским пламенем. Тан У узнал эти глаза. Разве мог он забыть пронзительный взгляд бесноватого Це Чжоу?

Злой дух, насланный колдуном, каждую ночь высасывал из несчастного Тан У его жизненную энергию ци, и кудесник угасал с каждым днем. И в один мрачный вечер, когда штурмовой ветер с Лемурийского океана бушевал в саду, срывая орхидеи и акации и заставляя замолкнуть сладкоголосых соловьев, маг подозвал воспитанника к своему золотому ложу, украшенному резными львами, и прошептал слабеющим голосом:

— Дуэн Ки, мальчик мой! Я скоро покину эту бренную оболочку, и дух мой воспарит к

фарфоровым садам Императора Неба в ожидании новых воплощений. Злой демон, насланный моим безумным братом, нынче ночью выпьет у меня последние капли ци, и я умру. Взглянув сегодня в зеркало Магической Яшмы, я увидел, что аура моя почти угасла. Но я собрал последние силы — и узрел главное.

Зеркало показало мне твоё прошлое и будущее. Знай, мальчик, ты не просто звериный выкормыш, хотя уже одно это говорит о том, что ты отмечен богами.

Твое подлинное имя — Таргитай, ты принадлежишь к царскому роду Анахарсидов. Ты был рожден наследником Хрустального Престола великой Страны Городов, лежащей далеко за Гирканской степью у подножия гор Юйли-Бо, называемых на западе Рипами. Там ты увидел свет и был уложен в золотую колыбель в царском дворце стольного града Аргаима Трехстенного, и твой гордый отец, правитель Колаксай, в радости обнимал твою мать, счастливую Самраю.

И на пиру, куда были приглашены братья правителя-Арпоксай и Липоксай,— правители союзных племен Иирков и Исседонов, провозгласил тебя отец наследником своей державы. Славен был правитель Колаксай, неистощима его сокровищница, неисчислимы боевые колесницы и лихая конница его могучего воинства. Денно и нощно стерегла покой царской семьи гвардия Серебряных Грифов. Но измена все же прокралась в дом Анахарсидов. Бывший служитель Эрлика, сумевший стать верховным жрецом Аргаима, коварный Заркум, окутал паутиной заговора весь дворец. И пали от отравленного вина правитель Колаксай и братья его Липоксай и Арпоксай. Твою несчастную мать Самраю Заркум пытался сделать своей наложницей, но она бросилась с крепостной стены, предпочтя смерть позору.

Тебя же, мой мальчик, отдали палачам и приказали утопить в полноводном Джайхе. Но сжалась палачи, дрогнула рука, не поднялась на наследника Хрустального Трона. Положив тебя в ивовую колыбель, они пустили ее на волю волн. И почти у самого моря Вилайет прибило колыбель к прибрежным тростникам, где нашел тебя старый барс. Племя грозных барсов выкормило тебя, и ты жил с ними у берегов Вилайета, пока я не нашел тебя и не отбил у твоих хищных воспитателей. Я взрастил тебя, нарек тебя именем Дуэн Ки, хотя теперь ты знаешь свое настоящее имя. Но для меня ты всегда будешь Дуэн Ки, мальчиком с сердцем барса...

Да, хоть я и воспитал тебя, как подобает цивилизованному человеку, в душе ты все равно дикарь, барсов выкормыш. Но, увы, это не спасет тебя от черной злобы Це Чжоу. Покинь Кхитай, Дуэн Ки, ибо ты не родной сын Срединной Страны. Ты здесь воспитывался, ты здесь вырос, но ты никогда не был добропорядочным кхитайцем. У тебя другая кровь — кровь твоих предков, степных гирканских номадов. И эта кровь взывает к мести. Поезжай на запад, к гирканцам: там поймешь, что в душе ты — кочевник. И, набравшись опыта и сил, отправляйся в Янцай — Страну Городов. Отомсти за отца, за мать и родных. А мой дух всегда пребудет с тобой...

В ту же ночь старый кудесник умер: демон сделал свое черное дело, А Таргитай — Дуэн Ки на следующее утро отправился в долгий путь на запад, прочь из Кхитая, дав себе зарок когда-нибудь вернуться и отомстить проклятому колдуна.

Долгие пять лет странствовал Таргитай по Гирканской степи. Добравшись до Кангхи, Страны Крепостей, лежавшей к северу от Великого Пути Шелка и Нефрита, вступил он в дружину кагана Вэсака и участвовал в налетах на земли юга: на богатые торговые города Согарию, Бахрошу, Лакаш, Самрак, Бусару, Когир... За эти годы Таргитай возмужал, окреп и проникся степным духом.

Будто и не было череды неспешных лет жизни в Кхитае, прогулок в напоенных ароматом орхидей садах, где заливались на разные голоса соловьи, отдыха на расписных циновках в фарфоровом павильоне, где он, тогда еще мальчик Дуэн Ки, обратясь, в слух, учтиво внимал неторопливым речам Учителя, покуривающего кальян, и терпеливо разбирал прихотливый узор иероглифов, тисненных на тончайшем шелке. Золотые драконы на крышах пагод, дамы в расшифрованных халатах, с разноцветными веерами, учтивые вельможи в паланкинах...

И в то же время — непосильный труд крестьян, захлебывающихся грязью на рисовых полях, под жгучим солнцем, от зари до зари. Невольничий рынки, где доведенные до отчаяния нуждой, исхудавшие отцы продают семилетних девочек и мальчиков сластолюбивым князьям и деловитым, разжиревшим содержательницам публичных домов и опиумных притонов. Несчастные слуги, которых за ничтожную провинность наказывают сотней ударов палок по пяткам и животам. Скорчившиеся тела казненных преступников, насаженные на стволы бамбука, медленно прораставшие сквозь еще живую плоть...

Нет! У этого фарфорово-шелкового рая была страшная изнанка. А здесь, в Великой Степи, был бескрайний простор, зеленая трава и Вечное Синее Небо над головой. И никаких тебе вельмож и дам в шелках, никаких надутых чиновников, спешащих с императорскими указами и нещадно погоняющих хлыстами задыхающихся носильщиков. Здесь, в Гиркании, никто не ездил верхом на людях. Здесь были табуны коней, резвящихся на приволье. Аркань любого — и у тебя есть преданный друг, который домчит хоть до Последнего моря!

Были здесь, конечно же, и свои господа. Гроздно щерились башни дворца кагана Вэсака, да и надутые бии, похвалявшиеся своими неисчислимыми стадами, также считали своим долгом напомнить безродному чужаку, кто хозяин в степи. Но в Кхитае дохнуть свободно нельзя было от императорских и княжеских эдиктов и стражников с бамбуковыми палками.

А здесь — расхохотался в лицо едва не лопающегося от злости богача, стегнул коня — и вперед! Ошибались бии, называя себя хозяевами степи, Степь широка — любому даст приют. И хозяином своим признает любого отважного молодца, лишь бы крепко держался в седле и метко стрелял из лука. Лишь бы ценил волю пуще жизни, а не был слонянем, что боится спину разогнуть перед бием. А уж если этот удалец одновременно найденьпп, вскормленный барсами, воспитанник кхитайского мудреца и наследник престола — то тут и говорить не о чем!

Неуживчив и горд был Таргитай. Сухой степной ветер вмиг сдул с него золоченую шелуху кхитайской учтивости. Едва не зарубив в ярости нахального тысячника, Таргитай бросил под ноги туменбashi дружины кагана свой бунчук сотника и уехал прочь из Кангхи. Примкнув в дикой степи к шайке разбойников-мунган, Таргитай пару лет щипал перышки купцам из той же Кангхи и других гирканских ханств и городов, промышлявших торговлей между рынками, лежащими на Великом Пути, и северными странами-Сакалибой.

Из Согарии, Дамаста, Самрака и других перевалочных центров торговли на Великом Пути купцы везли в Сакалибу железо, оружие, ткани, благовония, пряности, предметы роскоши, а с севера — золото, медь, драгоценные камни, моржовый клык, мамонтовую кость, меха соболей, горностаев, чернобурых лис, песцов, бурых и белых медведей. Неистощимы были сокровища загадочной Сакалибы. И Таргитай мог бы неслыханно разбогатеть и, в конце концов, сам создать небольшое разбойничье ханство на Северном Пути и, сидя на мешках с золотом, брать дань с купцов, поплевывая на недовольство Вэсака и других гирканских владык.

Но, на счастье Вэсака и злополучных негоциантов, в одну прекрасную ночь Таргитаю,

которого в то время уже почтительно называли Беркутом Северного Пути, приснился странный сон, после чего Таргитай рас прощался со своими разбойничками, оседлал коня и ускакал на север в сторону Сакалибы. Только вот не стало после его отъезда удачи на Северном пути. Атаманство захватил некий ушлый бродяга Ольгерд, да только недолго правил он вольной братией. Вскоре кангские войска вовсю выловили всех негодяев, мешавших торговать достопочтенным купцам. Говорят, один лишь Ольгерд и смог ускользнуть от вэсаковых ищеек. По слухам, он нашел приют на Запорожье, у козаков, а затем и вовсю подался далеко на юго-запад, в богатый Турецкую.

***

...Обо всем этом, конечно же, не мог знать Таргитай, спавший, завернувшись в волчью шкуру, у подножия каменного изваяния. А если бы и знал, то навряд ли стал сокрушаться о судьбе своих бывших сотоварищ. Он крепко спал, и сон его оберегала миниатюрная, изящная статуэтка из слоновой кости, изображавшая Учителя Тан У и поражавшая воображение своим удивительным сходством с оригиналом. С этой статуэткой Таргитай не разлучался, с тех пор как скончался Учитель, и всегда ставил ее у себя в изголовье. Он верил, что дух Тан У оберегает его сон. А иногда и навещает его.

Таргитай крепко спал, утомленный дальней дорогой и схваткой с Кокбузом. Он не мог видеть, как мерцают нефритовые глаза статуэтки волшебным зеленоватым светом, создавая магический треугольник между ней, каменным изваянием и юным принцем. А Таргитаю в это время снился удивительный сон.

Глава 3. Вещий сон

Снился Таргитаю сон — удивительный, волшебный. Когда-то давно — еще до того, как к западу от Великой Степи стали плескаться волны моря Вилайет, — пожар страшной войны полыхал в этих землях. Древние государства бились между собой не на живот, а на смерть. На западе легионы ахеронцев пытались поработить племена северных варваров — хайборийцев. На юге — на месте песков Иранистана и Шема — точили зубы на соседей воинственные правители Ашур. А на просторах Гиркании племена гордых степняков-ашинов, первыми заселившие степи после падения Кхарийской империи, отстаивали свою свободу от последних из нелюдей.

Давно уж сгинули во мраке тысячелетий державы наагов и вампиров Куша, легендами стали даже первые человеческие империи — Валузия, Грondar, Верулия, Туле и другие, стаи рыб резвились в подводных руинах Атлантиды и Лемурии. Но здесь, на севере, нелюди выжили и укрепились на долгие века. И вновь, ощущив в себе древнюю мощь, козлоногие сатуры принялись покорять окрестные народы.

Страшна была смерть от их рук, но еще ужасней была участь захваченных в плен. Невероятные пытки, издевательства, демонические жертвоприношения, непосильный труд в рудниках и шахтах ждали невольников в Стране Древних — Фавнии. Мало того, именно в здешних уделах — Пане, Эоле, Эврисфее, Сарпедоне и Газуле — обрели пристанище змеевидные, древние враги человеческого рода.

Изгнанные из Валузии еще королем Куллом, нашли они приют в отдаленных уголках земли — на юге, на крайнем западе и здесь, на севере, среди одичавших и выродившихся потомков другой прачеловеческой расы.

Нааги возродили мощь древнего племени сатиров — уродливых рогатых существ, с покрытыми шерстью телами, искривленными ногами с раздвоенными копытцами и побезьяньими цепкими руками. Некогда сатуры обитали почти по всему Турийскому матерiku, но затем почти полностью вымерли. Небольшие осколки их расы сохранились в древних валузийских лесах и на окруженной со всех сторон горами равнине, названной Фавнией.

Отличительной чертой сатуров было их невероятное сладострастие. Похоть козлоногих уродцев не знала предела, доходя до самых невероятных извращений. В чудовищных мистериях, посвященных богу Сету, сатуры предавались плотским утехам с самыми разнообразными существами и принуждали к тому же своих невольников.

Особенно падки были сатуры на женщин человеческого рода. Но свободолюбивые степняки-ашины не могли допустить, чтобы их жены, возлюбленные, сестры и дочери пали жертвой похотливых выродков. Однако руководимые мудрыми и коварными наагами, сатуры были непобедимы — и множество народов уже страдали в оковах унизительного рабства.

Та же участь ожидала и ашинов. Но во главе их воинства встали могучие богатыри — потомки древнего племени титанов, имя которых было Алпы. Некогда, еще до Великой Катастрофы, те правили всей Гирканской степью. Затем гиганты исчезли, — как гласили степные легенды, ушли далеко в северные горы. Но они оставили могучее потомство...

... Предводитель ашинского племени хаяров — могучий богатырь Алп-Манаш попал в засаду, устроенную коварными сатурами в излучине Джайха. Все произошло слишком внезапно: из прибрежных камышей выссыпали козлоногие, вооруженные ятаганами. Сатуры со злорадным квакающим смехом рассыпались цепью, окружая Алп-Манаша и его оруженосца Абруя, отрезая им путь к отступлению.

Ашинский хан мысленно проклял свою беспечность. Нет, смерти он не боялся, было только жаль Абруя: всего семнадцать степных весен довелось увидеть тому. Но в глазах юноши он прочел решимость бороться до конца.

— Мой хан, я с радостью погибну за тебя! Мне не страшен никакой враг! — воскликнул пылкий юноша, выхватывая из-за наборного пояса с золотыми бляхами тяжелый чукмар — боевую палицу, увенчанную свинцовым шипастым шаром.

Алп-Манаш коротко кивнул ему и, привстав на стременах, исторг из своей мощной груди ужасающий рев — полузабытый боевой клич древних Алпов. Злобные уродцы отпрянули назад, недовольно вереща.

— Эй, гнусные выродки! — обратился к ним Алп-Манаш. — Мои предки — Алпы душили вас голыми руками, как вонючих крыс. У вас на ногах копыта, а на башке рога, но любой баран из моих отар опрокинет вас в честном поединке. От вас воняет козлом, подлые ублюдки, ибо козел — ваш предок! Ну же, кто первым желает отправиться портить воздух к трону Эрлика?

Нелюди взвыли от негодования — видно, они хорошо понимали человеческую речь — и,

выхватив кривые, острые, как бритва, ятаганы и зловеще сверкающие трезубцы, угрожающими скачками стали подбираться к степным воинам. Когда наиболее дерзкие вплотную приблизились к богатырям, в багровых лучах закатного солнца сверкнул меч хана, и тускло блеснул чукмар Абруя. Раздался свист — сталь запела свою кровавую песню.

В яростном вихре завязавшейся схватки слышен был визг рассекаемых на части тварей, победные выкрики Абруя и тяжелое дыхание Алл-Манаша, предпочитавшего биться молча, Его могучая, закованная в бронзовые латы рука орудовала мечом-акинаком с невероятной быстротой — во все стороны летели из-под нее кровавые клочья. Абруя охватил азарт битвы, хотя он и был уже в плечах, ниже ростом и тощее станом своего дюжего повелителя, но тяжелый чукмар летал в его руках свинцовой птицей, круша рогатые черепа.

Сраженные сатуры один за другим падали на землю. Наконец, охваченные ужасом, уродцы отпрянули назад. Ни один из них не желал больше рисковать своей шкурой. И казалось, нет в мире такой силы, которая принудила бы их к этому.

Абруй облегченно вздохнул и даже расслабил руки, сжимавшие чукмар. Однако более опытный Алл-Манаш по-прежнему настороженно буравил монстров глазами, направив на них острье окровавленного акинака. Он был готов ко всякой неожиданности.

Раздавшийся в наступившей, было, тишине скрипучий шелестящий смех заставил монстров вздрогнуть и вновь вскинуть ятаганы, Похоже, сила, которая могла заставить сатуров вновь ринуться в бой, все же нашлась.

Ряды уродцев почтительно расступились, пропуская вперед страшную процессию. Во главе ее, верхом на неведомом чудище, ехал нааг. Зелено-коричневую чешую заботливо кутал густой серебристый мех гигантской рыси, а змеиную голову венчала золотая корона, усыпанная алмазами, рубинами и сапфирами. Сухая четырехпалая рука крепко сжимала поводья, оканчивающиеся удилами, которые были намертво впаяны в широкие ноздри чудовищного скакуна. Это был кротер — прямоходящая рептилия, прыть которой намного превосходила лошадиную,— один из тех, что тысячи лет назад ходил под седлом еще у древних Царей-Драконов ныне сгинувшей Лемурии...

В другой руке нааг без видимых усилий удерживал тяжелую стальную цепь со звенями в два пальца толщиной. Но даже мощь металла не помешала оставить на них отметины чудовищных зубов тому, кого удерживала эта цепь. Это был огромный, почти белоснежный волк. Налитые кровью глаза чудовища, называемого также дайр-волком, хищно уставились на онемевших воителей, огромные челюсти с желтыми клыками-кинжалами клацали, с них хлопьями слетала пена. Мощные мускулы перекатывались под белоснежной шерстью на могучей шее, силясь разорвать плен стального ошейника.

Следом за наагом выступали, грузно переваливаясь уродливые, косолапые гиганты, сплошь заросшие жесткой рыжей шерстью. Крепкие лапы сжимали огромные дубины, маленькие обезьяны глазки с рабской преданностью смотрели на своего надменного господина. То были полярные обезьянолюди, обитавшие в ледяной пустыне Севера — Патении.

Приблизившись к застывшим на месте хану и оружносцу на расстояние трех десятков шагов, нааг остановил своего кротера — и вся демоническая свита замерла. Жуткая улыбка играла на безгубом и безносом синюшном лице человекозмея.

— Людиш-шки! — раздался вкрадчивый голос наага.— Я преклоняюс-сь перед вашей отвагой! Похвальное с-свойство многих теплокровных тварей — впрочем, с-совершенно бесполезное. У некоторых его даже в избытке,— к с-ожалению, в ущерб вс-сем другим.

Предусмотрительности, например.— Нааг хищно ощерился, раздвоенный язык замелькал в полуоткрытой пасти,— видимо, это должно было изображать усмешку.— Кс-стати, прости меня, прес-светлый хан, за то, что мои друзья прервали твою тайную поездку к Оракулу Арс-синои. Боюс-сь, теперь она будет с-совершенно бес-смыс-слена. Вот уже дес-сять дней, как Оракул в моей влас-сти. С-сама Арс-синоя, к моему глубокому прис-скорбив, покончила с с-собой, а на ее алтаре пророчествуют жрецы Сета, гадая по внутреннос-стям принесенных в жертву людышек.

— Проклятый змей!— в ярости вскричал Алп-Манащ.— Так значит, давешнее послание, где Арсиноя приглашала немедля прибыть к ней, было фальшивкой? Ты таки заманил меня в ловушку, подлый Кахха?

— Увы, мой теплокровный друг!— усмехнулся правитель Эврисфеи, города сатиров, лежавшего на границе с ашинскими кочевьями.— Прозорливость — то с-самое качес-ство, которое отс-существует у теплокровных и заменяется-ся у них безрассудной отвагой. Иным, впрочем, недостает даже этого...— Кахха метнул презрительный взгляд раскосых желтых глаз на заметно приободрившихся в его присутствии сатуров.

— А лживость и предательство — это ваши черты, подлые наги!

Змей недобро зашипел.

— Напротив, Алп-Манащ, я всегда держу с-слово, и с-ейчас ты убедишься в этом. Помнитс-ся, в пис-съме тебе обещали предс-сказать с-судьбу твоего народа и ис-ход войны... Конечно, не мне тягаться с покойной Арс-синой, но не надо быть с-семи пядей во лбу, чтобы показать тебе грядущее. Так с-слушай же. Война окончена. Ваши женщины и дети с-станут ус-слабой этих красавцев.— Он кивнул в сторону сатуров, в глазах которых зажглись похотливые огоньки.— Ес-сли они будут покорны, возможно, им повезет протянуть подольше...

А мужчины, те, что ос-станутся в живых, когда мы покончим с-с вами,— продолжил Кахха, явно наслаждавшийся своей речью,— ...пойдут на корм гигантским морским быкам в моем зверинце. Но не пугайс-ся, хан, эта учас-сть тебе не грозит. Ты умрешь куда раньше! А вот твоего мальчика я могу и пощадить — в знак особой милости. Он так хорош с-собой, так юн, что вполне может разделить с-судьбу женщин и детей. Думаю, мои добрые подданные великоложно закроют глаза на наличие у него мужс-ских дос-стоинств. Да и дело это поправимое... раз — и нету! Не так ли?— осведомился он у сатуров, которые сладострастно зачмокали губами в ответ.

— Ах ты, гадюка!— вскричал смертельно оскорбленный юноша, поднимая чукмар для удара.— Да я сам лишу тебя твоего змеиного отростка, если он только у тебя вообще есть!— Абруй в порыве безумной ярости пустил коня вскачь, стремясь раздробить башку проклятому змею.

— Стой!— вскричал было Алп-Манащ, пытаясь удержать горячего мальчишку, но было поздно.

Конь Абруя поднялся на дыбы, и юноша уже готов был обрушить чукмар на коронованного гада, невзирая даже на скалящего зубы волка ибросившихся наперерез патенцев с дубинами, но Кахха остановил их повелительным жестом. В следующее мгновение рука его стремительно метнулась к Абрую, и между сухими пальцами вспыхнули слепящие разряды. От руки Каххи отделился яркий бело-голубой шар, который с силой ударился прямо в закованную в панцирь грудь юноши. Однако шар не отскочил от лат, а напротив, прожег их, как сухую деревяшку, и проник внутрь. Страшный вопль заживо

горящего человека раздался окрест, и юноша свалился замертво, под ноги верховой рептилии, на которой восседал торжествующий убийца.

— Негодяй! — прохрипел Алл-Манаш. — Это тебе даром не пройдет!

Молниеносным движением он выхватил из-за голенища сапога нож и метнул его прямо в глотку наагу. Ни один человек не смог бы увернуться от такого броска, но Кахха стремительно отпрянул, и нож, свистнув у самого его виска, вонзился в горло одного из волосатых оруженосцев. Человек-обезьяна, закатив глаза, с хрипом повалился навзничь, а в грудь Алл-Манашу полетел следующий огненный шар.

Хан, ожидавший нападения, мгновенно поднял на дыбы своего коня. Шаровая молния прожгла несчастному животному внутренности, оно с истошным ржанием рухнуло оземь и задергалось в предсмертных конвульсиях, и хан едва успел выскочить из седла.

Кахха ощерил изогнутые зубы в демонической усмешке:

— Ты хотел отомстить мне, человечишко? За смерть своего мальчишки, не так ли? О да, вы, люди, так трепетно относитесь к долгам крови! Придется и мне уподобиться вам! Смотри же, Алл-Манаш, и учись, какой должна быть месть! Сейчас твой мальчишка отомстит тебе же за дерзкое посягательство на мою жизнь. Ибо душа его отныне принадлежит только мне! И даже когда я умру, его душа будет служить моей в потустороннем мире!

Глаза наага вспыхнули безумным светом, когда он обратился к еще дымящемуся трупу Абруя:

— Вс-стань, ничтожество! Покарай дерзновенного, осмелившегося поднять руку на влас-стелина! Во имя С-сета — приказываю тебе! Вс-стань!

С глухим стоном, мотая головой из стороны в сторону, мертвец начал подниматься. Огромная дыра с рваными палеными краями зияла в его груди, глаза невидящие уставились на Алл-Манаша. Руки, белые как снег, медленно нашупывали чукмар.

— Подними свое оружие, падаль, и исполнни мою волю! — повторил свой приказ Кахха, и зомби, подняв чукмар, бросился на своего бывшего господина.

Алл-Манаш с трудом увернулся от нападавшего на него трупа. Он прекрасно понимал, что обычные раны не прикончат единожды убитого. Ловко уворачиваясь от ударов, он, подняв акинак, принял хладнокровно расчленять тело своего бывшего любимца. Лишь после того, как он изрубил труп Абруя в кровавые лохмотья, атака мертвеца прекратилась.

И в этот момент его настиг новый шар, пущенный коварным Каххой. Но это был уже иной вид оружия. Ибо шар, едва коснувшись тела Алл-Манаша, неожиданно раскололся на сотни ледяных игл, впившихся в плоть. Хан почувствовал, как леденеет кровь в жилах и туманится разум.

— Ты станешь ледяной статуей, хан, — будто издалека услышал Алл-Манаш вкрадчивый голос змея, — и будешь оживать по моему приказанию и исполнять любые прихоти твоего повелителя. Прекрасное пополнение к моей коллекции!

— Не бывать тому, выродок! — враз осипшим голосом прошептал Алл-Манаш,

Немеющие руки с трудом нашупали амулет, с детства висевший у него на груди. Перед глазами встало на миг старая, сморщенная как печеное яблоко, седовласая ведьма Мэскэй. Ее костлявые, иссохшие руки повесили талисман на шею маленькому отпрыску хана, а беззубый рот, шамкая, приговаривал при этом:

Во имя белых ветров!

Во имя черных звезд!

Во имя Папая-громовержца!

Во имя Денгирмах-Инанны!

— Знай, Алп-Манаш, в сем священном амулете — высушенная и растертая в порошок кровь Эрлика! Коли окружат тебя враги и будет неоткуда ждать спасения, открай его и высыпь ворогам в глаза чудесный порошок!

Мысленно поблагодарив старую колдунью, Алп-Манаш, уже начавший замерзать, рванул талисман с шеи. Из порвавшейся ветхой ткани на ладонь посыпались сухие и острые крупинки. Зажав в руке горсть порошка, Алп-Манаш собрал остаток сил, в отчаянном броске настиг ухмыляющегося змея исыпанул ему прямо в глаза священное снадобье.

— Во имя белых ветров!

— Во имя черных звезд!

— Во имя Папая-громовержца!

— Во имя Денгирмах-Инанны!

— шептал немеющим языком Алп-Манаш.

Холод все больше сковывал его члены, но это не помешало ему увидеть, как перекосилась гнусная морда человекозмея и враз потухли его желтые глаза. Нааг стал заваливаться в седле, и его рука безвольно выпустила цепь, с которой так яростно рвался на свободу даир-волк.

— Ну же, ну же, волчина! — поощрительно прошептал хан. — Давай, перегрызи мне глотку! Уж лучше душа моя вселится в волчье тело, чем станет вечно служить в преисподней духу проклятого гада!

Клыки сомкнулись на горле Алп-Манаша, и он благодарно сомкнул глаза.

... Толпа сатуров с горестными рыданиями удалялась с места кровавого побоища в сторону Эврисфеи, унося с собой недвижное тело своего владыки. Кахха впал в летаргический сон, вызванный действием порошка, и никакое средство не могло его поднять. Тело спящего Каххи было заключено в зеленый саркофаг, помещено в храм Сета и

торжественно провозглашено одной из главных святынь Фавнии.

... А на следующий день к месту кровавой драмы подоспели войска ашинов. Телу Алл-Манаша были возданы последние почести, а когда догорел погребальный костер, прах великого воителя поместили в бронзовую урну и на высоком берегу Джаяха возвели над ней величественный курган. Искусный мастер вырезал из камня статую Алл-Манаша, которую водрузили на могильный холм.

Прошли годы, века, тысячелетия. Доблестные ашины отразили написк козлоногих нелюдей, чью нечестивую страну постиг вскоре гнев богов. И на месте Пана, Эолы, Эврисфеи, Сарпедона и Газула заплескалось море Вилайет.

Позже племена доблестных ашинов были разбиты новыми народами, вторгшимися в степь, и, смешавшись с победителями, они дали начало племени гирканцев. Пал Ашур, пал Ахерон, почти втрое уменьшились размеры Стигии, гирканцы вторглись в Туран и, смешавшись с его древним народом, породили новую нацию.

А в степи, там, где прежде тек Джаях, все так же глядела вдаль каменная фигура древнего хана. Курган его, размерами некогда тягавшийся со стигийской пирамидой, теперь оплыл и сгладился. Но по-прежнему приносили люди дары изваянию древнего богатыря. А порой — если приносящий дары приходил в одиночку — его настигала смерть. Ибо у кургана жил свирепый волк — и так было испокон веку.

... Образ Алл-Манаша исчез из сна Таргитая. Теперь перед его внутренним взором чередой проходили поколения волков. Он видел их жизнь как бы изнутри, глазами зверя, и в то же время познавал дух древнего воина, заключенный в теле хищника. Дух этот рвался на волю: слишком тесной ему была волчья плоть и слишком серой — волчья жизнь.

Именно воля человека вынуждала волка кидаться на путников в смутной надежде, что найдется тот, кто одолеет его, дабы дух хана наконец слился с человеческой душой.

Великим счастливцем стал бы человек, победивший волка — стражи изваяния. Но, увы... Проезжие купцы знали о существовании волков-стражей и потому никогда не подходили к каменному воину поодиночке. Другие же были слишком слабы и потому становились жертвой курганного волка.

Когда подходила пора стареть, стража кургана вызывал на поединок молодой и сильный волк. Если ему удавалось победить старого ветерана, дух хана перекочевывал в новичка по наследству. Так и длилась бы эта череда воплощений страждущего духа, но вот к кургану подъехал Таргитай...

И теперь он знал, что вместе с сердцем и печенью убитого волка принял в себя дух великого Алл-Манаша.

***

... Исчезли волки, исчезло видение кургана, Над Таргитаем склонялось морщинистое, цвета старой слоновой кости лицо Учителя. Раскосые глаза его сощурились и почти утонули в складках кожи — Тан У улыбался.

— Дуэн Ки, мальчик мой,— послышался ласковый голос старого мудреца,— теперь в твоем сердце живет воинский дух древнего хана. Ты победишь, мальчик мой, и будешь

править своей страной! И тебе поможет в этом великий человек. Ты не единожды встречал на своем пути удачу: тебя оставили в живых палачи, не тронули барсы, ты попал ко мне и победил священного волка. А вскоре тебе предстоит стать другом великого воителя, который когда-нибудь завоюет престол самого великого из королевств Запада. Цени эту дружбу, Таргитай, и будь осторожен, не позволяй никому разлучать тебя с другом! Вас ждет великое будущее!

Дух Тан У исчез так же внезапно, как и появился.

... А перед внутренним взором Таргитая предстал высокий могучий мужчина. Гравя черных непокорных волос обрамляла мужественное загорелое лицо, на котором выделялись глаза — ярко-синие, как купол Вечного Неба. В них светились ум, воля и невероятная отвага. Но что это? Рядом с синеглазым богатырем стоял другой гигант, лысый или бритоголовый, тощий, смуглый и крючконосый. Он был похож на стигийцев, которых Таргитаю доводилось встречать в Согарии и в Дамасте. Гигант-стигиец в упор посмотрел на Таргитая желтыми немигающими глазами, и неожиданно черты его лица расплылись, и сквозь них проглянул ужасный облик наага.

— Берегись! — закричал Таргитай синеглазому. — Это змей! — Но голоса не было. Нааг отвратительно зашипел и видение исчезло...

Таргитай проснулся.

Глава 4. Девы-лебеди

Таргитай сравнительно легко переправился через полноводный Джайх, цепко держась за гравю свою выносливого степного коня, которому не раз приходилось пересекать реки вплавь. Ступив на западный берег Джайха, холмистый и возвышенный, юный воин кинул прощальный взгляд назад — на восток, туда, где на тысячи лиг простиралась Великая Степь.

По Джайху, казалось, пролегала незримая граница. Здесь кончалась настоящая Гиркания и начинались пределы Сакалибы — загадочных северных краев. Хотя знал Таргитай, что и к западу от Джайха живут кочевники, родственные гирканцам, — вплоть до тайги, населенной дикими охотниками, но здесь близость Севера чувствовалась во всем. Не было больше необъятной ровной степи, сплошь поросшей ковылем и лишь изредка перемежавшейся небольшой грядой холмов или перелесками. С самого побережья Джайха здесь начиналась великая возвышенность, бугрящаяся холмами, все более и более увеличивающимися в размерах и постепенно переходящими к северо-западу в отроги Рипейских гор, гряда которых уже угрюмо нависала над горизонтом.

Это не значило, однако, что ландшафт не был благоприятен для кочевания. Между холмов тут и там зеленели плодородные, сплошь поросшие густой сочной травой луговины и долины-тугаи. Холмы, служившие естественными границами этих долин, были сплошь покрыты лесом, в котором лиственные породы: береза, осина, липа — смешались с сосняком и ельником. Могучие стволы хвойных великанов красноречиво свидетельствовали о близости пояса сплошной, дремучей тайги.

Живописные туваи были идеально пригодны для крупных стад — травы здесь были

обильнее и гуще, чем в засушливой Великой Степи. Но замшелые сосны и ели, огромные гладкие валуны, облизанные языком древнего ледника,— все свидетельствовало о студеном дыхании Борея. Все это словно говорило, что не следует обольщаться изобилием сочной травы — не так уж и долг ее срок. Ибо шесть, а то и семь лун в году царствует здесь суровая зима. И снег в Сакалибе настолько глубок, что не позволяет держать скот на подножном корму круглый год, как это делают гирканцы в своей малоснежной степи.

Таргитай слышал, что здешние скотоводы кочуют особым образом, отгоняя свои стада на зимовки в горные долины или запасая на зиму сено. Знал он также, что в силу этого местные скотоводы не кочуют весь год, а зиму предпочитают пережидать в оседлых деревнях.

Однако сейчас северное лето было в разгаре, и солнце, хоть и низко стоящее над горизонтом, так что задевало верхушки Рипейских гор, щедро поливало землю животворящим теплом. Следовательно, рассудил Таргитай, довольно скоро он встретится со здешними кочевниками.

Как ни крути, они были его соплеменниками, хотя изгнаник ощущал себя, куда большим степняком, чем они. В любом случае, встретиться с ними необходимо. Пополнить припасы, а главное — выведать, что же все-таки творится в столице этих загадочных земель.

В конце концов, решил Таргитай, он вполне сойдет за странствующего гирканского купца, отбившегося от каравана, благо, в его хурджуме завалялись кое-какие безделушки, годные для продажи. В самом деле, откуда темным пастухам знать, что под личиной скромного юного путника скрывается мститель, вернувшийся, чтобы отвоевать престол.

Однако местность, по которой проезжал Таргитай, продолжала оставаться пустынной, что несколько смущило странника. По сведениям гирканских купцов, в это время года уже сразу после переправы через Джайх можно было встретить приграничные кочевья даев, исседонов, иирков и других местных племен, с нетерпением ожидавших приезда торговых караванов с юго-востока. Но теперь в этих местах, некогда оживленных, царили безлюдье и тишина. Какая-то напряженность чувствовалась в молчании природы. Казалось, невидимые глаза загадочных существ зорко наблюдают за дерзким пришельцем.

Таргитай ехал все дальше, и в душу его постепенно вкрадывалась тревога. Он мучительно гадал, что же заставило опустеть привольные кочевья в разгар короткого северного лета? Был ли то мор или нападение неведомого врага?

Неожиданно на горизонте замаячило что-то черное, а ветер донес резкий, тревожный запах. Молодой воин весь напрягся, учуяв этот столь знакомый ему аромат степной беды. Гарь! Похоже, что впереди лежало разоренное и выжженное дотла кочевье. Выхватив из ножен обоюдоострый кхитайский меч, Таргитай пустил коня галопом.

Вскоре взору юноши предсталла печальная картина: несколько черных пепелищ, оставшихся на месте стоявших кругом шатров. Рядом лежали давно остывшие трупы. Причем над телами, похоже, основательно поработал какой-то злобный и невероятно жестокий враг. И, судя по ранам, оставленным на трупах, враг этот не был человеком.

Вырванные куски плоти. Обезображеные тела. Раздавленные всмятку черепа. Лишь у одного из покойников чудом уцелело лицо: это был коренастый мужчина лет сорока, в одежде из беличьих шкурок, широких шароварах и войлочных сапогах. На голове его красовалась остроконечная войлочная шапка, отороченная лисьим мехом, похожая на те, что носят гирканцы, но на этой сразу же бросались в глаза по-чудному прикрепленная сзади пара лисьих хвостов. Широкое, смуглое, чернобровое лицо убитого было неестественно

запрокинуто — и немудрено, ибо голова была почти отделена от тулowiща жуткой рваной раной, зиявшей на месте горла. На лице обладателя хвостатой шапки застыло выражение смертельного ужаса.

Тлен уже коснулся мертвецов, но удивительное дело, ни одной мухи не вилось над ними, и, ни один охотник до падали — будь, то шакал, волк, ворон или стервятник — даже не приблизился к трупам. Словно само место это было проклятым.

Трупов было не так уж и много, не больше десятка, в то время, как в погибшем кочевье явно обитало большее количество людей. Причем все до единого тела были мужскими. Следовательно, рассудил Таргитай, успокаивая дрожащего коня, женщины, дети, подростки и уцелевшие мужчины уведены в плен некими злобными монстрами. В том же, что нападение совершили не люди, Таргитай и не сомневался.

Он стал внимательно изучать следы, надеясь встретить отпечатки раздвоенных копытцев или трехпалых ступней рептилий,— вешний сон все не шел у него из головы. Но, кроме слабых очертаний подошв войлочных сапог, он ничего не увидел. Неведомый враг не оставил следов на земле!

В бессильной ярости Таргитай воздел голову к Вечному Небу, и с уст его уже готовы были сорваться самые страшные проклятия, обращенные к богам, этим равнодушным небожителям, спокойно взиравшим на творимые внизу злодеяния... И, словно в ответ на его немой упрек, с неба донеслись странные звуки — то ли вороний грай, то ли чей-то злорадный хохот. Женский хохот, который мог принадлежать только ведьме.

Таргитай в изумлении всмотрелся в небо, и его зоркие глаза уловили где-то далеко, у самых облаков, едва различимые в лучах солнца смутные точки. Точно птичья стая кружила над местом кровавого побоища.

Точки стали заметно расти в размерах, приобретать определенные очертания, приближаясь к земле. Наконец синеву небосклона прочертил клин ритмично взмахивающих мощными крыльями крупных птиц, гусей или лебедей. Уже явственно виднелись изогнутые длинные шеи, сверкала на солнце белизна оперений... Но было что-то неправильное в этих птицах, что-то зловещее и пугающее. Через пару мгновений Таргитай понял, что именно.

Пернатые существа опустились совсем низко, одно из них неожиданно устремилось к нему, и юноша в ужасе узрел в ореоле разевающихся волос искаженное ненавистью и хищной злобой лицо с раскосыми, пылающими глазами, вывернутыми наружу ноздрями, волчьим оскалом разверстой пасти, из которой высывался раздвоенный змеиной язык. Крылатая дева летела прямо на него, вытянув вперед жилистые длинные руки, украшенные острыми, кривыми когтями.

— О, Папай-громовержец! — выдохнул Таргитай, выставляя вперед свой меч.— Девы-Лебеди!

Так вот какой враг опустошил эти земли! Страшные Девы-Лебеди, крылатые гарпии, наводившие ужас на жителей севера! Создания, о которых даже бывалые гирканские купцы рассказывали шепотом, сотворяя при этом знаки, отвращающие демонов!

Ну что ж, Таргитай не будет покорно ждать, пока крылатая девица сама подлетит к нему и вольется в плоть своими когтями-кинжалами. Он видел, какие раны оставляют легкокрылые красавицы, и мог лишь уповать на крепость кованых искусствами агадейскими мастерами доспехов, носивших гордое название чешуя Нергая. И еще на свою ревность и воинское мастерство.

Да! На этот раз гарпиям попался отнюдь не испуганный, суеверный, застигнутый

врасплох пастух, вооруженный одной лишь камчой или, в лучшем случае, ножом! Когда первая из лебедиц, исторгая змеиное шипение из глотки, со всего маху налетела на Таргитая, намереваясь впиться в его тело когтями и зубами, ее встретило сверкающее голубизной острие заговоренного кхитайского меча с насеченными по всей длине лезвия магическими иерогlyphами. Молнией грозного Папая метнулся волшебный меч — и продолжавшая шипеть, чудовищная кудлатая голова, разбрзгивая кровь, слетела с изящной шеи. Но обезглавленное тело не унималось. Мускулистые руки впились в горло воина (его спасла стальная рубаха с глухим воротом), мощные крылья судорожно били, норовя ослепить и запутать, а длинная шея извивалась в конвульсиях продолжая выталкивать струи черной крови прямо в лицо Таргитая.

— Эрлик тебя раздери, проклятая! — в ярости вскричал воин, с трудом отбиваясь от истекающего кровью трупа.

Товарки убитой демоницы, пронзительно крича, вились над головой Таргитая. Но принц даже и не надеялся, что те обратятся в бегство. Жестокий разум светился в хищных глазах гарпий. Было очевидно, что Девы-Лебеди лишь сменят тактику нападения и продолжат свое кровавое дело.

Таргитай быстро прикинул, как вести дальнейший бой. Ускакать прочь и спастись бегством нечего и надеяться — гарпии не отпустят его живым. Броситься на них с боевым кличем и погибнуть в бою? Это была смерть, достойная мужчины, но Таргитай пока не собирался на вечный покой. Прежде чем ступить на неведомые земли Серых Равнин, он хотел раздать кое-какие старые должки.

Наконец лебедицы с истошным воплем перешли в атаку. Теперь они не нападали поодиночке, а, грозно шипя, подлетали сразу со всех сторон, стараясь поразить врага. Лишь ревность обученного скакуна и ловкость самого Таргитая, вертевшегося с конем на одном месте и еле успевавшего мечом и пикой отбивать тянувшиеся к нему со всех сторон когти и пасти, до поры спасали его.

Гарпии были явно обозлены: впервые им встречалась такая строптивая жертва. Но Таргитай сам привык быть охотником и не собирался никому уступать эту роль. Меч в правой руке описывал вращательные движения над головой, выделявая самые невероятные восьмерки и петли, — и каждый взмах исторгал злобное шипение из глоток демониц, оставляя алые полосы на белоснежных перистых телах, а то и просто окровавленную культую на месте руки, крыла или головы. Копьем Таргитай одновременно фехтовал — легко, играючи, как зингарский гранд своей изящной шпагой, — и колол стремительно и точно, как гиперборейский мореход, гарпунящий кита, или кушит, метающий ассегай в антилопу.

Юный принц был великолепен. В нем гармонировали гирканская прирожденная ловкость с древним кхитайским боевым искусством, — Тан У успел поделиться со своим воспитанником некоторыми знаниями, полученными им в молодости в Замке Голубых Орхидей. И сейчас Учитель мог бы по праву гордиться им.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась эта игра со смертью, как вдруг Таргитай, упоенный битвой, расслышал стремительный свист огромных крыльев. В разные стороны полетели окровавленные тела гарпий, и огромные черные когти вонзились в плечи юноши. Сильный удар по голове на миг лишил его сознания. В глазах у Таргитая потемнело. А когда тьма рассеялась, он ощутил, как некая злая сила поднимает его все выше и выше и несет за самые облака.

Глава 5. Дурная компания

Тангха стремительно несла свои шумные воды к морю Вилайет, а по ее берегу двигались в обратном направлении — к северо-востоку, туда, где темнели на горизонте очертания Рипейских гор,— два человека.

Оба явно не были обитателями здешних мест, Какая же прихоть богов забросила их в край, куда даже гирканцы наведываются раз в полгода, в невероятную даль от Хайборийских пределов, и свела здесь вместе могучего уроженца Киммерии и долговязого, смуглого, желтоглазого человека в белой хламиде, по виду уроженца берегов Стикса?

— Слушай, ты, как там тебя... Кахха!— угрюмо проворчал гигант-киммериец, бросая исподлобья взгляд синих, как Вечное Небо, глаз на своего крючконосого спутника.— Раз уж ты такой волшебник, что тебе мешало отправить меня прямиком к сокровищам этих самых Грифов?

— Хе-хе-хе!— сипло засмеялся стигиец, отвечая на взгляд киммерийца своим немигающим взором.— Увы, мой дорогой варвар, все не так просто. Нам, наагам, доступно многое, что и не снилось нынешним чародеишкам, но боюсь, здесь даже я бессилен. Видишь ли, подобные перемещения требуют слишком большого напряжения магических сил. К сожалению, у меня нет под рукой талисмана, посредством которого я смог бы достичь требуемой концентрации энергии. Но зато, если я достигну сокровищ грифов и найду среди них заветный Шип Тиамат...

— Ну ладно, всё!— махнул рукой недовольно скривившийся киммериец.— Не можешь — так и скажи прямо. А то только болтать горазд!

— Я не болтаю, а объясняю, Конан,— мягко поправил Кахха своего грубоватого собеседника.— Да, и еще, мой любезный друг, прошу тебя, не называй меня Каххой при людях, которые станут попадаться нам в пути, Для них я буду просто Джехути, странствующий проповедник учения Сета.

— Да хоть Нергала проповедуй,— буркнул варвар, раздосадованный мягкой отповедью. Змей с его слашавой надменностью и поучениями приводил его в бешенство.— Ты только приведи меня к золоту и вытащи из этой дыры обратно в хайборийские земли, Надеюсь, хоть это ты сможешь сделать? Кстати, что за талисман ты там хочешь отыскать?

— Шип Великой Тиамат!— прошептал Кахха, и глаза его запылали, как у голодного питона.— Праматери всех Змей и Драконов! Тиамат, еще до начала времен отложившей в космической пыли Изначальное Яйцо, из которого вышел Великий Владыка Тьмы — Отец Сет! В самом начале человеческой истории восстали люди против священной власти Сета — великих зверобогов. И призвал Сет свою грозную матери покарать неверных, посягнувших на возлюбленных детей его — наагов. И Тиамат восстала из пучины Праокеана, и ужасно было ее пришествие. Но вмешались Высокие Боги, взиравшие на Землю со своих Звездных Сфер. И с небес спустился бог Мардук, и в страшной битве одолел он Праматерь Змей и Драконов. Он вырвал из спинного гребня Тиамат источник силы — ее волшебный шип и низверг ее в пучину подземных вод — бездну Апсу. А магический шип похитили с поля битвы слуги вороватого Бела. Этот проклятый божок осмелился на святотатство — и лишил Расу Змей

половины ее могущества. С тех пор владычество Отца Сета и детей его наагов стало клониться к закату. Долгие тысячелетия самые могущественные чародеи искали заветный талисман. Но лишь мне удалось, опираясь на опыт моих многочисленных предшественников, узнать о местонахождении сокровища. Мы на верном пути, Конан! Если Шип будет в моих руках, клянусь, что все золото и драгоценности достанутся тебе. Мне они не нужны! Для меня нет иного сокровища, кроме Шипа Великой Тиамат!

Конан заворожено смотрел на впавшего в экстаз наага, а тот в упоении продолжал:

— Когда-то, несколько тысяч лет назад, я уже пытался добраться до талисмана, но, как видишь, не успел. Отвлекли суетные дела. Мои подданные требовали от меня большой войны, завоеваний, крови, рабов. Ты, наверное, не знаешь еще, как тяжело быть королем, хотя и стремишься к этому сам. Удел короля, будь хоть он самым грозным и могущественным на земле,— выполнять необузданые желания своих вассалов. А потом, по нелепой случайности, я впал в эту проклятую летаргию, и недоумки-сатуры запаковали меня в саркофаг. Они обожествили меня! Дух мой скитался по иным мирам, а тело вынуждено было служить алтарем этим болванам. Ну что ж, зато они спасли меня от ярости потопа. Я не мог и предположить, что их потомки выродятся до такой степени в этих подземельях. Тем не менее, как трогательно, что единственное, что они сохранили от былого великолепия,— это поклонение моим останкам... Но, надо признаться, там было мрачновато, поэтому, как только ты меня разбудил, я предпочел выбраться наружу. На это моей магии хватило! Но чтобы сразу перенестись в Страну Грифов, к той заветной пещере, где, возлежа на грудах сказочных сокровищ, ждет своего часа Шип Тиамат,— на это мне, увы, нужна сила, равная магии самого Шипа. Как видишь, получается замкнутый круг. Но не надо унывать, Конан! Я уповаю на Сета: ведь замкнутый круг — это его символ! Именно поэтому нам приходится передвигаться подобно простым смертным,— закончил свое многословное объяснение Кахха, продолжая сверлить Конана глазами.

Странники продолжили свой путь. Впереди уверенно, мягкими неслышными шагами шел нааг, и даже через его нынешнюю человеческую оболочку сквозило что-то змеиное. Когда Кахха, немного оправившись после счастливого пробуждения, принял облик стигийского монаха, Конан не особенно удивился. От человекозмея можно было ждать чего угодно!

«Так я чувствую себя вольготнее»,— пояснил Кахха, пряча свою сверкающую корону в широкие складки хламиды, которая, появившись прямо из воздуха, укутала обнаженное тело перевоплотившегося наага.

И вот Конан шел следом за Каххой — точнее, как он просил себя называть, Джехути,— и угрюмо пялился на его тощую спину и голый смуглый затылок, Где-то в самой глубине его существа зрело желание поднять топор и со всего маху всадить прямо в башку нелюдя, но руки почему-то отказывались повиноваться, а в голове вкрадчиво шептал навязчивый голосок: «Что тебе это даст, Конан? Ты убьешь наага и останешься один в этом медвежьем углу.

Ведь ты же ничего не знаешь здесь, ты никогда тут раньше не бывал. Полно, Конан, к чему необдуманные действия? Конечно, ты ненавидишь Сета и змеелюдей, но у тебя нет другого выбора! Спокойно, спокойно... Кахха приведет тебя к несметным богатствам. Ты станешь богаче турецкого владыки. Кахха вмиг вернет тебя в Хайборию с помощью Шипа Тиамат, вместе со всем твоим золотом. И ты купишь себе королевство. Ты отомстишь своим врагам! Ездигерд будет ползать у твоих ног, моля о пощаде! Ты станешь великим королем! Да

что там,— императором, подобным древнему Калениусу!»

Голосок все напевал и напевал, и тело и душу Конана незаметно опутывало заклятье, творимое Каххой. И киммериец уже не пытался поднять свой топор. Оружие покоилось на его могучем плече, а сам варвар послушно следовал за уверенно шагающим наагом — вперед, к заветным сокровищам грифов...

***

... Неизвестное существо стремительно несло Таргитая, ветер свистел у него в ушах. Если бы он сейчас упал, то неминуемо разбился бы, однако черные когти цепко держали свою добычу. Оправившись от удара в голову, Таргитай постарался оглядеться. Он глянул вниз — и увидел далеко внизу под собой мелькающие холмы, луга, блеснувшую ленту реки.

На проносящейся под ним земной поверхности принц заметил огромную черную тень. Но очертания ее не позволяли угадать, что же за существо уносило юношу в поднебесье.

Оглянувшись, насколько позволяли вцепившиеся в тело, когти, Таргитай увидел в отдалении стаю Дев-Лебедей, ритмично взмахивающих крыльями, как галерные гребцы веслами,— гарпиям явно не пришло по вкусу то, как у них похитили добычу прямо из-под носа. И, наконец, посмотрев наверх, Таргитай увидел над собой пару огромных лап и темное брюхо. Существо было настолько велико, что большего разглядеть принц не смог...

***

Два одиноких путника — лжестигиец и варвар-северянин — продолжали упорно продвигаться вверх по течению Рангхи. Местность, по которой они шли, заметно менялась по мере того, как росли горы на горизонте. Все выше и угрюмее становились сосны, которыми поросли холмы вдоль берегов реки, все больше встречалось по пути россыпей диких валунов — поверхность их была идеально гладкой.

— Несколько тысяч лет назад все эти места были покрыты толстым слоем льда,— заметил Кахха, уловив любопытство Конана.— Ледник оставил свой след на камнях, как и на всей природе этого сурового края.

— Эти места очень похожи на мою родину,— заметил киммериец.— Там тоже растут замшелые сосны, а таких валунов — пруд пруди. И над всем этим — седые, угрюмые горы, где обитает сам Кром.

— Ничего удивительного, что твоя далекая Киммерия, как две капли воды похожа на страну Рипейских гор,— молвил в ответ нааг.— Пояс ледников некогда покрывал все северные области планеты. Но потом произошла Великая Катастрофа, Атлантида исчезла в волнах Западного океана. Теплый воздух и океанские течения, которым раньше был закрыт путь на север, наконец-то прорвались туда. Льды начали стремительно таять. Весь мир перевернулся. Там, где раньше простиравалась тундра, стали расти леса, а там, где лежал

ледник, вознеслись могучие горы. Вымерли последние из древних рас,— я имею в виду людей-обезьян, ваших ближайших родичей. Вымерли гоблины, неуклюжие и коренастые волосатые полулюди с кустистыми бровями, заостренными ушами и скошенными подбородками. Почти полностью вымерли и рыжие обезьяны севера. Жалкие осколки этой расы до сих пор скрываются на краю мира, в далекой Патении. А наиболее развитые из их потомков смешались с племенами варваров, нагрянувших с юга и востока.

— Это, наверное, были асиры и ваниры,— заметил Конан.— Причем в ванирах обезьяньей крови больше — уж больно они все рыжие!

— Да, дикари той эпохи были неразборчивы в связях,— усмехнулся Кахха.— В этом отношении твои предки от них выгодно отличались тем, что блюли чистоту крови. И так, я вижу, продолжается до сих пор. Во всяком случае, тебя, Конан, к выродкам не отнесешь!

— Это точно!— не без самодовольства согласился Конан.— Мы, киммерийцы, свою породу бережем. Чего не скажешь о ванирах или о пиктах. Говорят, пихты не уступали красотой и ростом киммерийцам, когда жили на своих островах в Западном океане, а потом, переселившись на материк, перемешались с нелюдями, на чьих древних землях сейчас живут. Хотя душа-то у них всегда была черной.

— Да, возможно.— Взор Каххи стал задумчив: перед ним проплывали причудливые тени прошлого.— Было время, не весь мир принадлежал сынам человеческим. Существовало множество разумных рас. Не все, конечно, равноценные. Часть из них была ничем не лучше дикого зверя. Так что я с легкостью смотрел на то, как деградируют и вымирают примитивные племена, такие как сатуры или гоблины. Их хватало лишь на то, чтобы бегать по лесам, оглашая округу дикими воплями, да предаваться разврату у пещерных костров. Но как смириться с тем, что даже лучшие из нас — нааги и вампиры Куша — узрели свой закат? Эта боль жжет мне сердце и превращает в кипяток даже мою вечно холодную кровь.

— Ну, не преувеличивай,— по-своему решил утешить змея Конан.— Я немало бродяжил и по опыту знаю, что на свете еще полным-полно осталось всяких древних выродков. Драконы, вампиры, гномы, трольхи, всякие там люди-обезьяны, циклопы да людоеды. И никто из них добровольно из жизни уходить не собирался. Живучие гады! Намучаешься, пока на Серые Равнины отправишь.

«Вот только почему я и эту нелюдь не отправлю туда же»,— мелькнула было в самом дальнем уголке мозга киммерийца, здравая мысль... мелькнула и погасла, как свеча, задутая все тем же ласковым голоском, который принял нашептывать успокаивающе:

«Брось, Конан, он не причинил тебе зла. Да и жаль гада: все сородичи его вымерли, он один остался. К тому же он ведет тебя к сокровищам, а потом отправит домой, на Запад. И вообще, он славный парень, хотя и не человек. Даже шипеть при разговоре отучился... Этот подлый шепоток Конан воспринимал как голос своего внутреннего я, и он не вызывал в сердце варвара и тени протеста. Все казалось так естественно, так разумно... Только в самой глубине души таилась смутная неловкость, ощущение нависшей опасности, однако любая попытка ухватиться за это чувство оканчивалась дикой головной болью, и киммериец понемногу смирился, убаюканный журчащей речью наага и свистящим шепотком в мозгу.

Двое продолжали свой странный путь.

— Мы приближаемся к месту слияния двух великих рек севера,— объявил Кахха к вечеру, когда позади уже был целый день пути.— Еще два или три дневных перехода — и мы будем у самого подножия главного хребта Рипейских гор. Мы одолеем его, пройдя через потаенный перевал, и окажемся почти у цели. Там, к востоку от главного хребта, лежит великий город Аргаим — столица Анахарсидов. А от него уже почти рукой подать до Страны Аrimаспов и Грифов, где таятся сокровища, не виданные ни одним из земных владык!

— Скорей бы уж! — проворчал Конан.

Натруженные ноги гудели, Несмотря на всю силу и выносливость северного варвара, усталость безостановочного перехода давала себя знать.

«Яйца Ханумана! — выругался про себя киммериец. — Совсем изнежился в пиратах! Чего бы сейчас не отдал за мой разбившийся ялик или за доброго гирканского скакуна!»

— А я бы предпочел моего славного кротера, — тут же откликнулся на его мысли нааг. Он вышагивал все так же неутомимо и, несмотря на свою худобу и кажущуюся слабосильность, не подавал признаков усталости.

— Это еще что такое? — недовольно поинтересовался Конан. Он не мог смириться с тем, что змей бесцеремонно читает его мысли, как будто они начертаны у него на лбу.

— Кротер — это рептилия, — охотно пояснил Кахха. — Он бегает только на двух ногах и балансирует при беге мощным хвостом. И по прыти намного превосходит любого четвероногого скакуна. Точнее превосходил, — грустно поправился он. — Увы, кротеры исчезли с лица земли. Мне лишь чудом удалось раздобыть живые яйца этой твари и вывести из них поколение длинношеих скакунов. Но это было несколько тысяч лет назад. Теперь они погибли окончательно.

— И слава всем богам, — пожал плечами киммериец.

От рассказов наага у него уже голова пухла. Казалось, из своего привычного времени он угодил на пару тысяч лет назад, и мир казался варвару чужим, враждебным и незнакомым.

За разговорами спутники не заметили, как берег Рангхи неожиданно резко повернул влево, и перед ними предстала удивительная картина. Две большие реки сливались воедино. Одна из них уходила своими верховьями на северо-запад, где истоки ее терялись в бескрайней тайге, другая, впадавшая в нее, несла свои стремительные воды прямо с ледниковых шапок, покрывавших вершины Рип.

— Это — Джайх, — молвил Кахха, бросая взгляд на величественную картину.

В месте впадения Джайха в Рангху волны бурлили, образуя пенистые водовороты. Сливаясь, реки разлились так широко, что образовали что-то вроде большого озера, переправиться через которое было весьма непросто. Но без этого было не обойтись. Так уж вышло, что скалы, у которых разбилось суденышко Конана, располагались на полторы лиги западнее устья Рангхи, а путники странствовали по ее правому берегу.

— Эх, зачем только разбрелся мой бедный ялик, Нергал задери ее, эту подлую морскую тварь! — невесело вздохнул Конан. Перспектива переправы вплывь через столь обширное водное пространство, когда силы на исходе, не улыбалась даже ему, — с его мощной грудью и руками, способными рассекать волны, как весла зингарской галеры.

— Боюсь, что перебраться вплывь нам и впрямь не удастся, друг варвар, — заметил нааг,

вновь читая его мысли.— Впрочем, нам было бы не легче, даже если бы твое суденышко не разбили в щепки бивни исполинской морской коровы. Признаюсь, я и не ожидал, что эти твари выжили в Катастрофе. Подумать только, они были гордостью моего королевского зверинца. Видать, нашли способ выплыть, когда волны потопа захлестнули бассейн. Какая ирония судьбы!

— Уж лучше бы им потонуть!— возразил Конан.— Эти чудища житья не дают племени Морского Льва!

— А, ты о прибрежных дикарях?— небрежно откликнулся Кахха,— Надеюсь, ты не очень скучаешь по их обществу?

— И все же они были люди!— сделав упор на последнее слово, произнес Конан.— И довольно приятные. Полная противоположность пиктам. Но я не жалею, что не остался с ними. Уж больно мрачное у них житье! Спать в пещере и питаться рыбой — не для меня! Мне нужно хорошее мясо, вино и красивые женщины!

— Скоро всего этого у тебя будет в избытке, Конан,— пообещал Кахха.— Но сначала нам надо как-то переправиться на другой берег, а это будет непросто: как раз в месте слияния Рангхи и Джайха прежде обитало грозное речное божество. Местные дикиари приносили ему человеческие жертвы, если хотели переправиться через его владения.

— Может, оно давно издохло?— выразил надежду Конан.

— Сомневаюсь, друг мой,— покачал головой нааг.— Во всяком случае, не будем пытаться переправиться вплавь. Это очень утомительно.

С этими словами Кахха взметнул вверх свои длинные руки. Тонкие сухие губы беззвучно зашевелились. Конан уже заметил, что нааг, творя свою волшбу, никогда не произносит вслух — нараспев, с завываниями, как это делают обычные колдуны,— никаких заклинаний, взятых из забытых древних наречий. Тем не менее, колдовство наага было куда более эффективным и потрясающим, чем у его собратьев-людей.

Так случилось и на этот раз. Конан едва не открыл рот, как мальчишка-зевака, когда с тонких пальцев Каххи сорвался сноп искр, метнувшихся в небо, уже подернутое розоватой закатной дымкой. Искры прочертили небосклон, и — о чудо! — над рекой взметнулся волшебный мерцающий мост, на постройку которого не было потрачено ни одного куска древесины или камня.

— Да это же Биврест!— прошептал в изумлении киммериец.— Мне рассказывали о нем в Асгарде. Чудесный мост небожителей!

— Ну, Биврест, не Биврест,— усмехнулся нааг, довольный произведенным впечатлением.— Но свою службу он нам сослужит. Милости прошу, Конан!

И киммериец сделал первый шаг в воздух. Вначале Конан опасался, что мост — всего лишь фантом, и сейчас он полетит прямо в реку. Однако призрачная конструкция была столь же прочна и так же легко выдерживала мощного варвара, как если бы это был каменный арочный мост, какие строят в Немедии, Аквилонии и Зингаре. И вскоре Конан смело зашагал по невесомой переправе, а за ним следовал ухмыляющийся нааг. Если бы кто-нибудь наблюдал это зрелище снизу, то счел бы его за явление богов — две фигуры уверенно ступали по воздуху, высоко над водной гладью.

Конан уже вполне освоился со своим положением и смело заглядывал вниз, взирая на простирающуюся под ним беспокойную воду с головокружительной высоты.

— Поторопись, Конан,— заметил ему Кахха.— На наше счастье, поблизости нет птиц. Любая глупая птаха может нарушить магическое поле, и тогда мы полетим вниз.

Нааг занервничал: очевидно, сверхъестественная интуиция подсказывала ему, что-то неладно. И действительно, в очередной раз кинув взгляд на восток, Кахха вдруг резко переменился в лице. Стигийские черты его перекосились, и сквозь них на миг проглянула змеиная морда. Кое-как совладав с собой, нааг схватил Конана за плечо.

— Во имя Сета! — в ярости воскликнул он. — Торопись — или мы погибли!

— Кром! — воскликнул пораженный киммериец. — Что это?!

К воздушному мосту стремительно приближалось чудовище, напоминавшее гигантскую летучую мышь. Черные перепончатые крылья со свистом рассекали воздух. Огромный, вытянутый вперед зубастый клев неожиданно широко раскрылся и издал душераздирающий клекот, от которого у Конана заложило в ушах, и он едва не упал в воду.

— Это Гаруда, поглоти его великая Тиамат! — в явном ужасе воскликнул Кахха. — Он увидел меня! Теперь мне конец!

Конан во все глаза смотрел на неумолимо приближающееся к нему ужасное создание из древних легенд. Предания гласили, что исполинская птица-дракон Гаруда — самый лютый враг змеевлюдей. Внимательнее приглядевшись к чудовищу, киммериец вскрикнул от удивления: огромные, узловатые когти цепко держали какую-то добычу. Это был юноша в доспехах и остроконечном шлеме.

— Кром и Имир! — воскликнул Конан, обращаясь к Каххе, — Этот Гаруда схватил человека!

— Спасай свою шкуру, варвар! — ответил нааг, со всех ног устремляясь к противоположному берегу. — Ему ты все равно уже ничем не поможешь, но сам еще можешь спастись, если хватит прыти!

Конан настал тратить драгоценное время на бесполезные раздумья и, поняв, что правда на стороне наага, помчался что было мочи к противоположному берегу.

Едва Кахха и Конан успели спрыгнуть на твердую землю, как Гаруда, подобно огромному камню, выпущенному из гигантской катапульты, со всего маху врезался в воздушный мост. Раздался торжествующий клекот — и прозрачная переправа распалась потоком сверкающих искр. Резко развернувшись в воздухе и перехватив поудобнее когтями тело своего злополучного пленника, Гаруда нацелился на обратившегося в бегство наага. Но ему не удалось настичь врага, ибо птицу-дракона с истощными воплями атаковала стая гарпий.

— Чего только на свете не увидишь! — пробормотал Конан, затаив дыхание наблюдавший за разворачивающимся в закатном небе воздушным боем.

Между тем Гаруде явно приходилось туже: Девы-Лебеди застали его врасплох и набросились с такой яростью, что он невольно разжал когти, и пленник камнем полетел в воду.

— Кром! Да он же потонет в своих латах! — зарычал Конан и, не раздумывая, бросился в реку.

— О, безумец! — прошипел ему вслед нааг. Увидев, что опасность больше не грозит ему, он остановился и теперь, как зачарованный, следил за битвой Гаруды с гарпиями.

— Этот киммерийский дикарь — такой же болван, как и все людишки! Жертвенное мясо Сета! — презрительно процедил он. — Ты был нужен мне, чтобы достичь заветной цели, но решил пожертвовать собой до срока. Что же, невелика потеря! Это не остановит меня.

И, вытянувшись во весь свой гигантский рост, потомок Сета издал странный

переливчатый клич, отдаленно напоминающий крик крокодила в тростниковых зарослях Стиksа.

В ответ бурные воды на месте слияния двух рек еще больше заволновались, заклокотали. И неожиданно из образовавшегося гигантского водоворота вверх, подобно аграпурскому минарету, взметнулась мощная, длинная шея, которую венчала казавшаяся крошечной усатая голова Дракона. Большие выпуклые глаза, между которыми торчал заостренный шип, пристально смотрели на наага холодным хищным взглядом. Казалось, речной демон ждет приказа повелителя.

Змеиное шипение вырвалось из гортани Каххи, на древнем мертвом языке речь его означала: «*Покарай моих врагов, о потомок великой Тиамат!*»

Речной дракон, изогнув огромную шею, на мгновение приблизил плоскую голову к берегу, где гордо стоял Кахха. Тот сбросил с себя маску стигийца и принял истинный облик наага. И волшебная корона сверкала на его голове.

Водяной ящер медленно прикрыл глаза слюдянистой пленкой век в знак повиновения древнему владыке змеев,— и жуткая башка стремительно метнулась ввысь, туда, где Гаруда продолжал отчаянно сражаться с наседавшими гарпиями.

Птица-дракон довольно успешно билась с крылатыми девами, умело работая своим страшным клювом и когтями, и уже немало демониц кровавыми лохмотьями попадало в реку. Однако гарпии тоже не оставались в долгу, их жуткие когти исполосовали прочную шкуру Гаруды, частью покрытую перьями, а частью — чешуей. Птица-дракон обливалась кровью, но продолжала отчаянный бой со своими извечными врагами.

Речной дракон не обращал внимания на пролетавшие мимо безжизненные трупы гарпий, хотя они и сулили неплохую трапезу. Но у него была иная цель, и он слепо исполнял волю короля наагов. Ящер наполовину высунулся из воды, обнажив исполинское блестящее тело, с жуткими когтистыми ластами. С туловища потоками стекала вода, шея дернулась в стремительном броске, и увенчанная шипом голова, как мощный таран, пронзила тело Гаруды.

Над речными просторами раздался истошный крик — и началась битва гигантов.

Глава 7. Конан и Таргитай

Мускулистое тело Конана вошло в воду, как клинок заморийской работы в сливочное масло, почти под прямым углом. Ныряя, он успел заметить, как юноша в доспехах топором пошел ко дну, и, не теряя ни минуты, устремился за ним. По счастью, киммериец ориентировался в воде не хуже ловцов жемчуга из лагун Лемурийского океана.

Прозрачные речные воды создавали хорошую видимость, и Конан заметил, как юноша отчаянно пытается выбраться из доспехов, неумолимо тянувших его ко дну.

И в этот миг варвар почувствовал, что толщи воды содрогнулись, стаи мелких рыбешек испуганно прыснули в разные стороны, и из темных глубин стремительно и бесшумно выплыла огромная черная тень. Даже гигантская морская корова, оказавшая Конану не самый ласковый прием на побережье Вилайета, многократно уступала в размерах

таинственному речному чудищу.

«Вот, похоже, и божество проснулось», — отметил про себя киммериец. Он не испытывал страха: тварь была слишком огромна, слишком невероятна, чтобы казаться реальной. И даже когда блестающий чешуей бок исполина прошел на расстоянии всего пары локтей от лица Конана, это не остановило его. К тому же, внимание киммерийца было поглощено единственной задачей — вытащить утопающего, пока у него самого не кончился воздух. А в висках уже стучало, жжение в груди сделалось почти невыносимым... но Конан все-таки нашел силы для последнего решающего броска и настиг утопающего.

Парень, однако, и сам оказался не промах. В тот момент, когда мускулистая рука варвара протянулась к нему, юноша уже успел добраться до ножен, висевших на поясе, и, вытащив кинжал, принялся резать ремешки доспехов, стремясь освободиться от лишнего груза, тянувшего ко дну.

Конан немедля пришел ему на помощь, и вот наконец ремешки лопнули, и отличные боевые латы исчезли в темной глубине. Но силы молодого воина были на исходе. Неожиданно изо рта его вырвался целый рой пузырьков, а голова безвольно замоталась. Но в этот миг мощная длань киммерийца вцепилась ему в волосы и решительно потащила несчастного на поверхность.

Конан вынырнул, с жадностью глотая воздух, по-прежнему крепко удерживая бесчувственного юношу. Варвар решительно поплыл к берегу, увлекая его за собой. Но что-то встревожило его, и киммериец поспешил оглядеться, силясь понять, что же изменилось вокруг. От увиденного перехватило дух. Волны реки окрасились багрянцем, повсюду плавали истерзанные трупы гарпий... а над водой вели яростный бой Гаруда и речной бог.

Гигантское туловище водяного ящера вылезло из воды почти наполовину, длинная шея взметнулась к самому небу, а венчавшая ее голова вцепилась в тело пернатого дракона, который яростно бил крыльями, терзая мощными челюстями глотку врага.

В небе не видно было ни одной гарпии. Часть пернатых дев нашла смерть от когтей и клюва птицы-дракона, остальные сочли за благо ретироваться с поля боя. И лишь два гиганта отчаянно сражались между собой. Это была потрясающая картина,— столкновение древних, титанических существ, вражда между которыми была в полном разгаре еще в те времена, когда далекие предки людей с писком прятались в подземных норах и дуплах деревьев, заслышиав тяжелую поступь гигантских хозяев юного мира.

Конан, однако, не стал тратить драгоценное время на созерцание захватывающего дух зрелища и, не медля более, начал грести к берегу.

Как только киммериец выбрался на сушу и выволок спасенного юношу, к ним поспешил Кахха. Он вновь принял облик стигийца. Желтые глаза змеечеловека взвужденно сверкали.

— Очень рад, что все закончилось благополучно,— прошипел нааг.— Я уже было подумал, что тебя сожрал дракон.

— Ну, уж нет, дудки!— ухмыльнулся Конан, склоняясь над бесчувственным юношем.— Меня сожрать не так-то просто. Многие пытались, да зубы обломали,— добавил он многозначительно. Синие глаза киммерийца с подозрением уставились на каменное лицо Каххи,— Кстати, интересно бы узнать, с чего этому длинношеему вздумалось вылезти наружу? Судя по тому, как у него бока ракушками обросли, он давненько не поднимался на поверхность...

Похоже, подводная встряска отчасти помогла киммерийцу избавиться от чар наага, о чем последний тут же догадался. Глаза его льстиво заблестели, голос стал вкрадчиво

— Полно, полно, друг Конан! Мне совестно, что я бросил тебя и обратился в бегство, но пойми, Гаруда — извечный враг нашего рода, самый страшный наш противник. Стоило мне увидеть его, и я едва не лишился рассудка! Однако не всерьез же ты думаешь, будто я мог поднять дракона из глубин?! Не иначе, это запах крови привлек его внимание.

Ничего не ответив, Конан вновь повернулся к юноше. Нааг бросил на него удовлетворенный, злорадный взгляд,— этот недоумок-варвар был снова в его власти. Что же, все складывалось как нельзя лучше! Очевидно, Сет и Тиамат благоволили Каххе, ибо человеку, которого он выбрал своим слепым орудием, удалось живым выбраться на берег, и наагу не пришлось из-за его безрассудства менять свои тщательно выстроенные планы. Правда, его несколько смущал этот юнец, которого глупый варвар вытащил из воды. Несколько беспокойство проникало в душу Каххи, когда он смотрел на него. Но он поспешил отогнать нелепые опасения и принял с большим вниманием наблюдать за исходом сражения исполинов.

Речной монстр отчаянно тряс огромной башкой, силясь освободиться от впившегося ему в шею Гаруды. Птица-дракон представляла собой жалкое зрелище, вся шкура ее была разодрана и исполосована: когти гарпии вырвали большие куски плоти, а заостренный шип и зубы речного ящера оставили глубокие кровоточащие раны. И, тем не менее, острые когти и клыки по-прежнему рвали шею речного бога, а огромные крылья с силой били по плоской морде, стремясь достать до глаз.

Кахха с заметным нетерпением наблюдал за поединком, который явно зашел в тупик. Наконец, не выдержав, змеечеловек, пользуясь тем, что варвар не обращает на него внимания, вновь зашипел, отдавая приказ речному ящеру.

Тот немедленно сменил тактику. Резким стремительным движением монстр подался вниз и нырнул в реку, увлекая за собой Гаруду. Вода забурлила и вспенилась — отчаянная схватка продолжалась уже в глубине... А затем все стихло. Буруны улеглись. И река покатила прочь багряные волны.

— Хвала Тиамат,— прошипел Кахха.

Глаза его горели торжеством. Но неожиданно по поверхности воды пошли круги, и над волнами показалась окровавленная голова. Это был израненный Гаруда. С трудом взмахнув намокшими крыльями, птица-дракон попыталась подняться в воздух, но лишь с третьей попытки это ей удалось. Вода, смешанная с кровью, ручьями стекала с обезображеного тела. Еле взмахивая намокшими, истерзанными крыльями, Гаруда медленно, зигзагами полетел прочь от места схватки.

Нааг выругался сквозь зубы, но не мог сдержать вздоха облегчения, видя, что дракон позабыл о нем. Он пристально вглядился в окровавленную воду, но никаких признаков жизни не наблюдалось в речной глубине. Тщетно нааг взывал к ящеру на своем древнем языке,— никто не отозвался на его призывы.

... Оторвавшись от начавшего приходить в себя юноши, Конан кинул на Кахху подозрительный взгляд,— колдовские путы, окутывавшие его сознание, вновь ослабли.

«Проклятый Сетов выродок!— пронеслось у него в голове.— Вот, значит, чего стоят все твои слова и заверения в вечной дружбе! И гада, этого речного, стало быть, не ты вызвал?! И мозги мне задурманил тоже не ты?! Да я тебя сейчас, отродье змеиное...» Спиной почувствовав устремленный на него гневный взгляд киммерийца, Кахха резко повернулся. Зубы его зловеще оскалились. Смуглое, крючконосое лицо стигийца расплылось, обнажая омерзительную чешуйчатую морду разумного змея.

— Молчи, раб! — зашипел нааг. — Ничтожество! Варвар, дикарь, ты игрушка в моих руках. Ты исполнишь все, что я прикажу!

— Много болтаешь, тварь! Смотри, язык свой змеиный не прикуси! — прорычал Конан и, подняв топор, кинулся на наага.

Он готов был раскроить череп проклятому змею, как вдруг словно налетел на невидимую стену. Желтые хищные глаза глядели ему прямо в душу, в зрачках плясала танец смерти огромная, скалящая ядовитые зубы кобра с раздувшимся капюшоном. Танец ее завораживал древней магией, и глаза киммерийца, будто невидимой цепью, приковало к этому жуткому зрелищу. Конан застыл на месте, окаменев. Он чувствовал, как у него отнимаются ступни, затем икры, колени... Ноги варвара сковал ледяной панцирь, который неумолимо полз все выше и выше.

И в этот момент в воздухе свистнул камень. С силой пущенный откуда-то справа, он со смачным звуком ударили в блестящий голый череп нелюдя. Глаза, в которых только что зловеще отплясывали змеи, затуманились. Раздутые капюшоны кобр съежились, сами они начали таять, а затем и вовсе исчезли. Глаза наага подернулись полупрозрачной пленкой.

«Как у курицы!» — с отвращением подумал Конан. Он с трудом оторвал взор от человекозмея и посмотрел вниз, на ноги. Лед на них таял, превращаясь в зеленоватую дурно пахнущую жидкость.

Конан ощутил легкое покалывание в икрах и ступнях: онемение спало, заклятия больше не существовало. Видно, все же за время тысячелетнего сна колдовские способности наага ослабли. В былые времена чары, наложенные им, не распались бы даже после смерти змея. Но Конану повезло.

А нааг стоял еще пару мгновений, и на голове его расположилось большое красное пятно. И лишь после того спасенный Конаном юноша с криком: «Получай, проклятый!» вонзил кинжал ему прямо в сердце. Тело Каххи рухнуло. Молодой воин, не раздумывая, подхватил тело нелюдя и швырнул в воду. Волны Джайха и Рангхи, сливавшихся воедино, сомкнулись над трупом наага, принимая его в свое лоно, дабы унести к морю Вилайет — туда, где киммериец столь опрометчиво пробудил его к жизни.

Юноша поднял вверх свой окровавленный кинжал и издал зычный победоносный клич на гирканском наречии. Затем он решительно повернулся к Конану. Это был крепко сбитый широкоплечий молодой человек, ниже киммерийца на полголовы. Широкое скуластое, словно высеченное из камня, лицо его, смуглая кожа, чуть раскосые черные глаза под кустистыми бровями, висячие усы, волосы, заплетенные в косы, и одежда — все говорило о его гирканском происхождении.

— Приветствуя тебя, великий воин! — воскликнул незнакомец.

Конан заметил, что гирканские слова он выговаривает с едва заметным кхитайским акцентом. Заметил и свежий шрам у парня над губой.

«Волчья работа», — отметил про себя опытный киммериец, по мелким деталям мгновенно оценивая спасенного им незнакомца: гирканец, но жил, должно быть, в Китае; говорит на наречии мунганов, хотя сам на них не похож, — значит, долгое время скитался с шайкой этих степных разбойников. Доспехи на нем агадейские, — вероятно, ходил в набеги на Великий Путь. В общем, судя по всему, жизнь у парня была нескучная.

Конан усмехнулся про себя, вспомнив свою не менее бурную молодость, и, чувствуя, что все больше проникается симпатией к своему новому знакомцу, приветливо улыбнулся ему.

— Мир тебе, победитель волков и змеев!

Юный воин сделал шаг навстречу Конану и неожиданно опустился перед ним на одно колено, склонив голову. Однако тут же встал и обратился к варвару со следующими словами:

— Я твой вечный должник! Ты вытащил меня из реки, не побоявшись даже страшного Ажи-Дахака, или, как его называют, Джаях-хана, повелителя речных глубин. Я твой друг и брат, отныне и навеки, пока прах мой не сожгут на погребальном костре и не положат под курган!

— Я тебя спас, это верно, но ты с лихвой возблагодарил меня. Считай меня своим побратимом — пока Кром не призовет меня к себе. Но как твое имя? — с любопытством спросил Конан.

Глаза юноши сверкнули. Он выпрямился в полный рост и гордо ударил себя в грудь кулаком:

— Я — Таргитай! Изгнанный наследник Хрустального Трона Страны Городов! Я направляюсь в великий город Аргаим, столицу этого царства, чтобы отомстить негодяям, убившим моих отца и мать и захватившим власть! А как зовут тебя, о, великий воин?

— Конан из Киммерии, — последовал не менее гордый ответ. — Я, конечно, не особа царской крови, но когда-нибудь, надеюсь, стану королем.

Открытое лицо Таргитая просияло.

— Я знал, что встречу тебя, великий Конан! Во сне мне было видение! Отныне наши пути сошлись. Куда ты — туда и я! Но скажи мне, что привело тебя в эти края, о Конан?

— Золото грифов! — прямо ответил Конан. Открытой натуре варвара чужды были всяческие уловки и хитрости.

С теми, кто был ему по душе, он всегда предпочитал говорить напрямик. — Послушай, Таргитай. Мы с тобой побратались, и это много значит для меня, а стало быть, я не хочу таить от тебя секретов. Клянусь Кромом, Владыкой Могильных Курганов, что помогу тебе возвратить престол, но за это ты должен помочь мне раздобыть сокровища. Что скажешь?

— Клянусь Папаем, Повелителем Грозовых Туч, да будет так! — воскликнул Таргитай. И два воителя соединили руки в богатырском рукопожатии...

Часть третья

СМУТНЫЕ ДНИ

Глава 1. В Аргаиме Трехстенном

У восточных отрогов главного хребта Рипейских гор, на обширном плато, на много лиг раскинулась привольная Пасиртайская степь. Здесь, на крайнем рубеже Великой Степи,

вдоль берегов Джаяха, лежит легендарная Страна Городов. Так называют гирканские купцы, караваны которых прибывают с юго-востока, суровый край, где кочуют племена даев, исседонов, иирков и кемеров. Другое ее название — Сакалиба, которое, впрочем, относят и к областям, лежащим к северу от Страны Городов. Там, в дремучей тайге, живут племена плеших аргипеев и другие, еще более дикие народы. Дорогу в те края не знает никто, кроме жителей Страны Городов, которые два раза в год, весной и осенью, путешествуют на север и торгуют с дикарями самым удивительным образом.

Торговля эта называется немой, так как обе стороны не видят друг друга при сделке и не общаются напрямую. На специально выбранной поляне купцы оставляют свои товары и забирают вместо них меха и другие ценности, оставленные до этого дикарями, которые ждут ухода купцов в ближайшем лесу. Такой странный способ торговли купцы объясняют страхом, который питают по отношению к ним таежные обитатели. И страх этот вполне обоснован. Ибо очень часто шайки работников из Страны Городов устраивают набеги на северян и, захватив рабов, перепродают их затем гирканцам на невольничих рынках.

Из всех многочисленных городов Сакалибы самый большой, самый красивый, самый оживленный и самый грозный — это, без всяких сомнений, Аргаим Трехстенный. Аргаим Златовратный, как еще именуют его, Аргаим Священный.

Град Аргаим посвящен Богу Солнца — Уту, и если взглянуть на него с высоты птичьего полета или с горных вершин, то можно заметить, что сверху он напоминает колесо — знак солнцеворота. Эту иллюзию создает хитроумная фортификационная система: глубокий ров, вырытый вокруг всего города, и две мощные крепостные стены, сложенные из огромных каменных блоков и укрепленные земляными насыпями. Каждое кольцо укреплений создает внутри себя как бы отдельный, самостоятельный город, с широкой радиальной улицей-проспектом, на которую выходят кварталы городских жителей, примыкающие с внутренней стороны к крепостной стене. Это Внешний и Внутренний город.

А в центре самого Аргаима расположена огромная площадь, в сердце которой высится главная цитадель города, являющаяся одновременно храмом, царским дворцом и грозной крепостью. Если взглянуть на цитадель с площади, то можно увидеть лишь сплошное кольцо неприступной стены с маленькими бойницами высоко над землей. И лишь с юго-восточной стороны этот грозный замок оживляется огромными, пышно отделанными воротами. Это Врата Уту, облицованные толстыми листами золота, на которых изображен украшенный сотнями драгоценных камней лик Солнечного божества.

С обеих сторон Врат высятся толстые, мощные колонны из туфа, у подножия которых восседают исполинские львы, искусно изваянные из цельных глыб розового мрамора, добывшегося в Рипейских горах. А сверху, поддерживаемый колоннами, испещренными древними рунами, над Вратами нависает роскошный портик, сияющий багряным гранитом, яшмой, малахитом цвета морской волны и лазуритом оттенка Вечного Неба. На этот портик в дни торжеств и богослужений выходят правитель и верховный жрец с многочисленной свитой, дабы приветствовать многотысячную толпу, собравшуюся на площади.

Сзади портик выходит на многоярусную пирамиду, взметнувшуюся к небесам ноздь стенами мощной цитадели. На вершине гигантского зиккурута неугасимо полыхает священный огонь. Напротив Священных Врат Уту в обеих внешних крепостных стенах находятся меньшие по размеру, но не менее роскошные Золотые Ворота.

Путникам, подъезжающим к городу со стороны Золотых Ворот, были хорошо видны взметнувшаяся к небесам величественная пирамида, возвышавшаяся над городом, и

полыхавшее днем и ночью пламя на ее вершине.

Немало грозных крепостей высится на просторах Турийского материка — от побережий Зингары до далекого Кхитая, но отнюдь не каждая из них может похвастаться тем, что ни разу не была взята приступом. Аргаим был одним из редких исключений. Высоки были его стены, неприступна Главная Цитадель, неисчислимо войско, необъятны запасы продовольствия в городских складах. Но коварство, измена и черное колдовство проникли в самое сердце неприступной твердыни...

***

... В необъятной толще базальта, из которого был сложен Великий Зиккурат Уту, терялась небольшая келья, больше похожая на склеп. Единственное узенькое оконце, расположенное под самым потолком и больше напоминавшее бойницу, почти не пропускало света в мрачное помещение с голыми каменными стенами, единственным украшением которых служили странные надписи, высеченные на поверхности — таинственные древние идеограммы, иероглифы, руны. Станный сиреневый туман клубился в келье, окутывая ее мистической дымкой. В воздухе резко пахло колдовскими снадобьями. Вдоль стен стояли всевозможные сундуки, столики на витых ножках, искусно украшенные резьбой и установленные всевозможными приборами и препаратами, треногами, зеркалами, разноцветными камнями, лучившимися магическим светом, гадальными свитками и костями. Скалили зубы черепа диковинных существ — то странно вытянутые, то приплюснутые, то сплошь покрытые шишками, шипами, наростами, украшенные рогами разных размеров и чудовищными клыками.

Один из сундуков был раскрыт, и от него исходила такая зловещая аура, что заставляла шевелиться волосы на голове невольника в медном ошейнике, который почтительно замер у массивной дубовой двери. Сундук был доверху набит жуткими древними письменами — полуистлевшими свитками, растрескавшимися глиняными табличками, тяжелыми фолиантами, бумагой для которых служила кожа давно вымерших рептилий, а чернилами — кровь девственниц.

Один из таких фолиантов небрежно листал человек, который нахохлившись, подобно грифу, восседал в центре мрачной кельи на массивном резном кресле с высокой спинкой, выполненной в виде змеи, принявшей боевую стойку. Оскаленная чудовищная пасть находилась как раз над затылком сидящего, и создавалась полная иллюзия, что вот-вот ядовитые зубы вопьются в человеческую плоть. Но хозяина кресла мало волновала разверстая змеиная пасть за спиной.

Веки его были сомкнуты, на узком хищном лице, изборожденном глубокими морщинами, застыла маска безмятежного спокойствия, и лишь голова, облаченная в черную бархатную тюбетейку, ритмично покачивалась. Тонкие, сухие пальцы, унизанные тяжелыми, бесценными перстнями, еле заметно подрагивали. А колдовская книга сама переворачивала свои тяжелые страницы перед даже не смотревшим на нее властелином,— и от листов, испещренных загадочной тайнописью, осязаемыми волнами поднималась атмосфера древнего, темного ужаса.

Неожиданно колдун хлопнул в ладоши, и книга, гулко захлопнувшись, беззвучно полетела в сундук, незамедлительно закрывшийся. Вся эта колдовская операция вызвала невыразимый ужас в душе несчастного раба, стоявшего на страже у дверей. Зрачки его расширились, губы посинели. Невольник был здесь всего пару дней и еще не привык к мрачным обычаям, царившим в Зиккурате Уту последние двадцать лет. Страх раба не ускользнул от внимания колдуна. Цепкие холодные глаза его яростно сверкнули.

— Презренный,— обратился он к несчастному.— Подойди к своему господину!

Невольник обреченно приблизился на трясущихся ногах и замер, изогнувшись в поклоне.

— С-слушаю и повинуюсь, о пресветлый Заркум!— Зубы его стучали друг о друга, выбивая барабанную дробь.

— Ты боишься меня!— медленно произнес Заркум.— Это хорошо, что боишься. Но плохо, что так откровенно выдаешь свой страх. Это оскорбляет меня. Мне не нужна такая трусливая душонка, даже в качестве раба!

Несчастный рухнул на пол, лобзая сапоги Заркума.

— Прошу тебя, светлейший, только не превращай меня в лягушку или крысу!— захлебывался он в рыданиях.

Заркум, сморшившись, поглядел на него сверху вниз, и в холодных глазах его промелькнуло удовлетворение.

— Нет!— заверил он пресмыкавшегося перед ним раба.— Лягушачьи или крысиные внутренности мне сейчас ни к чему. А вот человеческие подойдут! — С этими словами он щелкнул пальцами и выкрикнул несколько слов на непонятном языке.

Глаза невольника вдруг полезли из орбит, он схватился за горло, задыхаясь. В глотке его произошла какая-то судорога, и неожиданно человек исторг из себя, в потоке крови, хлынувшей из рта, еще пульсирующее, дымящееся сердце.

Сердце послушно скакнуло в ладонь Заркума. Он задумчиво поглядел на кусок окровавленной горячей плоти, судорожно колотившейся в его руке, и хмыкнул:

— Кровь... хотя и из сердца труса, но все же подойдет мне!

В следующий момент перед ним оказалось круглое зеркало, высеченное из черного обсидиана. Поверхность зеркала была тускломатовой, абсолютно ничего не отражавшей. Чародей положил дымящееся сердце на зеркало и стал выжимать из него еще оставшуюся кровь. Размазав кровь по стеклу, колдун выбросил ставшее ненужным сердце и воскликнул:

— *Аргах — Миное — Калог! Сатраватха — Зандрубина — Войла — Max!*

С зеркалом начали происходить удивительные метаморфозы. Неожиданно оно засветилось алым светом, как бы накаляясь изнутри. Кровь с шипением стала закипать, а затем неожиданно исчезла, зеркало будто всосало ее в себя. Поверхность обсидиана стала прозрачной, и, глядя в него, черный маг смог увидеть то, что творилось в городе и его окрестностях.

... Аргаим Трехстенный жил своей обычной жизнью. На площади вокруг Главной Цитадели бурлил оживленный рынок, толпы шумного народа заполняли также широкие мощеные проспекты Внешнего и Внутреннего Города. На первый взгляд картина ничем не отличалась от жизни сотен других восточных городов. Но в Аргаиме произошли серьезные изменения за те двадцать лет, как при загадочных обстоятельствах скончался правитель Колаксай и все члены его семьи, а Хрустальный Трон узурпировал Шульга — двоюродный племянник правителя по отцовской линии, ставленник жреческой партии, возглавляемой

темным Заркумом.

Повсюду по городским улицам разъезжали патрули, в кольчугах и круглых шлемах с забралами, выполненными в виде оскалившихся масок. Они бесцеремонно прокладывали себе путь в шарагающейся в разные стороны толпе, охаживая семихвостыми камчами зазевавшихся, а то и просто топча их конями. Люди молча уступали дорогу, но в глазах их проскальзывала затаенная ненависть.

За двадцать лет незримой власти Заркума стало намного больше голодных и оборванных, тщетно ищащих работу и просящих подаяние людей. Несчастья одно за другим обрушивались на жителей Страны Городов. Неизвестный мор косил неисчислимые прежде стада скота, неведомые чудовища, появлявшиеся невесть откуда, пожирали и животных, и людей. Страх и отчаяние поселились в сердцах даев, исседонов, иирков и кемеров.

На улицах Аргайма все так же оживленной была торговля и на золото, добываемое из Страны Аринаспов. На него по-прежнему был высокий спрос. Но старожилы Аргайма со скрытым неудовольствием отмечали, что товарооборот за последние двадцать лет упал, чуть ли не вдвое, и с каждым годом все меньше караванов прибывает из Гиркании, а на товары, привозимые купцами, невероятно выросли цены.

Над Страной Городов замаячил призрак гибели, грозивший смутой, мятежами, голодом, болезнями, иноземными вторжениями и полным развалом. Однако правительство Шульги и Заркума это мало трогало: первый проводил время в бесконечных пирах, охотах и среди наложниц в гареме, а бывший служитель Эрлика — ныне Верховный жрец Культа Уту был занят познанием все новых и новых тайн некромантии, тауматургии и прочих колдовских искусств. Именно благодаря его экспериментам страну наводнили всевозможные демоны, вызванные из потусторонних миров, но его это не волновало вовсе.

На юго-восточных рубежах свирепствовали гарпии, некогда ютившиеся в ледяных пустынях Патении, далеко за дремучей тайгой. Теперь редкий купец мог рискнуть добраться до Аргайма, да и местные жители в ужасе покидали родные края и бежали в центр страны. Но жуткие демоницы поставляли Заркуму жертв для его дьявольских опытов — и потому продолжали бесчинствовать.

Заркум бегло осмотрел городские кварталы. Все как всегда: гвардейцы охраняют покой властей, купцы торгуют, мелькают охряные и багряные туники жрецов Уту и Эрлика, зорко выискивающие крамолу. Народ все так же забит, покорен и нищ.

Сделав пассы над зеркалом, колдун вызвал изображение Пасиртайской степи, начинавшейся почти сразу же за городскими стенами. Здесь было беспокойно: куда ни кинь взгляд, виднелись шатры, редко богатые, тканые из белоснежной верблюжьей шерсти, а в основном — маленькие, с прорехами в грязном, свалившемся войлоке. Повсюду горели костры, бегали полуоголые ребятишки и оборванные женщины. Каждый свободный участок земли был занят пасущимся скотом, изрядно отощавшим на скучных кормах.

Но и этих жалких пастбищ с каждым днем становилось все меньше и меньше. Люди все прибывали и прибывали к столице, спасаясь от чудовищ, опустошивших их привольные земли. Между беженцами, которых стража даже и не пропускала за городские ворота, постоянно вспыхивали отчаянные ссоры, порой выливавшиеся в настоящие кровавые стычки. Голод и нужда превратили людей в свирепых псов.

Заркум ухмыльнулся, — все складывалось как нельзя лучше для его планов. Голодным и нищим сбродом легче управлять, чем ленивыми и сытыми пастухами, в любой момент готовыми забыть про своих властителей и, наплевав на интересы государства,

разбежаться по степи. Ну а эти — медленно тлеющий костер недовольства и копящейся злобы. И лишь только ветер подует в нужном направлении, по всей Гирканской степи, до ее восточных и южных пределов, запылает пожар войны.

Заркуму оставалось лишь заботливо раздувать эти искусно добытые им угольки — будущие языки пламени. И беречь,— как бы ни подул случайный ветер с другой стороны. А иначе пожар спалил его самого дотла. Колдун был готов ко всему. Он знал, что рано или поздно найдутся подстрекатели, готовые во всем обвинить верховную власть. Но страх был ему неведом. Он был уверен, что в нужный момент растопчет любого, кто осмелится выступить против него.

Поэтому он даже криво усмехнулся, когда в зеркале, на крохотном пятаке утоптанной земли, между тесно стоящими шатрами, вдруг появился странный старик. Невероятно ветхое, залатанное рубище служило ему одеждой, полуистлевшая, остроконечная шапка была вся увешана амулетами и талисманами. Старец был согнут в три погибели, и его дрожащая, узловатая, почти черная рука с трудом опиралась на затейливо украшенный причудливым орнаментом посох. Лицо старика, напоминавшее хорошо пропеченное яблоко, обрамляла густая грива седых волос, а из-под бровей пытливо глядели удивительно умные, живые глаза.

Выйдя на середину импровизированной площади, старец воздел корявые коренья дряхлых рук к небу и, потрясая посохом, стал громогласно взывать к богам. Люди, сидевшие у костров или бесцельно шатавшиеся вокруг, замерли, с любопытством ожидая продолжения. А нищий, помянув Уту, Папая, Денгирмах-Инанну, Энлиля и Вечное Небо — Тэнгри, обратился к собравшимся с пламенной речью:

— Слушайте, Дети Гор и Степей! Вот уже много лет прекрасную Страну Городов терзают хищные гиены. Убийцы правят тобой, о народ Даев, Исседонов, Иирков и Кемеров! Подлый изменник Шульга своей сальной задницей вот уже двадцать лет оскверняет Священный Хрустальный Трон, доставшийся ему ценой предательства. А его настоящий хозяин — черный колдун Заркум — уничтожил правящий род Колаксая. Но напрасно считают они, будто власть их незыблема! Шульга уверен, что он — единственный представитель древней династии Анахарсидов, имеющий право на трон Колаксая. Но настанет великий день,— я предрекаю, о люди! — и вернется в Страну Городов подлинный правитель!

Народ заволновался. В толпе раздались возбужденные восклицания, блеснула сталь клинов. А старец, выдержав паузу, торжественно закончил:

— Принц Таргитай — вот подлинный наш владыка! Напрасно думают, что наследник погиб двадцать лет назад! Он жив и скоро вернется в Страну Городов, чтобы сбросить подлого Заркума и его ставленника! С ним придет великий воитель с Запада, каких еще не видел свет! Люди, слушайте мое предсказание! Милость богов с нами! Освободитель уже на пути в Аргаим!

Последние слова вещуна потонули в общем ликующем крике.

Возбужденная толпа в любой момент могла превратиться в мятеющее войско. И боевой клич сорвался с губ сотен обозленных людей:

— Таргитай! Долой Заркума! Долой Шульгу!

Лицо колдуна перекосилось: такого он не ожидал. Дрожащей рукой он схватил бронзовый кхитайский колокольчик в виде человеческого черепа и резко позвонил.

Дверь тут же распахнулась, и на пороге появилась целая толпа придворных, военачальников, жрецов. Вся эта клика терпеливо дожидалась у дверей, пока их властелин

предавался занятиям магией. Налитые кровью глаза Заркума скользнули по их замершим в почтительном, сдержанном испуге жирным лицам и остановились на грунном, рослом мужчине в золоченых доспехах. Тот незамедлительно приблизился к магу.

— Вот, полюбуйся, Ишпак! — прошипел, брызгая слюной, Заркум, указывая в зеркало.

Главнокомандующий войсками Сакалибы, начальник городской стражи и командир гвардии Серебряных Грифов нагнулся над волшебным прибором и стал внимательно разглядывать происходящее за городскими стенами. Смуглое лицо его вытянулось и побелело.

— Взять живьем дерзкого шаманишку! — отрезал Заркум.

Тотчас же все его окружение исчезло из комнаты, — свита знала норов своего повелителя. Задержав пару стражников, Заркум указал носком сапога на скорченное тело раба:

— Убрать эту падаль!

Он дохнул на поверхность зеркала, и изображение замерло на стекле, запечатлев образ возмутителя спокойствия. Отшвырнув зеркало в сторону, Заркум порывисто встал и начал прохаживаться от стены к стене, пытаясь успокоиться.

... Он слишком рано оторвался от магического экрана и не счел нужным понаблюдать за тем, что происходит на дальних подступах к Аргаиму.

Как раз в этот момент из ущелья, по которому проходил перевал через Главный хребет Рипейских гор, на последний горный уступ вышли два запыленных путника. Пасиртайская степь расстилалась перед Конаном и Таргитаем, и в центре ее — великое, солнечное колесо Аргаима Трехстенного...

Глава 2. Колдовство и женские козни

Огромный город лежал перед двумя запыленными путниками. Конан и Таргитай замерли в восхищении у края горной тропы, разглядывая величественную панораму. Бесконечный переход через Главный Хребет наконец-то завершился. Позади были холодные ночи в древних пещерах. Во время одной из таких ночевок друзьям пришлось схлестнуться с огромным пещерным медведем, который отнюдь не рад был незваным гостям... Зато теперь мощный торс Конана покрывала теплая, ворсистая шкура гигантского зверя.

В другой раз их накрыло лавиной, и им долго пришлось выкапываться из снега. Но, в конце концов, все завершилось, — они были у цели. Так думал Таргитай, которого мало заботила судьба золота грифов. Во всяком случае, в данный момент. И даже киммериец был с ним согласен в этом. Он во все глаза глядел на диковинный древний город, похожий на гигантский трехслойный пирог, лежавший у его ног.

— Ну, наконец-то! — довольно проговорил Конан. — Цивилизация! Я, конечно, варвар и не стесняюсь этого, но бесконечная глушь тоже порой надоедает. Мне до смерти охота побыстрее добраться до какого-нибудь завалящего кабака и вцепиться зубами в бок жареного барана, да приобнять смазливую деваху, не очень дорого берущую за услуги. А если при этом будет еще добрый кувшин вина, то я буду чувствовать себя лучше, чем сам Митра в своих

небесных садах! Мне, пожалуй, хватит даже гирканской араки!

— Да, Конан,— рассмеялся Таргитай.— Ты и впрямь варвар, если тебя послушать! Хотя, впрочем, я и сам такой. Я сейчас готов забыть про корону, если передо мной поставят блюдо дымящегося мяса с лапшой и кувшин вина! Вяленая медвежатина мне надоела, я хочу баранины! Я все-таки степняк, Папай меня разрази, а не аргиппей из тайги!

— А как же твое кхитайское воспитание?— с иронией спросил у него Конан, садясь на землю и вытаскивая из сумы кожаный мешок с вяленым медвежьим мясом.

— После пяти лет, проведенных в степи,— небрежно усмехнулся Таргитай,— я вспоминаю свою прежнюю жизнь как далекий сон. От Кхитая у меня осталась память о моем незабвенном Учителе,— он благоговейно тронул мешочек на груди, где лежала статуэтка Тан У,— верный меч и умение стряпать. Вот отвоюю Хрустальный Трон и, клянусь Вечным Небом, Уту и Папаем, накормлю тебя такими лакомствами, от которых ты взвоешь от восторга. Салат из кальмаров! Мидии, маринованные с лепестками орхидеи, мозг обезьяны, выдержаный в настойке лотоса! Тонкая рисовая лапша, длинная, как хвост Небесного Дракона, сваренная с омарами и политая душистым соусом, сделанным из мускуса кабарги!

Конан с трудом прервал юного гурмана, не слишком вежливо сунув ему в рот здоровенный ломоть медвежатины. Таргитай тут же замолчал и стал работать челюстями с такой энергией, как если бы перед ним было самое изысканное блюдо с императорской кухни Летнего Дворца в Пайканге.

Молниеносно расправившись с последними кусками, друзья запили трапезу снеговой водой, не особенно сетя на отсутствие вина. После чего оба растянулись на мягкой шкуре и стали отдыхать, разглядывая город и терпеливо ожидая наступления темноты, дабы проникнуть за стены незамеченными.

— Я, конечно, не помню аргаимских порядков,— заметил Таргитай,— ибо я был слишком мал, когда покинул родину. Но уверен, что попасть в город — дело совсем не простое. Насколько мне известно, высота стен превышает семь человеческих ростов, и на них полно стражи.

— Положись в этом деле на меня,— заверил его варвар,— не было еще ни одной стены, на которую не смог бы забраться Конан из Киммерии, и ни одного стражника, который ушел бы живым или здоровым после встречи с ним!— И киммериец беспечно почесал здоровенной пятерней всклокоченную гриву волос и бросил еще один взгляд — далеко не беспечный — на аргаимский пирог, в сердцевине которого неугасимо пылала свеча Зиккурата Уту...

***

... Отряд всадников, грозно брячащих доспехами, возглавляемый самим начальником городской стражи, появился во взбудораженном палаточном поселке внезапно. Грузный Ипшак, облаченный в золоченую кольчугу и затейливый шлем, изукрашенный грифами и львами, гневно потрясал плетью и кричал, брызгая слюной:

— Всем немедленно разойтись!

Но толпа, распаленная речами отчаянного шамана, и не думала подчиняться приказам властей. Народ за считанные мгновения превратился в рычащую стаю волков, с ненавистью глядевшую на свору верных псов проклятого колдуна. В сторону стражников полетели камни и палки, раздались оскорбительные выкрики. А где-то в центре сбогища продолжал вешать невидимый за плотно сомкнутым рядами людей мятежный шаман:

— Вот они, кровавые шакалы! Я знаю, их послал Заркум. Он выследил меня своей волшбой, он боится меня! Великий страх вкался в его черную душу, я чувствую это! Дни тиранов сочтены! Развавите их, люди!

Ишпака перекосило от этих слов... был ли то гнев или страх? Скорее, и то и другое сразу. Камень, гулко ударившись о его шлем, оставил уродливую вмятину в затейливом узоре. Глаза военачальника налились кровью. Он резко махнул кольчужной перчаткой, и закованные в сталь и бронзу всадники, ощетинившись пиками, с воинственным кличем врезались в толпу взбунтовавшихся людей. Началась кровавая бойня.

В обезумевших коней вцепились десятки злых рук. Они стаскивали стражников на землю, топтали их ногами и рвали их в клочья — ножами, топорами, ногтями, зубами. В руках у некоторых мятежников появились луки — и несколько воинов Заркума вскоре превратились в ощетинившихся дикобразов. Однако колонна всадников продолжала, подобно стальному тарану, упорно пробиваться к центру сбогища — туда, где стоял, выкрикивая угрозы, шаман.

Ишпак, работая тяжелым бунчуком как палицей, проложил себе дорогу в толпе, но в тот момент, когда его закованная в сталь могучая рука протянулась к старику, стремясь схватить того за белые космы, шаман вдруг закричал диким голосом и бешено завертелся волчком. Он вращался все быстрее и быстрее, беспрестанно завывая, так что уши Ишпака заложило, а в глазах зарябило. Но вот вой резко оборвался... а на том месте, где только что был шаман, хлопнула нестерпимо яркая вспышка. Ишпак ослепленно заморгал, а когда зрение вернулось к нему, вещего старца уже нигде не было...

***

... Подобного унижения кичливому военачальнику испытывать еще не доводилось. Заркум клял его последними словами, точно ничтожнейшего из рабов. Мясистые уши Ишпака горели огнем, в груди закипала злоба, но он продолжал стоять, покорно склонив голову и потупя взор. Оставалось лишь надеяться, что чародей, зайдя слишком далеко в своем гневе, не превратит его в кучу золы. Однако обошлось. Немного потихнув, Заркум презрительно развернулся спиной к провинившемуся военачальнику и небрежно процедил:

— А теперь иди и подготовь рапорт о победоносном разгоне мятежных толп твоими доблестными,— он нарочито подчеркнул это слово,— Серебряными Грифами. Его Величество примет тебя в самое ближайшее время. Но учти: о шамане — ни звука! Иначе...— он не докончил, но в наступившем молчании было столько угрозы, что Ишпак почувствовал, как волосы шевелятся у него под шлемом. Он понял, что аудиенция закончена, и, стараясь идти строевым шагом, удалился из кельи.

Заркум не обратил внимания на уход старого вояки,— его занимали гораздо более

важные мысли.

«Пожалуй, солдафону вряд ли по силам найти поганого старца,— думал колдун,— дело попахивает магией. Похоже, это мой коллега по ремеслу, и к тому же довольно опасный. Ну что же, попытаемся разобраться с ним нашими скромными силами».

Встав с кресла, чародей подошел к одному из столов с амулетами и взял в руки невероятно древний череп, принадлежавший весьма странному существу. Череп был плоским и вытянутым — четыре искривленных клыка торчали по бокам почти крокодильей пасти, над широкими глазницами возвышались уродливые наросты, шипы и рога. Заркум взвесил череп на ладони и удовлетворенно хмыкнул. Затем, порывшись в многочисленных карманах, нашитых на широкий шелковый пояс, стягивавший его иссиня-черную, отороченную волчьим мехом тунику, извлек кусок синевато-зеленого, фосфоресцирующего мела.

Леденящим кровь голосом колдун протяжно, нараспев, произнес слова древнего заклинания:

— *Хойла — Буридан — Ганиль — Аро — Сарат! Шабарот — Ахр — Заманг!*
Он начертил на лбу черепа светящуюся пентаграмму.

После чего с размаху бросил череп на пол. Едва коснувшись каменных плит, череп раскололся на множество мельчайших осколков. И все эти осколки неожиданно засветились призрачным, зеленоватым светом. Раздалось шипение, казалось, что в келье плавится железо. Светящиеся осколки черепа превратились в лужицы переливающейся жидкости. Лужицы начали образовывать потоки, и вскоре множество переливающихся струй устремились к одной точке — к тому месту на полу, куда упал череп.

В этом месте в мозаичном узоре гранитных плит были выбиты древние руны. Достигнув их, потоки жидкости стали сливаться в аморфный, размытый шар, в котором, вспыхивая, боролись друг с другом различные субстанции. Свечение, исходящее от шара, все усиливалось, — было больно смотреть, но сумасшедшие глаза Заркума с желтыми крапчатыми белками и расширенными зрачками, неотрывно глядели — как, во все увеличивающемся шаре, стали проявляться очертания ужасного существа.

Они становились все более четкими... и вот, наконец, шар лопнул, подобно мыльному пузырю, оставив после себя лишь разлившееся по келье зловоние. А в центре кельи возвышалось чудовищное создание. Очертания его не поддавались описанию, — они были невероятны, как видения курильщика лотоса. Уродливое, лоснящееся тело монстра, вызванного из бездны далеких миров, покрывал густой слой слизи, капавшей на пол и оставлявшей на плитах дымящиеся пятна.

Огромная, плоская, рогатая, клыкастая и шипастая голова прочно сидела на короткой, пупырчатой шее, глаза мерцали красноватым светом, а три отвратительных отростка на лбу также заканчивались глазами — холодными, разумными и неумолимо жестокими. Две корявые передние лапы, больше похожие на змей, сложились на чудовищной груди, в глубине которой, под мерзкой кожей, шевелились какие-то дьявольские создания, очевидно, начавшие отпочковываться отпрыски монстра. Чудовищная голова склонилась в почтительном поклоне перед человеком, вызвавшим порождение мрака из бездны пространства и времени.

— Кантрагор! — возвзвал Заркум. — Узри моего врага. — Он поднял вверх заранее приготовленное магическое зеркало, на котором застыл образ седого шамана, и поднес его к самой морде тяжело дышащего монстра.

Три глазастых отростка метнулись к зеркалу — Кантрагор впитывал в себя сведения о будущей жертве.

— Иди,— шепнул Заркум,— во имя всех сил Хаоса, заклинаю тебя, порождение Тьмы,— настигни шамана, где бы он ни спрятался. Ищи его во всех мирах. А если не найдешь и там, — ищи по ту сторону пространства и времени, вне Великой Спиралы Вселенной, если только его магической силы хватит выйти за эти пределы. Ему не уйти от тебя, жителя тех страшных мест, где царит Вечная Тьма, где потухли звезды, где положен предел миру. А теперь,— во имя всех демонов Серых равнин, которые содрогнулись бы при твоем виде,— исчезни!

Издав выворачивающий душу вой, Кантрагор стал постепенно растворяться в воздухе, и вскоре лишь лужица вонючей жидкости на полу и тяжелый запах в келье напоминали о его недавнем присутствии...

***

— Смею заверить вас, Ваше Величество,— окончил свой рапорт Ишпак, в полном парадном облачении стоявший навытяжку в королевских покоях,— что доблестные Серебряные Грифы полностью загасили очаг мятежа. Сброд разогнан. Наиболее опасные из смутьянов взяты под стражу.

— Надеюсь, что наши друзья, жрецы Уту и Эрлика, займутся ими в застенках Зиккурата, — пропел правитель Шульга.

Писклявый прерывающийся голосок никак не вязался с его комплекцией. Грузное, пузатое тело правителя покоилось в огромной круглой ванне розового мрамора, доверху наполненной теплой душистой водой. Со стороны это напоминало огромного бегемота, мирно дремлющего в болотах Черных Королевств, однако никто из присутствовавших на приеме ни разу не бывал так далеко от Рипейских гор, чтобы в голову им могло прийти подобное сравнение...

Прикорнув под бочком у толстого правителя, в ванне нежилась совершенно обнаженная девица. Ее смуглое тело излучало страсть и негу. Пышные груди нежно касались жирного плеча узурпатора, совершенные по форме длинные ноги высовывались из воды наполовину, почти упираясь холеными пальчиками в закованное сталью брюхо Ишпака и заставляя биться его, совсем не стальное, сердце быстрее.

Зеленые, приподнятые к вискам, кошачьи глаза прелестной Нэркес — любимой наложницы Шульги — выразительно смотрели прямо в лицо военачальника, еще более усиливая его смущение. Ее смуглое, с едва выделявшимися скулами, лицо было очаровательно в ореоле великолепных золотисто-каштановых волос. Нэркес была одной из дочерей покойного кагана будинов северо-западного гирканского племени. Во время сакалибо-будинской войны, когда почти весь род каганов был истреблен, одна лишь Нэркес осталась в живых и попала в плен к воинам Шульги, продавших ее во дворец. Здесь она выросла, расцвела, до тонкостей изучив все премудрости придворной и гаремной жизни. И с некоторого времени правитель почти не разлучался со своей любимой наложницей.

Нежные пальчики Нэркес ласково поглаживали дебелые телеса Шульги, но прекрасные

глаза ее давали понять Ишпаку, что она вполне готова разделить ложе отнюдь не только с одним правителем.

— Осмелюсь заметить тебе, о, храбрый Ишпак,— промурлыкала Нэркес, бесстыдно изгинаясь всем своим стройным телом,— лично я считаю, что давно пора прогнать от городских ворот весь этот грязный сброд. Пастухи должны заниматься своим делом, а не скапливаться у стен столицы и бунтовать.

— Ты права, моя госпожа!— учтиво согнулся в поклоне Ишпак, украдкой бросая жадный взгляд на прелести наложницы.

— Да я бы уже давно их всех повымел отсюда поганой метлой,— пискнул Шульга, слюнявя жирными губами подставленные полушария грудей Нэркес, заставляя военачальника скрипеть зубами от яростной ревности.— ...Да вот только наш друг Заркум просил меня не делать этого, да пребудет он в здравии, наш священный столп государства.

В его устах пожелание здоровья звучала как униженное словословие раба в адрес могучего владыки.

— Они нужны ему для каких-то опытов. По правде сказать, этих опытов многовато стало в последнее время. Одни лишь гарпии чего стоят! Ну, что же, зато они хорошо охраняют наши восточные рубежи. Заркум был прав, как и всегда.

— Фи, он такой зануда!— капризно фыркнула Нэркес, виртуозно задирая вверх ногу, не обращая внимания на то, как вытаращились глаза бедного Ишпака при виде открывшихся перед ним пейзажей, и грациозно подставляя маленькую, будто выточенную из слоновой кости ступню для поцелуя своему повелителю.

— Ну, что ты, детка, как можно!— Немного испуганный правитель покосился на застывших в безмолвии рабов и стражников, окружавших его ванну со всех сторон.— Наша держава многим обязана Заркуму Многомудрому!

— Ах, вы все о делах, да о делах!— надула коралловые губки очаровательная бесстыдница.— Немедленно прекратите! У меня разболелась голова от вашей скучной болтовни!

— Ну, все.— Правитель нетерпеливо махнул пухлой, в ямочках, как у младенца, рукой.— Ты можешь идти, Ишпак. Тебя достойным образом наградят!

Низко поклонившись правителью, военачальник удалился из пышно убранных покоев, так резко отличавшихся от аскетичной и мрачной конуры подлинного повелителя Страны Городов. А Шульга облегченно вздохнул и, по-щеняччи повизгивая, стал неуклюже барахтаться в ванне, играво похлопывая по попке прекрасную Нэркес...

***

... Когда короткая летняя северная ночь накрыла беззвездным пологом спящий Аргаим, в дом военачальника Ишпака явился наголо бритый невольник-аргиппей в медном ошейнике. Без лишних слов Ишпак с головой укутался в широкую, меховую накидку и последовал за рабом привычным маршрутом.

Огромное, помпезное здание правительского дворца смутно белело перед ним в темноте, соединенное со стенами цитадели и с Зиккуратом Уту десятками внутренних

переходов. Ишпак знал, что под землей вся эта система соединена еще, по меньшей мере, сотней ходов. Поэтому, войдя в рощу, густо разросшуюся вокруг дворца, он сразу же привычно свернул к стене, вслед за рабом,— и вскоре исчез в кустарнике, надежно скрывавшем потайную дверь. Пройдя по длинному, темному коридору, лишь кое-где освещаемому тусклым светом жировых светильников, Ишпак очутился внутри дворца, в его левом крыле. Затем последовала анфилада пустынных залов, и, наконец, он очутился в небольшой темной комнате.

Из двери напротив ему навстречу неслышно скользнула Нэркес и обвила руками задрожавшего от похоти полководца. Утробно рыча, Ишпак по-звериному набросился на ее прекрасное тело, и они покатились прямо по полу, устланному мягкими барсиными шкурами. Раб-аргиппей бесстрастно наблюдал за их жадным соитием, стоя у дверей, неподвижно, как статуя. Опасаться того, что кто-либо пронюхает о происходящем здесь, было нечего. У невольника был вырезан язык.

Утолив страсть, Ишпак приподнялся на руках над изогнувшейся в истоме куртизанкой. Торжество, смешанное с обожанием, светилось в его взоре.

— О, моя богиня! — прохрипел он, тяжело дыша. — Ты доведешь меня до безумия! Я готов был искромсать в жирные клочья этого ублюдка, когда он слюнявил твоё прекрасное тело! Какая это мука — видеть тебя в объятиях этого выродка!

— Потерпи еще немного, милый! — звонко рассмеялась Нэркес, — Недолго мне осталось выносить ласки этой свиньи. Жирный дурак сейчас дрыхнет на своих перинах и видит чудесные сны. Он так пристрастился к соку лотоса, который я подмешиваю в его питье за ужином, что можно легко убить его, если я прекращу давать ему зелье. Он умрет через несколько дней в страшных мучениях, так и не узнав причины своей гибели!

— Убрать Шульгу невелика задача! — задумчиво заметил Ишпак. — Все дело в Заркуме!

— Да, Заркум, — криво усмехнулась Нэркес, и на лицо ее набежала тень. — Ведь это он снабжает меня порошком лотоса и прекрасно знает, в каких целях я его использую. Он знает о наших отношениях с тобой, но считает их детскими шалостями. Он не считает меня достаточно опасной. Погрузившись в заботы иных миров, он не замечает того, что творится у него под носом.

— И все же он сотрет нас в пыль, если мы восстанем, — уныло проговорил Ишпак.

— Есть единственный способ одолеть Заркума, — медленно проговорила Нэркес, и глаза ее хищно сузились. — Мы должны найти мага более могущественного и заключить с ним союз! Только так мы сможем победить Заркума и воссесть на Хрустальный Трон. Хватит с нас этих выродившихся древних династий! Мы положим начало новому роду правителей Сакалибы!

— Мага, говоришь, — оживился Ишпак, глаза его лихорадочно заблестели, — есть у меня на примете такой маг! Я расскажу тебе то, чего не услышал пустоголовый Шульга!

И Ишпак вкратце поведал куртизанке о происшествии с шаманом. Нэркес вскочила на ноги, глаза ее сверкнули зеленым пламенем.

— Вот оно! — выдохнула женщина. — Найди его, Ишпак, слышишь, и склони на нашу сторону! И ты сядешь на Хрустальный Трон! *А потом умрешь. И трон будет принадлежать мне одной.*

Но об этих тайных мыслях прелестницы узнать Ишпаку было не суждено.

Родня Конана

Полная луна взошла над Пасиртайской долиной, бросая кровавые отблески на полированный камень мощных стен Аргайма и отчасти рассеивая тьму. Ночное светило равнодушно взирало на древний город, который словно и ночью пытался доказать, что посвящен Великому Богу Света Уту и нет ему никакого дела до жалкой головки сыра, висящей в небе. И в знак вечного торжества Уту неугасимо пылал Светоч Солнца на вершине гигантской пирамиды. Его яркий свет был виден на много лиг и напоминал горящую лампу, зажженную невидимой рукой. А вокруг лампы мерцал во тьме рой светляков, слетевшихся на источник огня,— то были окна городских домов и множество костров у шатров, усеявших степь. Не знали наивные насекомые, что смерть сулит им обманщица-лампа, что превратятся в прах, и сама память о них выветрится навсегда. Потому что нельзя слишком близко подлетать к огню...

Конан и Таргитай, однако, даже и не думали об опасностях, ждущих их впереди,— пламя Аргайма неудержимо манило их.

Костер почти догорел, но путники и не думали подкармливать умирающее пламя, погрузившись в приготовления к ночному походу. И вот, наконец, все готово. Оружие вычищено и наточено, сапоги дополнительно обернуты мягкими кусками медвежьей шкуры, чтобы сделать шаг неслышным.

В тот момент, когда Конан уже собирался затушить костер, в темноте, ниже их лагеря, на горной тропинке, что-то хрустнуло. Помянув нехорошим словом Нергала, Конан выхватил топор и принял боевую стойку. Таргитай, не отстав от него, обнажил меч и уже собирался нанести смертельный удар, как вдруг рука его застыла в воздухе.

Из тьмы на свет костра вышел согбенный под грузом прожитых лет белобородый и сморщеный старец, опиравшийся на причудливый посох. Дырявая одежда его была увешана амулетами. Судя по всему, это был местный шаман.

— Дедушка! — вежливо обратился к нему Таргитай. — Ты подобрался к костру так незаметно, что чуть не вверг нас в грех смертоубийства!

— Ничего, дети мои! — прошамкал старец. — Ведь этого не случилось, а значит, все в порядке. К тому же я достаточно пожил на свете, и мою смерть нельзя было бы назвать преждевременной. Тем более, пасть от руки таких отважных воинов — это большая честь!

Шаман засмеялся каркающим смехом, из-под нависших бровей блеснули лукавые молодые глаза. Таргитая будто жаром обдало,— он где-то уже видел этот проницательный взгляд!

— Надеюсь, что бесстрашные воители позволят скромному служителю богов передохнуть у их костра? — осведомился старец.

Конан украдкой кинул многозначительный взгляд на своего спутника, но в Таргитае взыграло кхитайское почтение к старшим. Не обращая внимания на недовольство киммерийца, юноша бережно подхватил старика под локти и усадил его на медвежью шкуру у костра.

— Спасибо вам, дети мои! — довольно улыбнулся шаман. — Вы не повторяете ошибки

древних ашнов, которые убивали своих стариков. Наоборот, вы уподобились великому Алл-Манашу, который не стал сбрасывать отца со скалы Стариков, а спрятал его под пологом своего шатра и слушался его мудрых советов. Мудрость старого отца помогла ему стать властителем всей Гирканской степи. И придя к власти, этот герой издал указ, запрещающий убивать старых людей, ибо в них хранится вся мудрость мира. Кто знает, проживи его отец дольше, может, он и предостерег бы Великого кагана от ловушки, в которую его заманили нелюди...

— Как! Ты знаешь эту легенду? — удивленно воскликнул Таргитай.

Дед бросил на него проницательный взгляд.

— Старый Йолчи многое знает!

— Никогда бы не подумал, что тебе известны киммерийские предания! — удивленно покачал головой Конан. — Потому что и в наших горах есть скала Стариков, с которой когда-то отправляли на Серые Равнинны всех, кто уже не мог назвать себя молодым. И был один герой, который отказался убивать своего отца. А зато потом он стал вождем клана!

— Я уже сказал тебе, Конан, называемый также Амрой, — ухмыльнулся в белую бороду Йолчи, — что знаю многое. И не пристало удивляться тебе, человеку, одолевшему столько демонов и колдунов, беседовавшему с Кромом и снискавшему благоволение Бога Света, называемого здесь Уту, а в странах заката — Митрой.

Конан вытаращил глаза. Таргитай выглядел не лучше киммерийца. Йолчи снова рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Ну, полно, Таргитай! Где твое достоинство? Не пристало наследнику Хрустального Трона Анахарсидов, раскрыв рот, слушать рассказы старого колдуна! Да полно же вам, — ворчливо успокоил он обалдевших друзей, — я обычный провидец, и только. Тоже мне, нашли чему удивляться!

Конан и Таргитай пошевелились, приходя в себя.

— Видел я и почище, — буркнул Конан, стараясь казаться невозмутимым.

«Кром! — подумал он про себя, — Ну, демон с ним, с наагом. Он — нелюдь, с него, как говорится, и взятки гладки. Ну а этот-то! Будешь тут спокойным, когда тебе рассказывает про твою жизнь какой-то дикий шаман из затерянной на краю света страны!»

— Вы собираетесь проникнуть за стены Аргаима? — сменив шутливый тон на деловой, продолжил разговор Йолчи.

— Ну да, мы собирались разведать обстановку в городе, — кивнул Конан.

— Не стоит этого делать, — возразил старик. — За стенами вы вряд ли найдете людей, которые поддержат вас. Купечество, ремесленники, ворье и даже попрошайки — все они недовольны властью Заркума. Но жители Аргаима все-таки живут относительно безбедно. Аргаим как-никак столица; в нем веками скапливалось добро. Городские склады битком набиты припасами, и раз в пол-луны власти устраивают бесплатную раздачу снеди для бедноты. Заркум далеко не дурак, он знает, как задабривать городскую чернь.

Раз в луну обязательно устраивается большой храмовый праздник с пышным богослужением, парадом гвардии, обильными жертвоприношениями, гладиаторскими боями, бесплатной едой и выпивкой. Во время таких гуляний люди забывают обо всех своих бедах и готовы терпеть насилие и дальше. Они слишком трусливы, чтобы подняться против узурпаторов. Мой вам совет, воины, ищите помощи не за стенами города, а под ними — там, где разбили свои шатры беглые жители окраин. Эти люди ждут своего избавителя. Если вы верите мне, то следуйте за мной!

... Конан и Таргитай шли в кромешной темноте, ориентируясь на белевшую впереди седую, косматую голову Йолчи, который видел в сумраке как кошка. Хотя ноги старика и не были обернуты шкурами, ни один сучок не хрустнул под его шагами.

Маленький отряд спускался с гор в Пасиртайскую долину, приближаясь к цепочке огней, опоясавшей Аргаим Трехстенный четвертым кольцом. Путники были слишком увлечены предстоящим делом, а потому не заметили, как в ста шагах сзади от них во тьме вдруг зажглись пять красных точек: две снизу и три сверху.

Красные огоньки последовали за путниками. Бесшумно, на почтительном расстоянии, не удаляясь и не приближаясь ни на шаг...

***

В лагере племени Кемер было шумно. Невзирая на поздний час, большинство мужчин племени, от безусых юнцов до седовласых ветеранов, собрались на сходку к костру Совета. Костер был разведен у шатра вождя, и глаза собравшихся воинов были обращены к войлочному пологу, в ожидании его выхода.

Наконец по толпе собравшихся прошел гул. Люди оживились: из шатра неслышным, плавным движением выскоулзнул вождь. Возгласы и бряцанье оружия послужили ему приветствием. Вождь — его звали Амракан — повелительно поднял руку, и все умолкло. Слышино было, как трещат дрова в костре и, плавясь, шипит смола, стекая с сосновых поленьев. Вождь обвел присутствующих пронзительным взглядом ледяных голубых глаз.

Это был рослый, мускулистый мужчина лет пятидесяти. В его иссиня-черных волосах, заплетенных в косы, уже пробивалась седина. Лохматые густые брови придавали его мужественному лицу несколько угрюмый вид, а щрамы даже делали его устрашающим.

— Горные орлы! — обратился он к воинам. — Все мы собрались здесь, поскольку знаем — приближается смутное время! Нам известно о предсказании, которое сделал вчера в лагере иирков их шаман Йолчи! Все считали, что он давно умер, но старец восстал со смертного одра и провозгласил будущее пришествие принца Таргитая! Ваше дело — верить или не верить в предсказанное. Жив Таргитай или нет — час выбора пробил! Останетесь ли вы покорны правителю Шульге и жрецу Заркуму или же подниметесь против них — выбирать вам, воины! Но я скажу свое слово вождя!

И Амракан вынул кинжал из ножен, висевших на наборном поясе, и ловко метнул его в землю. Острье кинжала, сверкнув, вонзилось справа от костра Совета.

— Тот, кто последует моему примеру и вонзит оружие справа от костра, будет считаться мятежником, — просто сказал он. — Для верноподданных — левая сторона. Делайте свой выбор, воины! Чья бы сторона ни взяла верх, я останусь при своем мнении. Если племя воздержится от выступления, то я сложу с себя полномочия вождя! Я свой выбор сделал.

— И ты оказался прав! — раздался старческий голос. В свет костра Совета из темноты выступил Йолчи.

— Святой шаман! — раздались возгласы в рядах воинов. — Он воскрес, чтобы предсказать волю богов!

В скором времени, однако, крики утихли и сменились молчаливым любопытством при

виде тех, кто пришел вместе со старцем. Огромный варвар в медвежьей шкуре и смуглый юноша со шрамом над губой произвели впечатление. Но гораздо в большее изумление кемеров повергли огромный медный топор в могучих руках Конана и тонкий, необычной формы кхитайский меч, висевший у пояса Таргитая. Друзья, в свою очередь, также во все глаза разглядывали сгрудившихся у костра воинов,

— Кром! — неожиданно сорвалось с языка у Конана.

Ему на мгновение показалось, что он никуда и не уезжал из родной деревни. Со всех сторон его окружали рослые, черноволосые здоровяки, пристально смотревшие на него синими, голубыми и серыми глазами. Услышав имя киммерийского бога, воины удивленно переглянулись и стали переговариваться между собой на наречии, которое до удивления было похоже на то, на котором пела ему колыбельные песни матушка Маев.

В этой речи, правда, было слишком много устарелых слов, которые в деревне Конана помнили лишь дряхлые старики, мелькали в ней и гирканские выражения, но общая суть была ясна. Здесь, на краю света... Как могло случиться такое?

— Кром? — переспросил у Конана удивленный донельзя вождь. — Почтенный старец, — обратился он к Йолчи, — чье имя назвал этот чужеземец с глазами человека из нашего народа?

— Кром — это его бог, — пояснил ведун, усмехаясь в бороду, — Владыка Могильных Курганов.

— Но это же Корум! — воскликнул Амракан, — это наш бог! Древний бог кемеров!

— Кемеров?! — переспросил Конан. До него начало кое-что доходить. Волею прихотливой судьбы, забросившей его на край населенного мира, он нашел здесь народ, удивительно похожий на киммерийцев.

— Стоило уезжать из Киммерии и без малого двадцать лет шляться по свету, чтобы в конце концов, встретиться со своими родственничками. Ну, надо же! — пробормотал Конан, хотя в душе он был даже рад. Наконец-то он увидел народ, похожий на его собственный!

Уже в детстве Конан остро чувствовал разницу между своим маленьkim, затерянным в северных горах, гордым и угрюмым племенем и чуждым ему окружающим миром. Киммерия была зажата на задворках Хайбории, между Пустошами Пиктов и Нордхеймом.

Злобные, бездушные гиперборейцы, медлительные, неповоротливые бритунцы, расчетливые и надменные немедийцы, гордые и воинственные аквилонцы, коварные офиры и кофийцы, вспыльчивые и страстные южане — зингарцы и аргосцы — все они отличались друг от друга, как цвета радуги, и в то же время ощущали подспудно некое единство.

Ибо все эти народы происходили от древних хайборийцев — дикой орды пришельцев с северо-востока, которые смели с лица земли Ахерон и другие осколки Темных империй, правивших миром до Великой Катастрофы. Их потомки перемешались с остатками древних народов, свет учения Митры смягчил их варварские нравы. Но память о былом единстве осталась, так же как и языковое родство. И даже полудикие гандеры, жители аквилонского Пограничья, смотрели на своих северных соседей свысока. Киммерийцы всегда были белыми воронами.

Пиктов хайборийцы презирали и ненавидели еще больше, но их дикие Пустоши простирались на тысячи лиг с юга на север, и на этих бескрайних просторах, соединявших почти все географические пояса — от субтропических джунглей Конаджохары до дикой тайги на рубежах с Ванахеймом — жило множество кланов. Не было сходства между пиктами различных племен, родов и кланов, и часто враждовали они между собой. Но их

было много, и они всегда помнили, что есть у них один общий бог — Гул и общие прародители — великие вожди Кулрикс и Семитха.

И даже свирепые и звероподобные жители Нордхейма, чьи первобытные предки вступали в соитие с обезьянолюдьми, даже обитатели ледяных пустынь асиры и ваниры осознавали свое единство, невзирая на постоянную, непрекращающуюся войну между рыжими и белокурыми детьми Имира.

Страшно одиноки были киммерийцы, затерянные в диких, заснеженных скалах осколки древнего народа Атлантиды; Не от того ли вечно угрюмы были сыновья Крома? Но все же есть справедливость на свете! Конан улыбнулся своим обретенным на чужбине братьям по крови.

— Эй, парень! — неуверенно обратился к нему Амракан.— Ты из какого клана? Ты, наверное, давно покинул Сакалибу, потому что никто из наших не помнит тебя и имени твоего отца. Да и говоришь ты как-то странно, и имя бога произносишь как-то не по-нашему.

Улыбка тронула губы варвара.

— Я — Конан из Киммерии, что на Западе. Мой отец — кузнец Ниал! Мой бог — Кром!

— Что за нелепость! — пробормотал Амракан, пожимая плечами.

Кемеры неуверенно перешептывались между собой, то и дело, поглядывая на киммерийца, сложившего бугрящиеся мышцами руки на необъятной груди и терпеливо ожидающего дальнейших событий. Таргитай хотел было выйти вперед и что-то сказать, но сухая рука Йолчи удержала его на месте.

Неожиданно ряды воинов расступились, давая дорогу маленькой, круглой старушке. Коричневое от загара лицо ее было изрезано мелкой сетью морщин, беззубый рот и лукавые выцветшие васильковые глаза улыбались. Ловко и быстро передвигаясь на коротеньких ножках, старушка, похожая на живой, перекатывающийся шарик ртути, подошла к гигантукиммерийцу, почти уткнувшись носом в его живот. Она подняла голову кверху и пристально посмотрела в синие глаза Конана. А затем прошамкала:

— Я знаю, откуда этот человек!

— Расскажи нам, бабушка Мохира! — раздались оживленные голоса в толпе воинов.— Мы тебя слушаем!

Старая Мохира прикрыла на мгновение веки, пожевала ртом и начала свой рассказ:

— В стародавние времена жили кемеры на Большой Земле. И лежала та земля далеко к закату и окружена была со всех сторон великими водами Синего океана — Тенгиза, в волны которого уходит каждую ночь колесница Огненноокого Уту. В той земле было много всего: прекрасные долины, обширные леса, водопады, реки и озера. Все это великолепие защищала с севера от буйства ледяных ветров гряда могучих гор, взметнувшихся к небу. Наши Рипы показались бы жалкими холмиками рядом с этими грозными пиками. Горная гряда делила землю пополам. На юг от этих гор расстилалась плодородная теплая долина, где стояло вечное лето, а на север с горных вершин несла свои бурные воды в Ледовитое море великая река Кем. По имени этой реки и получил свое гордое имя наш народ. Потому-то мы до сих пор называемся кемерами, то есть людьми с Кема!

— Смотри-ка! — воскликнул Амракан.— Ты не рассказывала нам об этом раньше, бабушка Мохира. А ведь я-то думал, что кемер — это просто *человек с большой реки*. Ведь «кем» на нашем языке и означает *большая река*. Так мы называем Джайх!

— Так оно и есть. Наши предки словом «кем» называли только великие реки. Но все равно настоящим Кемом был тот, на котором жили наши праотцы. А не рассказывала я об

этом — значит, нужды в том не было,— хмыкнула старуха.— Зато теперь будете знать, где была наша прадолина, Страна Священной Земли-Воды. Субер — так ее называли наши предки! Да, я говорю, называли, потому что страна эта погибла в пучине разбушевавшихся вод Тенгиза. Боги прогневались на нечестивых правителей и жрецов Юга!

Южане всегда отличались от кемеров — суровых жителей гор. Они стремились жить по-другому, не так, как завещали предки. Вначале они тоже были дики и свирепы, как и кемеры, и наводили ужас на все народы по обе стороны Тенгиза. А затем завоевали побережья восточного материка — того, где мы с вами сейчас находимся,— и покорили все древние царства, существовавшие там. Бывшие варвары стали купаться в роскоши. Они забыли заветы предков, забыли своих племенных богов и стали искать себе новую веру. Откуда-то с юга пришли к ним проповедники черной религии Великого Змея. И вскоре жрецы Культа Змея захватили почти всю власть в Средиземной империи — так она называлась, ибо лежала в сердце всех земель и правила ими всеми! О, глупые жители южных равнин, возомнившие себя равными богам! Они забыли старые заветы, которых всегда придерживались кемеры: близко не подпускать к себе приспешников Змея. Так учил великий герой, который в стародавние времена бежал из Субер на восточный материк и стал там правителем. Всю свою жизнь он сражался с культом Змея и его последователями, которые на самом деле и были змеями в человеческом обличье.

«Да это же она про правителя Кулла рассказывает!»— осенила догадка Конана, который, как и все, затаив дыхание слушал удивительный рассказ старухи. А старая Мохира продолжала:

— Но, увы, забыли глупые южане заветы предков, и забрали власть над ними жрецы Змея, которого люди, в невежестве своем, называли Отцом. Дошло даже до того, что один недалекий правитель повелел называть Средиземную империю Страной Отца Змея — то есть Ата Илан. Это название прижилось. Восточные народы переделали это имя в Аталану или Аталанту, а жители западного материка — в Атцлан. И в этой стране власть Змея была велика, как никогда прежде! Жрецы Змея,— а под их личинами прятались последние из древней расы змеевидных, — стали подлинными повелителями Аталанты, а правители древней династии были игрушками в их руках. Мир захлебывался от крови! Воины Аталанты на своих летающих лодках наводили ужас на все народы! Они захватывали рабов, и в городах Средиземной империи их ждал непосильный труд, или смерть на аренах цирков или от ножей жрецов. Ведь кроме Великого Змея аталанты поклонялись еще Черному демону и сотне других разнообразных чудовищ. И каждый из этих алчных богов требовал свежей крови!

Долго аталанты опустошали все подвластные им земли, но наступил предел терпению людей! И даже боги на небесах возмутились. И на землю спустился сам Пресветлый Уту, который проклял страну Змея и наслал на эту землю страшные катастрофы. Невиданные ранее ураганы, смерчи и мор бушевали в стране. А затем ужасное землетрясение сотрясло Аталанту. И оракулы предрекли участь, уготованную Уту и другими богами для проклятой страны — потоп! Все, кто имел возможность, бежал с обреченной земли кто куда — на юг, на восток, на запад! А в некогда прекрасных городах остались лишь простолюдины и рабы, которые не могли найти способ покинуть страну. И они предавались разврату и разгулу, страшась неминуемой смерти!

Но северных горцев-кемеров спас Корум, их древний бог, которому они остались верны. Он предупредил свой народ о будущей гибели материка и указал путь к спасению. И кемеры

покинули древнюю родину свою — Субер и переправились на восточный материк. И опустели охраняемые ранее кемерами северные границы Атланты, и вторглись в нее жуткие дикари-островитяне.

«Должно быть, пикты!»— решил Конан. Он, конечно, и раньше слышал о гибели Атлантиды, но такую легенду — впервые!

— А затем и с запада, и с востока, и с юга,— продолжила Мохира,— в некогда грозную, а ныне беззащитную страну хлынули орды черных, красных, белых и желтых дикарей, горящих жаждой отомстить так долго наводившей на них ужас империи. Так начался великий грабеж Атланты, который длился сорок дней и сорок ночей. Те племена, что пришли в Атланту раньше всех, вернулись к своим дымам, отягощенные богатой добычей. Но те, кто пришел позже или сверх меры увлекся грабежом, насилием и разгулом,— все они пошли на корм рыбам, вместе с несчастными жителями Атланты. Потому что в сорок первую ночь выпустил Папай свою огненную стрелу, и она насквозь пробила подземное сердце Атланты. И волны Океана-Тенгиза поднялись до самых небес, и еще целых сорок дней и ночей продолжался великий потоп. Расколотая на куски Атланта опустилась на дно морское, а по всему миру прошел страшный, водяной вал. И долго еще солнца не было видно из-за туч пыли и пепла, поднятых к небу во время Великой Катастрофы. Так погибла одна из величайших земных империй.

Из всей Атланты спаслась лишь небольшая горстка южан — жрецы Змея, чиновники, солдаты, которые бежали на юг и обосновались на берегах великой реки, которую они в память о погибшей родине назвали Кем.

«Так вот почему город в устье Стикса называется Кеми, а сами стигийцы свою страну называют Кеметом!»— мелькнуло в голове у Конана. Воистину, он узнал от этой старухи, жившей на краю света, больше, чем от самого просвещенного мудреца Хайбории!

— Вскоре остатки жителей Атланты, живших на берегах Нового Кема, были покорены пришельцами с востока, которые называли себя *кхари*. Кхари восприняли культ Змея и вскоре стали самыми яростными его исповедниками. И до сих пор на далеком юге потомки атлантов и кхари поклоняются проклятому Змею и называют его своим Отцом. А кемеры обосновались на севере восточного материка. Там их со всех сторон окружали враги. И вскоре большая часть кемеров ушла далеко на восток, где нашла прибежище у отрогов Рипейских гор. И лишь несколько кланов откололись от них и остались на северо-западе, где обосновались в диких, заснеженных горах. Перед вами, о воины, один из западных кемеров! — закончила свой рассказ Мохира и довольно ощутимо хлопнула Копана по животу.

— Ну что ж, здорово, родичи!— хмыкнул Конан.— Если вернусь в Хайборию, обязательно найму какого-нибудь умника и заставлю его нанести на карту мира Восточную Киммерию!

Глава 4. Мятеж

— Это хороший знак!— воскликнул Амракан, подходя к Конану и протягивая ему руку.
— Боги с нами, кемеры! Они прислали к нам в помощь воина из числа наших пропавших

сородичей! Удача на нашей стороне! Корум, Уту и Папай даруют нам победу над Заркумом!

— Боги прислали вам не только меня, но и подлинного наследника Хрустального Престола! — заявил киммериец, пожимая протянутую руку вождя, и, тихонько поддав коленом, вытолкнул Таргитая в центр круга.

— Так ли это, великий шаман? — спросил Амракан у Йолчи.

Кемеры замерли, напряженно ожидая ответа. Старец, не говоря ни слова, подошел к Таргитаю, и неожиданно распахнул полы его гирканского халата, подбитого овчиной. Обнажилась смуглая грудь с искусно вытатуированной эмблемой Аргайма — колесом Уту — в области солнечного сплетения.

— Вот ваш подлинный правитель! — молвил Йолчи.

Оглушительный боевой клич, истогнутый из сотен глоток, сотряс ночную степь. Племя кемеров приветствовало вернувшегося из изгнания повелителя Сакалибы. Ни один кинжал не вонзился в землю слева от костра.

— Я не забуду этого, кемеры, когда взойду на Хрустальный Престол, — заявил Таргитай, который был торжественно поднят на щите, обитом белым войлоком — в знак признания его власти.

За несколько мгновений скромный юноша преобразился. Теперь это был подлинный владыка, — с гордо вскинутой головой в ореоле черных как смоль волос, заплетенных в косы, с грозным взглядом сверкающих глаз, не предвещавших ничего хорошего врагам. В руке его, вздетой к небесам, хищно сверкала в свете костра сталь грозной катаны.

«Власть меняет людей, — подумал Конан, всякого насмотревшийся за годы своих скитаний. Перевороты, мятежи, войны — все это было ему не в диковинку. — Хотя и не каждый рожден для власти. Есть люди, которые не знают, как с ней поступить. Но этот мальчик, пожалуй, далеко не Сантидио. Надеюсь только, что он не превратится в Мордерми».

А принц тем временем уже отдавал краткие, сухие распоряжения своим в одночасье обретенным подданным:

— Тебя, Амракан, назначаю туменбashi. Ты будешь возглавлять авангард. Его составят воины твоего племени. Им выпадет славная доля — составить каляк моей повстанческой армии. Многие погибнут на поле брани, но выжившие и закаленные в битвах воины войдут в мой личный гвардейский полк.

— Тебе, шаман, — в голосе юного царевича зазвучало почтение, — я предлагаю стать Верховным жрецом Уту вместо проклятого Заркума, которого я скормлю волкам.

Йолчи поклонился Таргитаю и, пряча улыбку в глубине проницательных глаз, вежливо сказал:

— Я подумаю, о величайший, осмелиться ли мне занять этот высокий пост.

— На твое усмотрение, почтеннейший, — молвил Таргитай и наконец повернулся к Конану.

Лицо его по-прежнему оставалось каменным, — как и подобает принцу, собирающемуся отвоевывать трон, но в глазах светились восхищение и признательность. Однако через миг и взгляд его сделался деловым и суровым. Таргитай поднял руку и выкрикнул, обращаясь к воинам:

— Вы видите перед собой человека, пришедшего из страны ваших западных сородичей! Он великий воин, и я обязан ему жизнью. Вам надлежит подчиняться его приказам, как моим собственным! С этого дня Конан из Киммерии командует нашей армией!

Дикий рев голосов приветствовал нового командира. Конан кивнул головой в ответ и

жестом остановил ликующие возгласы, тем самым очень естественно приняв бразды правления повстанческим войском.

«Я был капитаном в армии Илдиза, капитаном на пиратских судах. Был ли я полководцем? Пожалуй, был,— ухмыльнулся про себя Конан,— и тоже руководил восставшим народом. Славно я провел тогда времечко в Зингаре! Как, интересно, поживает кордавское жулье в Преисподней?.. И вот я вновь во главе войска. Можешь поздравить себя, Конан-полководец!»

Однако тут же Конану пришлось почувствовать некоторые тяготы, связанные с его новым званием. Он только хотел, воспользовавшись данной ему властью, отдать распоряжения по поводу предстоящих военных действий, но шустрая Мохира, и рта не дав ему раскрыть, потащила новоиспеченного военачальника к костру Совета, где уже около десятка невесть откуда взявшихся шаманов и шаманок совершили некий таинственный обряд.

— Это обычай, позаимствованный у гирканцев,— пояснил Конану Йолчи, который вместе с Таргитаем также вынужден был участвовать в культовом действии.— Сейчас нас будут окуривать священным дымом, дабы полностью очистить души от скверны и зла перед началом великих деяний.

С устрашающими завываниями шаманы приблизились и, обступив троих соратников со всех сторон, принялись размахивать висевшими на цепях бронзовыми чашами, наполненными тлеющими углями. Едкий густой белый дым обволок уши и глаза, наполнил ноздри и рты. Конан закашлялся. Он уловил странный горьковатый аромат в запахе дыма.

«Дурман-трава!»— догадался киммериец. Ему доводилось слышать о том, как гирканцы вдыхают дым тлеющей травы, дабы общаться с богами. В голове начало шуметь. Только богов мне теперь и не хватает!..»

Конан собрал в кулак всю свою волю, сопротивляясь действию дурмана. С огромным трудом ему удалось прояснить сознание. И чтобы вновь не попасть под дымные чары, он сосредоточил свой взгляд на ярко пылающем костре Совета. Это было тем более приятно, что вокруг огня затеяли пляску невесть откуда появившиеся молодые девушки-кемерийки.

Вскоре Конан осознал, что ему вовсе не обязательно смотреть на огонь, чтобы не впасть в наркотическое забытье. Взгляд варвара был неотрывно прикован к ослепительной девушке, танцевавшей с редким изяществом. На кемерской красотке не было никаких одежд, кроме небольших лоскутков кхитайского шелка, обмотанных вокруг стройных бедер и высокой груди. Смуглая кожа навевала воспоминания о персидских садах Хоарезма, а алые, как рубин, губы и сапфировые глаза заставили Конана вспомнить о позабытых за последние дни сокровищах грифов.

Могучее сердце киммерийца застучало гулко, как молот его отца Ниала. Лед, прочно сковавший его чувства с того времени, как он отправил пылающую «Тигрицу» в последний путь, начал стремительно таять. Так плавится металл под умелыми руками сурогого кузнеца... А девушка извивалась и кружилась в варварском танце не хуже вендиjsкой наложницы, и Конан почувствовал, что пьянеет от нее сильнее, чем от вина.

Шаманы все вились вокруг Таргитая, Конана и Йолчи, как встрепанные птицы, звеня нашитыми на ветхие одежды погремушками и бормоча заклинания. Киммериец уже не обращал внимания на их назойливые манипуляции. Он смотрел во все глаза. А рипейская дева отплясывала все более самозабвенно, и, наконец, в кульминации древнего танца тело ее стремительно изогнулось, как тетива гирканского лука,— и красавица, как горная серна,

стремительно прыгнула через костер.

И в тот самый, неуловимый момент, когда она парила в воздухе, едва не касаясь пляшущих языков пламени, в сердце бушующего огня произошли странные метаморфозы. Свет костра вдруг приобрел зловещий, темно-фиолетовый оттенок. Внутри пламени молниеносно вырос прозрачный зеленоватый шар, который через миг уже обрел очертания омерзительного демона. Пробирающий до костей рев потряс все вокруг. Девушка, так прекрасно начавшая свой прыжок, завершила его, упав по другую сторону костра, полумертвав от страха.

Смертельно бледная, она лежала у самых ног демона, а он возвышался над ней, как воплощение ожившего адского пламени. Языки огня лизали его пупырчатую кожу, но ему все было ни почем. Капли слизи, истекавшие с тела чудовища, стали падать в костер,— и он, зашипев, начал угасать. Пять налитых кровью глаз — два, как у всех обычных существ, а три сверху, на стеблевидных отростках,— обводили застывших в ужасе людей хищным взглядом.

Киммерийца охватила бешеная берсеркская ярость,— как мог он допустить, чтобы какой-то шипастый слизняк причинил вред красавице! Не думая об опасности, варвар метнулся вперед, в прыжке обрушив топор на покрытую безобразными наростами плоскую башку.

Однако медь топора, едва коснувшись брони адской твари, отскочила, как от камня. В порыве отчаяния он ударили демона еще раз, и многострадальный топор не выдержал: лезвие разлетелось на куски. Мощная когтистая лапа схватила киммерийца и отбросила его назад с невероятной силой.

Обливаясь кровью, исполосованный когтями демона, Конан рухнул на землю, однако тут же вскочил и бросился вперед, стремясь задержать чудовище. Опомнившиеся кемеры выпустили в мерзкую тварь целый рой стрел, но они отскочили от него, как когда-то отскакивали зингарские арбалетные болты от каменного воинства короля Калениуса. Однако, демон не обратил никакого внимания на лежавшую без чувств девушку. Очевидно, он преследовал иную, вполне определенную жертву.

Сухонькие цепкие руки с неожиданной силой удержали рвавшегося к чудищу Конана и Таргитая, устремившегося было ему на помощь.

— Не утруждайте себя, дети мои! Это — Кантрагор. Он пришел по мою душу! Я избавлю вас от него,— спокойно молвил Йолчи, бесстрашно идя навстречу твари, плотоядно взвывшей, едва завидев старика.— И не медлите, воины! Монстра этого прислал Заркум, а значит, он знает о готовящемся мятеже. Дальше вам придется действовать без меня, ибо я вынужден вас покинуть!

И старый маг, подойдя к монстру почти вплотную, с усмешкой пробормотал, невзирая на тянувшиеся к нему жуткие лапы:

— Тебе придется попотеть, красавчик, гоняясь за мной по лабиринту миров. Ну что же, лягушонок,— в путь!— И, завертевшись волчком, Йолчи исчез, оставив после себя белую вспышку света.

Кантрагор взревел от досады. Несуразное тело его обволокло зеленоватое сияние. Вскоре он превратился в полупрозрачный клокочущий изнутри шар, который тут же растворился в воздухе, оставив после себя ужасающее зловоние.

Конан, забыв о ранах и превозмогая боль, кинул ее на руки, с тревогой всматриваясь в прекрасные черты. Наконец красавица подняла бархатные ресницы и удивленно взглянула на киммерийца фиалковыми глазами,

тщетно попытавшись вырваться из его объятий. Легкая улыбка оживила мужественное лицо Конана.

— Как тебя зовут, детка? — спросил он ее.

Смуглое лицо зарделось. Девушка стыдливо потупила глазки, но тут же, однако, метнула на киммерийца лукавый взгляд из-под густых ресниц и произнесла мелодичным голоском:

— Мое имя — Бортэ!

— Военачальник Конан к твоим услугам, — шутливо представился киммериец.

— Я знаю, — произнесла Бортэ, оглядывая Конана с восхищением, которого и не пыталась скрыть.

Вдруг она побледнела:

— Да ты же весь в крови! Пойдем, я залечу твои раны...

С неожиданной легкостью она выскоцила из мускулистых рук Конана и быстро потащила растерявшегося варвара за собой. Воины понимающие переглянулись.

Таргитай, проводив взглядом приятеля, обратился к остальным:

— Это было предупреждение всем нам! Шаман прав — дальше медлить нельзя. Мы должны идти на Аргаим! — В голосе наследника трона была такая уверенность и сила, что никому и в голову не пришло бы противиться его воле.

— На Аргаим! — подхватили его клич воодушевленные кемеры.

— По коням! — раздалась зычная команда Конана.

Опомнившись от страстного натиска, он мягко отстранил повисшую на нем Бортэ. Сейчас было не время для утех плоти!..

К киммерийцу незамедлительно подвели прекрасного боевого коня в полной сбруе и поднесли кольчугу, кованную мастерами из Кангхи, а также украшенный шипами меруанский шлем. Приставленный к нему оруженошец — молодой кемер по имени Арслан — подал киммерийцу слегка изогнутую гирканскую саблю. Конан взвесил ее в руке, привыкая к непривычной легкости, — обычно он предпочитал тяжелые, двуручные мечи. Затем легко вскочил на коня. Бортэ повисла на стременах. Лицо ее было мокрым от слез.

— Возвращайся, Конан! — шепнула она киммерийцу. — Бортэ будет ждать тебя!

Конан неожиданно подхватил легкую, как тростинка, девушку и, подняв ее, наградил жарким поцелуем. После чего, отпустив красавицу и уже не оглядываясь более, пустил коня вскачь. Орда кемеров, грозно ощетинившись пиками и саблями, поскакала вслед за Конаном и своим будущим правителем — вперед на Аргаим.

Глава 5. В предчувствии конца

Заркум, едва сдерживая ярость, смотрел в магическое зеркало. На полированной поверхности были видны окрестности Аргаима. Переполох и смятение царили в Пасиртайской степи — тлеющие угли раздул ветер с другой стороны, и теперь пламя степного пожара грозилось пожрать Аргаим и его мрачного владыку.

Топот сотен копыт гулко отдавался в висках Заркума. Он отчетливо видел в зеркале

войско мятежников, неумолимо приближающееся к городским стенам и по мере продвижения растущее, как снежный ком. К кемерам уже присоединились воины почти из всех племен Сакалибы: иирки, исседоны, даи и другие.

Боялся ли колдун неистово ревущей дикой орды? Пожалуй, нет. Этот разношерстный нищий сброд вызывал у него лишь презрительную ухмылку. Только одна мысль вселяла негодование в его сердце: ведь степняки должны были стать слепым орудием грядущих великих завоеваний. Всю эту голытьбу Заркум собирался без сожалений бросить на кровавый алтарь своей власти.

И лишь на мгновение закралось в его душу неясное чувство тревоги при виде тех, кто скакал впереди мятежного воинства.

Неужели этот щенок выжил? Заркум внимательно рассматривал похожего на гирканца юношу в кольчуге и в шлеме, со шрамом над губой и пером ястреба, воткнутым в черные косы в знак принадлежности к королевскому роду. Кем он был? Безродным самозванцем, высокочкой из одного из многочисленных племен Великой Степи? Но с тем же успехом он мог быть и отпрыском Анахарсидов!

Однако еще большее беспокойство вызывал рослый мускулистый варвар в кангхских латах, скакавший бок о бок с предполагаемым наследником Хрустального Трона. Синие глаза сверкали на суровом, обожженном ветрами всего мира и покрытом шрамами лице, как два бездонных озера в песчаной, безводной пустыне...

В дверь кельи Заркума осторожно постучали. Ядовито шипя, маг развернулся. В воздухе тоненько тренькнула металлическая кхитайская звездочка, и плешивый раб-аргиппей, ловя запузырившимся кровью ртом воздух, осел у так неосторожно открытой им двери. Из горла раба вместе с бульканьем вытекающей крови вырвалось еле слышное сипенье:

— Его величество... правитель Сакалибы... Шульга...

Краснорожий толстяк в пышных, затканых золотом тяжелых одеждах, сопя и пыхтя, переступил через начавший остывать труп раба и, как ни в чем не бывало, подошел к креслу Заркума. Тот, даже не удосужившись встать, смерил Шульгу тяжелым взглядом из-под кустистых бровей, втайне сожалея, что его звездочка нашла не ту цель.

— Что привело тебя, величайший, в мою скромную обитель? — осведомился он резко.

— Плохие новости, друг мой! — пискнул Шульга. Толстые пальцы, унизанные дорогими перстнями, нервно дергались, и складки парчовой тоги на животе, которые он теребил, были влажны от пота. — Мятежники приближаются к стенам нашей лучезарной столицы!.. — Из его опухших, заплыvших глаз едва не брызгали слезы, накладная борода тряслась на жирном подбородке. — Их армия увеличивается. Отряды, верные нам, высланные для прекращения бунта, были разбиты наголову. Говорят, что бунтовщиками руководит демон кемеров, вышедший из вод Западного Океана, где покоится древняя Страна Змея. Его зовут Конан, и он свиреп и беспощаден.

— Нет нужды преувеличивать опасность, о, мой повелитель! — сухо и надменно ответствовал Заркум, движением сухой руки приказывая телохранителям Шульги, вошедшим вслед за правителем, убрать прочь тело зарезанного раба. — У нас нет оснований для излишнего беспокойства.

Пузатый обладатель царской тиары стоял перед вальяжно развалившимся в своем роскошном кресле Заркумом, как провинившийся школьник, а человек, формально исполнявший обязанности Верховного Жреца Уту, даже не удосужился предложить присесть особе королевской крови. Тем более, что других стульев в его келье не было. А уступать свое

змеиное кресло колдун никому не собирался.

— Мне кажется, что слухи о демонах, вышедших из Западного моря, и о воскресших принцах весьма преувеличены,— продолжил Заркум, вертя в руках пожелтевший и тронутый червоточинами череп допотопной рептилии.

Перехватив испуганный взгляд Шульги, направленный на жутковатую игрушку, маг снисходительно ухмыльнулся:

— Я думаю, Ваше Величество вполне может вернуться к утехам, подобающим королевской особе. А о делах позаботятся ваши недостойные рабы!

Считая разговор оконченным, он хотел было повернуться спиной к надоедливому гостю, но тот, очевидно, был напуган до такой степени, что проявил необычное для него упорство. Он буквально вцепился толстыми пальцами в костлявое плечо Заркума и зашептал, умоляюще заглядывая прямо в глаза колдуна:

— О, наимудрейший! Спаси меня! Я чувствую, Хрустальный Престол шатается подо мной!

На его побледневшем круглом лице застыло предчувствие близящегося конца.

— Ради Эрлика, не брызгай мне слюной в лицо! — с гримасой нескрываемого отвращения Заркум отодвинулся от наседавшего на него толстяка. — Жалкий трус! — выкрикнул он, взорвавшись, совершенно не думая о том, как отреагируют на это гвардейцы, заставшие у дверей. Однако на их каменных лицах не дрогнул ни один мускул — они прекрасно понимали подлинное положение вещей.

— Свинья на троне! Пакостный блудодей! — продолжал бушевать Заркум. — Да ты совсем заплыл жиром, лишился остатков разума и отваги! Двадцать лет назад ты был решительнее, когда на пиру с льстивой улыбкой подавал кубки с ядом своим горячо любимым дядькам!

Шульга разом посерел, съежился, точно желая сквозь землю провалиться перед грозно нависшим над ним Заркумом. Наконец, израсходовав так долго копившиеся запасы ярости, маг слегка остыл. Ему даже стало жаль запуганного и потерянного правителя. И все же, до чего приятно было ощущать свою власть...

Он небрежно потрепал Шульгу по пухлому плечу:

— Ну, полно! Ступайте в свои покои, Ваше Величество. Я постараюсь справиться и с западным демоном, и с воскресшим ублюдком Колаксая. Да и где, в конце концов, Ишпак с его непобедимыми Серебряными Грифами? — в голосе Заркума опять послышалось раздражение.

— Я с-слышал, что он занят укреплением города и подготовкой его к осаде, — несмелο подал голос Шульга.

Как ни странно, но унижение и ругань вкупе со снисходительным утешением подействовали на него благотворно: он почти успокоился, и на его отвислые щеки вернулся прежний багровый оттенок. Путаясь в длинном подоле тяжелой тоги, повелитель Сакалибы поспешно покинул келью, сопровождаемый ухмыляющимися про себя гвардейцами.

Оказавшись снаружи, Шульга воздел руки вверх:

— О, Уту и Эрлик! — В голосе его была неподдельная тоска. — Я не вынесу этого долго! Как тяжела доля правителя! Где моя Нэркес, где моя красавица? Только в ее объятиях я смогу забыться!

Обнаженная Нэркес непринужденно высвободилась из неуклюжих объятий Ишпака и встала с устланного редкостными мехами пола потаенной комнаты. На этом полу они только что вновь предавались любовным утехам в самый разгар паники и тревоги, когда весь город был охвачен лихорадкой в ожидании штурмов и осады.

— Мне пора бежать, милый! — прощебетала Нэркес, облачаясь в свои легкие одеяжды. — Жирный евнух, наверное, уже хватился меня!

— Так скоро? — в голосе Ишпака слышалась неутоленная страсть. — Мне так редко удается побывать с тобой, красавица! Я схожу с ума. Я бросил своих гвардейцев, наплевал на судьбу целой столицы ради встречи с тобой, а ты вновь ускользаешь от меня!

— Дорогой мой! — Голос блудницы стал вкрадчив и мягок, но в нем явственно слышалось хищное мурлыканье пантеры. — Когда мы зайдем престол Сакалибы, у нас будет достаточно времени. И любовью мы будем заниматься уже не здесь, а где только пожелаем! Хоть на алтаре самого Уту!

В голосе ее слышались сладострастные нотки.

— Да будет так! — мечтательно произнес Ишпак, но тут же сменил тон и заговорил серьезно. — Но мне-то теперь как быть? Шамана я отыскать не смог. По слухам, старик исчез, преследуемый огненным демоном, которого наслал на него Заркум. Если он и жив, то нам его не найти. Я знаю Заркума: его слуги достанут свою жертву в любом уголке Вселенной.

— Эрлик с ним, с этим стариком! — нетерпеливо оборвала его Нэркес. — В конце концов, это даже хорошо: пусть колдуны выясняют отношения между собой. Ну, а мы люди простые, колдовство нам без надобности!

Нэркес явно кривила душой. Семь лун назад она, движимая тонким расчетом и страхом, что более прекрасная наложница однажды займет ее место на ложе правителя, отдалась Заркуму. А взамен он сотворил над беззащитной душой глупого Шульги приворотное заклинание. Женщина не любила вспоминать, что ей пришлось пережить в ту отвратительную ночь, зато теперь была уверена: правитель до погребального костра будет предан ей, как собачонка. Правда, теперь этот страх уступил место другим... Но красавица Нэркес не привыкла унывать и сожалеть о содеянном.

— Дорогой мой, обстоятельства изменились, — втолковывала она Ишпаку, ловившему каждое ее слово. — Теперь мы не должны уповать на чужое колдовство. И, в конце концов, часто бывало, что военная сила в соединении с житейской мудростью и хитростью побеждала даже самую изощренную магию. И лично я считаю, что при первом же удобном случае мы должны перейти на сторону восставших.

— Но тогда нам не видать Хрустального Престола как своих ушей, — запротестовал Ишпак. — Я, конечно, принадлежу к побочной ветви династии Анахарсидов, но если победит Таргитай или человек, выдающий себя за него, то это нисколько не приблизит меня к царской тиаре. Да что там говорить — при новом режиме я даже не буду главнокомандующим. Потому что у восставших эту должность занимает проклятый великан с запада, Конан. Говорят, что он не человек, а выходец из затонувшей Страны Змея, что он приплыл из Западного моря по подземным рекам. Это демон из глубин темной бездны Апсу!

— Успокойся, любимый! — улыбка тронула пухлые коралловые губки Нэркес. — Таргитай и Конан — обычные смертные, как и мы с тобой. Я в этом уверена. А это значит, что можно изыскать способ разделаться с ними. Но самый лучший способ убрать врага — втереться к нему в доверие. Дорогой мой! — Нэркес потрепала задумавшегося Ишпака по двойному подбородку. — Для нас сейчас важно выгадать время. А как только станет ясно, чья возьмет, мы или останемся под королевской дланью Шульги, или перemetнемся к мятежникам! В любом случае, своего мы добьемся, поверь мне!

И, потрепав нежной холеной ручкой ногтями лысеющую макушку военачальника, Нэркес бабочкой упорхнула из комнаты.

Глава 6. Победа

Конан могучей рукой натянул поводья, и его жеребец остановился, как вкопанный, Позади него остановили коней Таргитай, Амракан и все их войско, выросшее чуть ли не втрое за очень короткий отрезок времени,— с того предрассветного часа, когда начался мятеж в стане кемеров, и до полудня, когда повстанцы обложили стальным кольцом осады весь Аргаим. Отряды, высланные для разгона мятежников, попросту присоединились к войску Таргитая.

Конан и не предполагал, что за такой короткий срок в руках Таргитая и его лично, сосредоточится столь необъятная власть. Что же, в который раз боги показывают ему свое расположение. Похоже, он, действительно, избранник судьбы.

И вот теперь он во главе грозной орды стоял в ста локтях от угрюмых стен самой неприступной цитадели Сакалибы. Конан махнул кольчужной перчаткой — и начался штурм Аргаима.

... Уже закат набросил свое багряное полотнище на высокое, клубящееся облаками северное небо, молчаливо взиравшее на копошение внизу, а штурм все продолжался, по-прежнему яростный и кровавый. Сотни степных воинов, совершенно не знакомых с кхитайскими или аквилонскими канонами взятия крепостей, с лихвой возмещали отсутствие опыта необузданной отвагой и ненавистью к врагам.

Особо отличались кемеры. Конан еще раз возблагодарил Крома и Митру за встречу с сородичами, видя как отважные воины по-пластунски подбираются к самым стенам и, невзирая на град стрел и камней, и на дождь смолы, обрушающихся на них сверху, ловко, как ящерицы-гекконы, лезут вверх по отвесным стенам, не прибегая к осадным лестницам.

Их цепкие руки и ноги, привычные к кручам Рипейских гор, находили малейшую трещинку, малейший выступ,— и они ползли вверх, упорно и яростно. Конан даже на какое-то мгновение пожалел, что является одним из руководителей штурма.

А иначе сбросил бы с себя тяжелый доспех и, оставшись в одних кожаных, облегающих ноги штанах и сжав зубами верный ятаган, тоже пополз бы к стене и взобрался наверх, чтобы с леденящим кровь кличем наброситься на осажденных воплощением карающего божества. Но увы, ему оставалось лишь стиснуть зубы и смотреть на то, как карабкаются вверх кемеры, чтобы в очередной раз скатиться со стен и свалиться бездыханными в ров.

Конан чувствовал, что рано или поздно осажденные дрогнут и будут вынуждены оставить стену яростно атакующим кемерам, которые, казалось, не обращали внимания на огромные потери. В походном шатре, в тылу армии Таргитая, умирал тяжело раненный в живот Амракан. А еще раньше пал отважный Арслан, оруженосец Конана.

Но их гибель была лишь каплей в море — море смерти, которое, переполнившись до краев, грозило захлестнуть багровыми волнами обреченный город. Но до этого было еще далеко. И Конан, и Таргитай прекрасно понимали, что после взятия первой стены последуют отчаянные уличные бои.

И лишь когда Внешний Город будет полностью очищен от войск узурпаторов, настанет черед второй стены. А до этого момента еще сколько новых жертв оросят своей кровью алтарь ненасытного бога войны! И погибнут не только воины, но и мирные жители — старики, женщины, дети! А ведь все они не чужие для повстанцев! Хотя те степняки, а эти горожане, в их жилах течет одна кровь, Во имя Крома! Освобождение Страны Городов от гнета тиранов оплачивалось слишком дорогой ценой!

Отвлек Конана от невеселых рассуждений, столь неуместных на поле боя, странный шум в небе, перекрывший громыхание битвы. Задрав голову кверху, варвар почувствовал, как под меруанским шлемом у него шевелятся волосы.

— Кром и Митра! — прошептал киммериец.

...А в это время в неприступной глубине Зиккурата Уту злорадно хохотал Заркум, с наслаждением глядя в магическое зеркало на то, как охватывает паника ряды осаждающих при виде сотен крылатых демониц, стремительно несущихся вниз стройными клиньями.

— Конан! — воскликнул в ужасе Таргитай. — Все пропало! Проклятый колдун наслал на нас полчища гарпий!

— Печенка Нергала! — взревел в ярости киммериец.

Крылатые хищницы с торжествующим клекотом пикировали вниз и терзали своими страшными когтями несчастных людей. В рядах осаждающих вспыхнула паника, а со стен торжествующе кричали воины Заркума и Шульги.

Не теряя присутствия духа, киммериец отдал зычную команду, и наиболее отважные из кемеров сгрудились вокруг своего полководца — после смерти Амракана они негласно признали Конана своим вождем.

— Ну, ребята! — обратился к ним Конан. — Пора пустить в ход просмоленную паклю. Мы готовили ее для уличных боев, но, похоже, она пригодится нам раньше!

Воины спешно принялись обматывать наконечники стрел лоскутами просмоленной пакли.

— Давайте! — еще раз скомандовал Конан, когда лучники выстроились в каре, в центре которого восседал на коне сам киммериец. — Ведь вы же степняки, Нергал вас задери! Во имя Крома, вперед! — И целый рой огненных стрел полетел в стаю кровожадных демониц.

Рипейские кемеры соединяли в себе киммерийское умение лазать по скалам и стенам с гирканским искусством стрельбы из лука. В воздухе с отчаянными воплями заметались живые факелы. Стрелы находили свою цель — и роскошное оперение гарпий вспыхивало с треском. Спасения гарпиям не было. Вой горящих заживо пернатых женщин разнесся на сотню лиг. В ответ послышались торжествующие крики осаждавших. Стрелы сыпались градом, безжалостно настигая последних из крылатого воинства...

— О, Эрлик! — прохрипел Заркум, подаваясь вперед всем телом.

Он во все глаза смотрел, как огненный дождь превращает в пепел останки гарпий. Это

был ощущимый удар! Теперь ему, чтобы оправиться и вновь применить магию, придется долго восстанавливать силы.

— Где этот негодяй Ишпак?! — шипел колдун.— Где его Серебряные Грифы? Пусть они задержат их хотя бы до утра! А потом я отплачу этому западному выродку! — Запавшие полубезумные глаза мага полыхали ненавистью.— Я отомщу!

***

Спустившаяся тьма вынудила осаждавших прекратить штурм.

— Продолжим утром! — решил Конан. Таргитай не стал спорить с этим решением. Потери были слишком велики, и войску необходимо было отдохнуть и набраться сил.

Смертельно усталые друзья добрались до своего шатра. Скинув доспехи, они плашмя свалились на мягкие кошмы. Конан и Таргитай почти погрузились в сон, как вдруг были разбужены возбужденными возгласами в лагере. А затем полог шатра откинулся, и в шатер ворвался встревоженный воин-кемер с рукой на перевязи.

— Перебежчика поймали! Пришел с белым флагом! — кричал он.

— Ума не приложу, как ему удалось выбраться из города,— пробормотал Конан, усилием воли прогоняя усталость и сон.

Через мгновение Конан и Таргитай уже были на ногах.

— Ведите его сюда,— распорядился принц.

Через несколько мгновений воины втащили в шатер грузного мужчину в богатой одежде. При виде Конана и Таргитая на лице его мелькнула радость, но к ней почему-то примешивался страх. Перебежчик бухнулся на колени,

— Я приветствую вас, великие избавители! Народ Аргайма послал меня к вам!

— Кто ты? — спросил у него заинтересованный Таргитай.

— Ишпак, Ваше Величество! — Судя по всему, перебежчик сразу узнал принца.— Я главнокомандующий армии Сакалибы и глава Гвардии Серебряных Грифов. Именно я дал секретный приказ, чтобы отряды правительственные войск сдались вам без сопротивления!
— В его голосе слышались хвастливые нотки.

— А теперь, значит, и сам решил последовать за своими воинами? — презрительно усмехнулся Конан. Предателей он ненавидел почти так же сильно, как и колдовство.— Выходит, куда армия — туда и полководец, так что ли получается? Вот только не знаю, найдется ли здесь для тебя место, на которое ты, похоже, рассчитываешь!

— Ну что вы, светлейшие! — Ишпак отчаянно замотал головой.— Я всего лишь выполняю свой долг перед народом Аргайма. Я пришел, чтобы остановить кровопролитие.

— И что ты можешь нам предложить? — полюбопытствовал Таргитай.

Заплыvшие жиром глаза Ишпака заговорщицки блестели.

— О, светлейшие! Я знаю, как это сделать! Даю руку на отсечение — вы задаетесь вопросом, как я смог выбраться через городские стены, миновав кордоны, и остался незамеченными

— Да, поведай-ка нам об этом! — заинтересовался Конан.

— Так вот! — Широкое лицо Ишпака просияло.— Я, конечно, мог бы спокойно выйти из

главных ворот города, и стража беспрепятственно пропустила бы меня. Но в таком случае, это быстро стало бы известно Заркуму. Я не стал рисковать. И потому воспользовался тайным ходом. Почти полторы тысячи лет назад древний правитель Сакалибы и основатель династии Анахарсис — к боковой ветви потомков которого, кстати, отношусь и я — при строительстве нашего горячо любимого Аргамиа повелел прорыть лабиринт подземных ходов под всей Цитаделью Уту, являющейся центром города. Да будет вам известно, что под Зиккуратом Уту и царским дворцом вся земля изрыта туннелями. И одно из ответвлений выходит за пределы городских стен! Заркум, придя к власти, повелел засыпать этот ход. Но ваш покорный слуга, как человек дальновидный, все же оставил узкий проход в этом туннеле... Светлейшие! — Голос его стал торжественным. — Я даю вам шанс захватить Цитадель Уту почти без пролития крови и застать врасплох колдуна, когда он этого меньше всего ожидает. Только так его можно победить!

— Показывай! — рявкнул Конан, торопливо надевая доспехи...

***

— О, моя возлюбленная! Лишь в твоих объятиях я найду спасение! — голос Шульги дрожал, то и дело, срываясь, на писк.

Толстяк, укутанный в дорогую парчу и соболи меха, как младенец, пытался укрыться на груди у Нэркес. Куртизанка ласково похлопывала его по спине, но зеленые глаза ее неотрывно смотрели на клепсидру, стоявшую рядом с роскошным ложем, где она возлежала в обнимку с правителем. Вода истекала слишком медленно — капля за каплей, капля за каплей... А тут еще этот жирный болван, охающий и ноющий, как трусливая баба...

— Будь проклят тот день и час, когда я прельстился на посулы Заркума, — стонал Шульга. — Нет мне прощения, нет! Я убил своих дядей — я лично подал им кубки с ядом. Я отравил их и взошел на Хрустальный Престол. За грехи мои карает меня Уту! Нэркес, любимая, обними меня крепче! Спаси меня! Мне страшно!

— Успокойся, любимый! — фальшивым голосом промурлыкала Нэркес. Рука ее нащупала кинжал дамастской стали под подушкой.

Время шло. Толстый правитель, всхлипывая, как ребенок, задремал на ее пышной груди...

Но чу... Нэркес вся напряглась, как пантера перед броском. В коридорах дворца раздались шаги и бряцанье доспехов множества воинов. И сдавленный кашель Ишпака. Казалось, будто военачальник поперхнулся. Но это был сигнал к действию. Это означало, что мятежники уже во дворце и час пробил. Выхватив кинжал из-под подушки, Нэркес не дрогнувшей рукой с размаху вонзила его прямо в шею сонного Шульги, попав в яремную вену. Кровь фонтаном залила платье Нэркес и пышное ложе, но это не смущило убийцу. Как опытный мясник она принялась разделывать обмякшее тело.

... Ишпак закашлял, и Конан, шедший вслед за ним, двинул его по затылку.

— Нашел время шуметь! — прошипел он, взяv меч наизготовку. Съежившийся Ишпак указал на огромную раззолоченную дверь, у которой, оперевшись на копья, сном невинности спали гвардейцы. Сок лотоса успокоил их в эту ночь.

— Здесь... — шепнул Ишпак сдавленным голосом.

Ударом ноги Конан вышиб дверь, и повстанцы ворвались в покой правителя. А у порога их встретила прекрасная юная девушка. С развевающимися каштановыми волосами, горящими зелеными глазами, разрумянившаяся — грудь высоко вздымалась под намокшим от крови платьем — юная красавица предстала перед Конаном и Таргитаем как карающая богиня. В одной руке она сжимала окровавленный кинжал, а другой — бросила им что-то под ноги. Это была голова Шульги.

— Узурпатор мертв! — звенящим от волнения голосом произнесла девушка, — Этой ночью он хотел обесчестить меня, но я взошла на его ложе, чтобы выполнить свой долг перед народом Аргайма! А теперь, воины, поторопитесь — и вы застанете колдуна врасплох в его логове!

... Извилистым темным переходом Ишпак и Нэркес привели Конана, Таргитая и их воинов прямо в мрачные недра Зиккурата Уту. Нэркес время от времени устремляла на Таргитая взор своих страстных зеленых глаз, и юноша против воли вздрагивал, чувствуя, как краска заливает его лицо. Он с трудом заставлял себя думать о предстоящей схватке с колдуном — взор его притягивала стройная фигурка девушки, шедшей впереди. Она поразила его с первого же взгляда, представ в облике прекрасной и гордой богини, ниспровергающей зло.

... На этот раз в дверь кельи Заркума никто не постучал. Дверь слетела с петель — и огромный варвар в доспехах, со сверкающим мечом в руках, как вихрь, ворвался в сумрачное обиталище колдуна. За ним последовали Таргитай и другие воины. Нэркес и Ишпак благоразумно остались снаружи.

Оглядевшись, Конан сразу же обнаружил змееподобное кресло, где восседал, нахохлившись, облаченный в черную тунику колдун. Погруженный в магический транс, Заркум словно бы и не заметил, что в его келью ворвались чужие. Одним прыжком Конан преодолел расстояние от двери до кресла и обрушил страшный удар на голову, свесившуюся на грудь.

Хрустнув, голова колдуна раскололась надвое и, покатившись с плеч, упала на пол — туда, где были выгравированы древние руны. Мозги Заркума растеклись зеленоватой жижей — и вот огромный крылатый демон с шипением взметнулся к базальтовому потолку кельи. Голова рептилии с остроконечным гребнем на макушке, клацая огромным кловом, метнулась к киммерийцу, но встретив острие меча — распалась в пыль...

В тот же миг жуткий хохот потряс все огромное здание Зиккурата Уту. Если бы Конан находился снаружи, то увидел бы, как из трубы, по которой подавался горючий газ питавший неугасимый Светоч Солнца, прямо в факел струей эфемерного вещества устремилось туманное облако, смутно повторяющее очертания тела Заркума. Попав в огонь, облако вспыхнуло синим пламенем — и с воем взмыло в черное небо.

Прочертив огненной стрелой угрюмые облака, дух Заркума устремился к возвышавшимся в отдалении вершинам Рипейских гор, А в кресле осталось сидеть искусно сделанное чучело с черепом древней рептилии.

Колдун избежал возмездия. Но Хрустальный Трон был свободен от узурпатора. Конан повернулся к Таргитаю и молча встал на одно колено, приветствуя нового правителя Аргайма...

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Глава 1. У Хрустального Трона

В тронном зале царского дворца Цитадели Уту наконец-то стихли шаги многочисленных придворных, военных, жрецов, купцов, испрашивавших для себя всяческие льготы у новой власти. И они остались одни: юноша, на котором неловко сидела королевская одежда, явно слишком просторная для него, и могучий воин в самом расцвете сил, синеглазый и черноволосый.

Молодой правитель задумчиво сидел, оперевшись утонувшими в пышных складках раззолоченного одеяния руками о подлокотники огромного, искусно вырезанного из цельной глыбы горного хрусталя, трона. За троном стояли неподвижно, как статуи, гвардейцы, держа в руках посеребренные алебарды. А перед троном, вальяжно развалившись на ступеньках гранитного подиума, сидел Конан и сосредоточенно занимался своим делом — тщательно чистил и точил свой гирканский меч, обильно поливая его маслом из специальной глиняной бутылочки. Капли масла стекали на пол, оставляя жирные пятна на роскошных рысьих и медвежьих шкурах, но Конана это абсолютно не волновало. Что ж, он заслужил это право: сидеть и, мурлыкая себе под нос, чистить оружие у самого престола владыки Страны Городов...

***

... Через много лет Конан вспомнит эту полузабытую сцену, вновь оказавшись в похожей ситуации.

«Где-то я уже это видел? — подумает он. И в памяти его всплывает далекий, затерянный в северных горах город и тронный зал; молодой правитель на Хрустальном Престоле и он, Конан, у его подножья. Вот только сам он теперь будет сидеть на Рубиновом троне, а рядом, мурлыкая себе под нос, поправлять доспехи доблестный аквилонец Просперо...

«Все в мире повторяется, но на ином уровне,— навсегда уяснит себе в тот день умудренный годами король самой великой хайборийской державы. В голове его мелькнет замысел — отправить посольство в Аргаим. Но водоворот новых невероятных происшествий закрутит Конана в ту же ночь, и он позабудет об этом. Однако долго еще при аквилонском дворе барды будут петь сагу о неведомых землях Сакалибы — крае суровых Рипейских гор, где правит отважный правитель и где стерегут несметные сокровища грозные грифы...

— Конан,— мечтательно произнес Таргитай,— я жду не дождусь, когда кончится этот суматошный день и настанет вечер. И тогда я встречусь с моей любимой. О, Нэркес!

Конан искоса глянул на пылающего страстью правителя и скептически хмыкнул. Он отнюдь не разделял восторгов Таргитая по поводу его новой пассии.

«Нергал ее разберет, эту Нэркес. Конечно, голову оттяпала Шульге — это не шутка. Но чудится мне, темнит девка. Никто о ней ничего толком не знает...» — И все же Конан не стал высказывать своих подозрений, а лишь пренебрежительно повел могучими плечами.

Это не ускользнуло от внимания Таргитая. Лицо его недовольно сморщилось:

— Ну вот, опять ты за свое. И чем тебе так не угодила моя красавица?

— Твоя ли? — протянул Конан с сарказмом. — Сегодня твоя, завтра чья-нибудь еще, а насчет прошлого — тут и вовсе сказать нечего. Достаточно я насмотрелся на таких бабочек, порхающих у трона.

— Да что прошлое! — вспыхнул горячий юноша-правитель. — Я его не знаю и не желаю знать! Я верю в мою Нэркес! Да, сегодня она моя. И я сделаю так, что она будет моей и завтра, и послезавтра, и еще много дней — всю жизнь! Завтра же объявлю о нашей помолвке! — торжественно заявил Таргитай и победно глянул на Конана.

Тот пожал плечами:

— Мое дело — сторона. В конце концов, на твоей голове — тиара, и не мне указывать тебе, как следует поступать.

— Да ладно, Конан! — При мысли о предстоящей свадьбе настроение Таргитая резко улучшилось, — Ты ведь и сам не без греха, а? Небось, сам-то сегодня поедешь к Бортэ?

— Да поеду! — ухмыльнулся Конан. — Но между этими красотками разница — как между ночью и днем. Моя-то не липнет ко мне, как муха на мед. А вот Нэркес... Ну, вообще, я много насмотрелся на таких красоток за свою жизнь.

— На что ты намекаешь? — вспыхнул Таргитай.

— Успокойся, я еще ничего не сказал, — немножко смущился Конан, — но все же выслушай меня!

— Ну, что еще скажешь? — хмыкнул правитель, явно недовольный беседой.

— Так вот, Бортэ наотрез отказалась переехать ко мне в дворцовые апартаменты, хотя я долго уговаривал ее. «Мне дороже старый шатер, где мы живем вдвоем с бабушкой, и Вечное небо над ним, — так она мне заявила. — А дворец пугает меня и давит своей тяжестью и роскошью». Вот так-то Таргитай! А попробуй, заставь свою Нэркес пожить в шатре! К тому же Бортэ права! Лично мне тоже больше по душе широкая степь, где гуляет вольный ветер, чем этот раззолоченный склеп.

— Эх, Конан, — вздохнул Таргитай, — не был бы я наследником трона — бросил бы к Эрлику все эти пышные одежды, церемонии, утомительные приемы, вскочил бы на удалого скакуна и помчался бы опять в Великую Степь. Но это трон моего отца, я обязан продолжить его дело и править мудро и твердо, чтобы в Страну Городов вновь вернулись порядок, покой и веселье. Но все же, я думаю, нам пора поразмяться. Не съездить ли на охоту? Мне тут

рассказали, что в нашем роду существует обычай: каждый год, в начале осени, правитель выезжает на большую охоту в заповедную пущу у подножья Рипейских гор! Как тебе эта идея?

— Идея хороша,— согласился Конан,— и все же дослушай меня. Мысли о Нэркес не дают мне покоя. Дело в том, что есть еще нечто, что отличает Борта от Нэркес.

— Ну-ка, ну-ка,— заинтересовался Таргитай.

— Дело в том,— задумчиво произнес Конан,— что Бортэ не отрезала собственными руками голову человеку, как это сделала Нэркес. И вот это меня больше всего беспокоит...

— Да что ты, в самом деле, Конан?— удивился Таргитай.— Не ты ли сам мне рассказывал о своих возлюбленных, которые сражались, как разъяренные тигрицы, и убивали врагов без всякой жалости, не хуже любого мужчины? Ты же сам рассказывал мне о Белит, или об этой, как ее... Кареле Рыжем Ястребе! Чем Нэркес хуже их?

— Да, Белит и Карела, не задумываясь, убили бы каждого, кто посмел бы встать на их пути,— ответил Конан,— но они никогда бы не забрались в постель к врагу, чтобы прикончить его там, воспользовавшись мужской слабостью. Нет, они убивали открыто и честно, сражаясь с противником на равных. Нэркес не такая. И раз уж она один раз смогла пойти на такое, что стоит ей повторить единожды проделанное? Пойми, Таргитай, я не хочу обидеть тебя, но я старше и опытнее! А сейчас что-то гложет меня изнутри и подсказывает: нам надо держаться настороже! Многих славных парней засосали, как коварная трясина, и погубили в своем чреве раззолоченные чертоги!

— Отчасти ты прав,— нехотя признал Таргитай,— но твои доводы я принять не могу. Нэркес поведала мне свою скорбную историю. Она была дочерью гордого кагана будинов. Когда ей было десять лет, Заркум и Шульга напали на ее племя, убили отца, а ее взяли в плен. Долгие годы ее держали в наложницах. Но она всегда мечтала отомстить. Любовь к отцу и поруганная честь направляли ее руку...

К тому же она любит меня — а это главное! Так что ничто и никто,— он сделал упор на последнем слове,— не помешает мне сделать королевой мою возлюбленную!

— Я уже сказал тебе — поступай, как знаешь,— ответил Конан.— Ты правитель, тебе и решать. А я, пожалуй, поеду к Бортэ.

— А я пойду к моей Нэркес!

Конан и Таргитай распрощались, однако не так тепло, как обычно.

И лишь выйдя из тронного зала, Конан огорченно выдохнул:

— Ведьма!..

***

Мускулистое, но еще по-юношески поджарое смуглое тело обнаженного правителя распростерлось на необъятной равнине атласных кхитайских одеял, пересеченной горной грядой подушек, набитых гусиным и лебяжьим пухом. Не тем пером, которое украшало тела уничтоженных гарпий, а взятым от гордых птиц, которые длинными караванами тянутся через осеннею небо, улетая к далеким зимовьям — теплым и влажным речным долинам Кхитая, лежащим за снежными горами Талакмы. Спящий Таргитай тоже был немного похож

на ощипанного молодого гуся — в сонном человеке всегда есть что-то забавное и вызывающее умиление или насмешку. В зависимости от того, кто смотрит на спящего...

Нэркес разглядывала молодого правителя Сакалибы откровенным, беспощадным взором. В ее маленьком жестоком сердечке не нашлось места для чувства умиления.

Только насмешка и презрение. Было, правда, еще немного жалости. Но только самую чуточку.

«Бедный глупый молодой гусак, прилетевший из Кхитая, лишь для того, чтобы умелая птичница ощипала его,— усмехнулась Нэркес.— Твой предшественник слишком уж разжирел — и его пришлось зарезать...»

Спящий юноша удовлетворенно вздохнул и сладко улыбнулся во сне.

«Спи, глупец,— улыбнулась Нэркес почти нежно.— Скоро ты сделаешь меня королевой. А больше мне ничего и не нужно. Остались, правда, еще два гуся, которым пора свернуть шейки,— уж больно они шипят. Киммериец особенно — так и зыркает своими синими глазищами, аж дрожь пробирает, Это, пожалуй, не гусак, Скорее коршун. Только со мною совладать — у него руки коротки. А пока мы разберемся со старым индюком».

И, заботливо укрыв спящего, как младенца, Таргитая тяжелым одеялом, Нэркес скользнула с огромного королевского ложа...

***

Ишпак ждал ее в той же самой комнате, где они встречались и прежде. Едва Нэркес вошла, оставив по давно заведенному обычаю на карауле безъязыкого аргиппея, как старый вояка набросился на нее, дабы овладеть нежным телом — жадно, по-звериному, как и всегда. Когда он, наконец, удовлетворил свою похоть, Нэркес хотела встать, но толстые пальцы впились в ее нежную, лилейную шейку. Наливые кровью рачи глаза Ишпака уставились на ее побледневшее лицо.

— С-стер-рва! — прорычал Ишпак.— Долго еще ты будешь водить меня за нос? К чему я слушался твоих змеиных советов? Я предал своего господина и могущественного колдуна, его покровителя, а ведь они в свое время приблизили меня ко двору. И что в результате? Что я получил за это?

— Ми-милый! — сдавленно прохрипела Нэркес.— Потерпи немного, что с тобой? Я... я... я уничтожу Таргитая и Конана... А...а...а по-потом мы с тобой взойдем на престол... Отпусти меня!

Железные тиски пальцев неожиданно ослабли, освободив шею, покрытую багровыми синяками, но лишь затем, чтоб схватить куртизанку за волосы и со всего маху стукнуть ее голову о стену. На счастье Нэркес, все стены потаенной комнаты были предусмотрительно оббиты мехом, дабы не пропускать звуков.

И, тем не менее, искры посыпались из глаз красотки. Оглушенная, она свалилась на пол, жадно глотая ртом воздух, а взбесившийся Ишпак принял награждать ее пинками. Если бы на нем были кованые немедийские сапоги, а не гирканские из мягкой оленьей кожи, то дело кончилось бы переломанными ребрами. Однако демоны были милостивы к Нэркес.

— Подлая, лживая тварь! — продолжал бушевать Ишпак.— Я все потерял! При старой

власти я был главнокомандующим всей армии Сакалибы и начальником Гвардии Серебряных Грифов. А теперь я простой туменбashi — да и то, только на словах. А все мои посты занял этот западный варвар, да разорвут его волки Эрлика! И он еще осмелился заявить мне, что лишь благодаря тому, что я провел их в ту ночь в Цитадель Уту, меня оставили при Дворе и не тронули мое имущество, тогда как всех других ставленников Заркума и Шульги выслали из столицы и конфисковали все их добро! Какая «милость»! И в это время ты, обещавшая мне трон, спиши с этим мальчишкой-самозванцем. Ты добилась своего, а меня оставила для своих утех — наподобие конюха, к которому бегают знатные дамы, дабы он ублажал их.

Бывший военачальник был вне себя от ярости. Он задыхался и хрипел, не замечая в гневном запале, как придавленная к полу красотка подает у него за спиной отчаянные знаки немому рабу.

— Нет, я устал от этого. Довольно лжи! Я немедленно пойду к правителью и доложу ему обо всем. О твоих интригах, о твоем коварстве. О том, что ты уже три зимы как моя любовница, а также и о том, что до этого ты переспала со всем двором! Ведь ты спала даже с Заркумом! Думаешь, я не знал об этом? Я всегда знал это! Старый дурень, я закрывал глаза на все — я был ослеплен тобой. О, как я тебя любил! Но все! Конец твоей грязной игре. Я все расскажу Таргитаю — и он трижды возблагодарит небеса и своего друга Конана, который всегда сомневался в тебе. Этот варвар — неотесанный и жестокий человек, но он отнюдь не дурак! Он сразу раскусил, что ты за дрянь. Да, я сделаю это! Пусть меня лишат всех чинов и изгонят из страны. Пусть меня даже казнят, но я буду умирать смеясь! Потому что рядом со мной будут казнить тебя — визжащую, извивающуюся, как растоптанная гюрза! Ты будешь молить о пощаде, но все будут плевать тебе в лицо, и я добавлю свой последней плевок. Потому что большего ты не заслуживаешь, ведьма! Да, пусть я умру! Но это даже лучше, чем трястись от страха, думая о мести Заркума. Сейчас! Я свяжу тебя и поволоку к Конану и к правителью, в постели которого ты сейчас должна находиться. Пусть они...

Договорить он не успел. Огромный кулак немого раба обрушился на голову престарелого военачальника. Пошатнувшись, тот повалился на пол. Вся дрожа, Нэркес кое-как поднялась. Злобно сверкнув зелеными глазами на раба, она прошипела:

— Ты что, сразу не мог понять, что делать? — и раздраженно махнула рукой. — Что с тебя взять, скотина дикая!.. Все приходится делать самой! — проворчала она, и, нагнувшись над неподвижно лежащим телом, вынула свой любимый кинжал и аккуратно перерезала горло своему любовнику — от уха до уха. — Мне теперь только в мясники податься! — криво ухмыльнулась Нэркес, брезгливо вытирая кинжал об одежду трупа. — Вторая жирная птичка на моем счету! — подвела она жутковатый итог...

... Уже почти дойдя по потайному ходу до опочивальни, где продолжал безмятежно спать Таргитай, Нэркес хватилась перстня с дорогим аметистом, добытого в Стране Аrimаспов. «Ну конечно! — сразу догадалась она. — Обронила, когда наклонялась над трупом. Видно, пальцы были скользкими от крови. Только этого мне не хватало!»

Аметист ей всего пару дней назад подарил Таргитай в знак своей любви.

— Ступай назад! — прошипела она рабу. — И не вздумай возвращаться без перстня. Убей любого, кто заметит тебя!

Аргиппей покорно кивнул и, накинув капюшон на лицо, бросился исполнять поручение госпожи...

Конан, бесшумно откинув полог, выбрался из шатра. Там внутри, разметавшись на подушках, осталась спать Бортэ, разомлевшая и теплая, как ребенок. Киммериец улыбнулся при мысли о проведенной с нею ночи любви. В страстных объятиях Бортэ он вновь ощутил себя юным безумцем, каким был когда-то. О, тогда он был неразборчив и жаден! Сколько мужского пылу он поистратил на жриц любви! Чего стоила одна только жизнь в Пустынке — воровском квартале Шадизара. Тогда он еще не очень хорошо соображал, что к чему, и щедро сорил деньгами, меняя подружек, как зингарский гранд надушенные перчатки и кружева. Да ведь и деньги-то доставались ему без особых проблем.

А один раз его даже угораздило переспать с двумя десятками красоток в одну ночь! И все они были из гарема одного старого хрыча по имени... Бро Иутин, вроде бы так. Ну что же, в конце концов тот сам предложил. А вообще,— по-настоящему Конан впервые осознал ценность женской любви лишь после гибели Белит... Как ныло тогда его сердце! Все сокровища проклятого города, где настиг их крылатый демон, не могли заменить ему ее глаз, ее смеха, ее волос, ее губ... Боль долго не утихала тогда в груди Конана.

И после смерти Белит всякого хватало в бродячей жизни киммерийца. Выли в ней портовые потаскухи, кабацкие девки, подружки на ночь, на седмицу, редко — на пол-луны. Были и более серьезные привязанности. Сейчас Конан уже и не мог припомнить все имена. Сколько их было! Как звезд в ночном небе, которое сейчас накрывало черной чашей шатер, стоявший на отшибе. Конан знал, что в пятидесяти шагах от него заливается богатырским храпом ведунья Мохира, бабушка прекрасной Бортэ. Она была не слишком довольна, когда ее любимая внучка вдруг вздумала разбить отдельный шатер, но против Конана в принципе ничего не имела.

Вдохнув полной грудью свежий, напоенный полынным ароматом воздух ночной степи, киммериец мягкими шагами направился к коновязи, где терпеливо дожидался верный конь. На миг у него возникло желание вернуться обратно, лечь к разомлевшей во сне девушке, прижаться к ее горячему, нежному телу, легко, тихо, чтобы не разбудить, ласкать ее...

Помотав головой, чтобы сбросить наваждение, Конан стремительно направился к коню. Определенно, после смерти Белит что-то перевернулось в его душе. Иногда начинала у него вдруг ныть мощная, равнодушной скалой принимавшая на себя все раны и царапины, грудь. Особенно по ночам, и даже не обязательно, когда он был один. Часто лежал он, не смыкая глаз, а рядом посапывала какая-нибудь очередная подружка, но от этого становилось лишь еще более тошно. Видимо, годы все же брали свое. И иногда вдруг ловил себя Конан на том, что утром, бредя с похмелья в поисках какой-нибудь завалящей таверны, глядит он — почти с завистью — на скромного ремесленника или крестьянина, чинно завтракающего на своем аккуратном дворике в окружении заботливой жены и выводка ребятишек.

Но в глубине души Конан понимал, что не сможет вынести такой жизни больше двух-трех седмиц,— взвоет от тоски и сбежит, бросив на произвол судьбы опечаленную родню. Ничего не поделаешь, бродяжья натура всегда пересиливала в нем естественную тягу к оседлой семейной жизни. Потому-то старался Конан не заводить шашен с милыми, скромными девушками, а предпочитал продажных красоток. С ними проще — монету в зубы, и с глаз долой. А до смерти Белит иногда еще и пинком под зад награждал. Ну а если и

случалась у Конана любовь, то только с такими же неугомонными, как и он сам, искательницами приключений.

Но все равно — в результате Конан всегда оставался один. Хотя и говорится, что ворону глаз не выклюет, а все же... Строптивый народ были все эти воительницы. А киммериец не любил терять попусту время на склоки с женщинами. Да если бы только так, — случалось и хуже. Женщина есть женщина, и какой бы отважной и воинственной она ни была — все равно ее рано или поздно подстерегала старуха с косой. Словно рок какой-то висел над Конаном: все его сильные привязанности обрывались трагически. Дело кончалось могилой или погребальным костром.

А Конан шел дальше, стараясь как можно скорее выбросить из головы воспоминания. И болело сейчас сердце при мысли о том, что с Бортэ рано или поздно придется расстаться. Нет, ее нельзя было назвать девой-воительницей, Но в то же время и нельзя было сказать, что она — обычна девушка, которая выйдет замуж за простого парня, заведет с ним детей и будет жить долго и счастливо. Что-то в ней было особенное — пламя какое-то в глазах, неуемная жизненная сила.

Знал Конан — она не станет тянуть его в рутину сонной жизни. Бортэ на удивление чутко понимала, что Конан — свободный человек, что его нельзя приковать к одному месту, чтобы жил он и видел изо дня в день, вставая по утрам, один и тот же покосившийся домишко соседа за окном. Она и сама отличалась внутренней свободой — это ей, очевидно, от бабки перешло. Да и кочевники — особое племя.

И все же знал Конан: позови он ее за собой — и она пойдет с ним и будет молча, без жалоб, делить с ним все невзгоды и радости. Но ни за что на свете Конан не допустил бы этого, так как знал — несчастная судьба и злая смерть станут тогда ее уделом. И хоть и не впервые ему было провожать подруг на Серые Равнины, киммериец чувствовал, что в этот раз ему будет особенно тяжело.

И потому Конан знал, что скоро оставит Бортэ и покинет ее навсегда, как, впрочем, и саму Сакалибу. Уже начали сниться ему по ночам джунгли и саванны Куша, зной заморийских равнин, соленый ветер моря Вилайет и Западного Океана. Мир был так велик, а он еще достаточно молод. Нет, он и думать не желал о том, чтобы осесть на одном месте и обзавестись семьей. Когда-нибудь потом, не сейчас. А если такое однажды и случится, то будет это отнюдь не унылая жизнь простого работяги. Конан знал свои силы и верил, что добьется куда больших высот.

На судьбу он не жаловался. Она была похожа на капризную волну — взмывала вверх, вознося варвара в неслыханную роскошь и тут же смывая его вниз, за борт, в дикость, в глушь. Но Конан верил, что однажды эта капризная волна вынесет его на берег, где будет поджидать заманчиво посверкивающий трон и королевский венец. И уж тогда он своего не упустит. А там, может, и семейная жизнь покажется не такой уж и скучной. Но это будет еще через много лет. А пока — он просто расстанется с этой милой, нежной и самоотверженной девушкой и уедет, чтобы не обрекать ее на страдания, а то и на верную смерть. Однако легче ему от этого не становилось...

Вскочив на коня, Конан пустил его вскачь по ночной степи, подставляя ветру лицо. Рассвет еще не окрасил пурпуром сонное небо, но киммериец спешил. Нужно было проверить посты, осмотреть город. Всегда надо быть начеку. Конан невольно сжал рукоять меча при мысли о колдунах, избежавшем возмездия. Возможно, тот бродит где-нибудь поблизости. Какую черную месть он замышляет? Надо быть трижды осторожным! Жизнь все

время как бы предупреждала варвара: «Не расхолаживайся!» Достаточно было вспомнить разгром Джрафара турецкими или совсем недавний случай — нападение демонов на племя Морского Льва.

«Эх, Таргитай! — невесело подумал Конан. — Прислушался бы ты к моим словам. Хотя... разве я слушал кого-то в его возрасте? А зря. Может, и меньше шишек набил бы».

Проехав через Главные Врата, киммериец проверил часовых, выслушал рапорт нового начальника городской стражи, недавно назначенного из тех кемеров, что штурмовали с Конаном Аргаим. Затем, повторив ту же процедуру в воротах Внутреннего Города и в Золотых Вратах Уту, очутился внутри Главной Цитадели.

Оставив жеребца на попечение конюхов, Конан, повинувшись странному наитию, вдруг решил пройти во дворец не через парадный вход, а через неприметную потайную дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий через старую нежилую часть дворца прямо в королевские покои. У этого хода было много ответвлений, которые шли во всевозможные комнаты, каморки, пристройки, а снизу он соединялся с наружным ходом, устремлявшимся за городские стены, — тем самым, по которому провел мятежников Ишпак.

Аккуратно закрыв за собой дверь, надежно скрытую кустами боярышника, Конан спустился в туннель. Рука его крепко сжимала меч, в любой момент готовый поразить крадущегося злоумышленника. Что-то подсказывало киммерийцу, что в лабиринте ходов творится неладное.

Освещения не было — никто не отваживался заходить сюда. Нащупав факел, воткнутый в расщелину в стене, Конан достал кресало, трут и зажег огонь. Теперь можно было продвигаться вперед.

Конан шел все дальше, напряженно глядываясь в полумрак. И вот, наконец, перед ним замаячила дверь. Тихо открыв ее, Конан очутился в анфиладе пустынных залов, где под древними сводами гулко отдавались все звуки. Конан мысленно восхвалил Крома за то, что родился киммерийцем, умевшим ступать бесшумно, как рысь на тропе, и самого себя — за предусмотрительность: на ногах его были мягкие, облегающие ступню гирканские сапоги из оленьей кожи.

Чтобы не бряцать оружием, он убрал свой меч в ножны. И почти тут же пожалел об этом — из-за темного угла на него кинулся человек в капюшоне. Зажав грязной рукой рот киммерийца, он попытался сломать ему шею. Однако могучая шея варвара выдержала натиск стальных пальцев незнакомца. Вены вздулись, подобно канатам. Мощное усилие — и нападавший отлетел на несколько локтей, ударившись головой о стену.

Выхватив меч, киммериец бросился на врага, но тот, успев подняться, кинулся наутек по одному из многочисленных коридоров. В этом старом крыле дворца никто не жил на протяжении столетий. Что могло понадобиться здесь неизвестному? В любом случае, было ясно одно — он пробрался во дворец не с благими намерениями.

Погоня длилась недолго. Киммериец стремительно настиг своего противника, который, как ни старался, не мог оторваться от преследователя. На бегу Конан с силой ткнул рукой в загривок удирающего, и тот полетел кубарем и затих, неестественно скорчившись на полу. Капюшон раскрылся, и Конан, направив на него свет факела, узнал немого аргиппея, всюду, как тень, следовавшего за Нэркес. Глаза его остекленели, из уголка рта стекла бусинка крови. Похоже, падая, раб сломал себе шею.

Держа меч наготове, Конан стал обшаривать глазами пустынные и заброшенные залы, комнаты, каморки, закуски и коридоры, ожидая засаду в каждом углу. Ворвавшись в одну из

таких комнат, он едва не ступил в лужу крови, расползшуюся по полу. В центре, освещаемый тусклым светом факела лежал грузный мужчина в расшитом золотом дорогом камзоле и малиновых шальварах. Горло его было бесстрастно перерезано от уха до уха.

— Ишпак! — воскликнул Конан. — Что делал тут этот старый болван?

Мельком оглядев комнату, киммериец обнаружил, что она имеет довольно обжитой вид. Смутные подозрения стали закрадываться в его голову. От его пытливого взора не укрылись как бы случайные взгляды, какими изредка обменивались Нэркес и Ишпак. Сомнений не было: между ней и военачальником существовала какая-то связь — возможно, даже и любовная.

— Сет и Нергал! — выругался Конан. — Проклятые интриги — везде и всюду!

Быстро обыскав тело убитого, Конан не нашел ничего любопытного, кроме мотка веревки, висевшего у того на поясе.

«Зачем ему понадобилась веревка? — удивился Конан. — Повеситься, что ли хотел? А может, наоборот, кого-то повесить? Или просто связать?»

Поднявшись, Конан хлестнул себя мотком веревки по голенищу сапога. Дело было серьезное. Над всем этим не стоило здорово поразмыслить... Тут он вспомнил, что необыскал раба, и решил вернуться к нему. Но свернув за угол и оказавшись в коридоре, где лежал труп, он неожиданно заметил женскую фигуру, склонившуюся над аргиппеем и лихорадочно обшаривающую его...

... Нэркес с нетерпением ждала возвращения раба. Она нервничала все больше и больше. Уже светало, и вскоре мог проснуться Таргитай. А до его пробуждения ей надо было как-то скрыть следы бурной ночи — хотя бы запудрить синяки на шее. К тому же была опасность того, что ее заметят стражники, так как приближалось время смены караулов. Закусив губу, Нэркес нервно ходила взад-вперед под дверью королевской опочивальни. Гвардейцы — как и во времена Шульги — спали, оперевшись на алебарды. Их можно было не опасаться: сок лотоса, подмешанный в вино, действовал безотказно. К этому же снадобью Нэркес начала заботливо приобщать своего нового возлюбленного, Таргитая. Жаль только, приходилось экономить: колдуна, который прежде снабжал ее зельем, больше не было, и Нэркес вынуждена была расходовать старые запасы.

Терпение ее, наконец, иссякло. Мысленно насылая на голову неуклюжего раба все возможные проклятия и уже придумывая ему наказание, Нэркес помчалась назад — к роковой комнате...

Начальник дворцового караула, исседон Аб-Сабал, шел разводить посты. Мелькнувшая в конце коридора женская фигура показалась ему подозрительной. Вглядевшись повнимательнее, он узнал Нэркес. Обеспокоившись, Аб-Сабал побежал к королевской спальне и обнаружил безмятежно спавших у двери часовых. В ярости наградив их пинками, он распахнул дверь.

Его опасения подтвердились. Место рядом с правителем пустовало, — а значит, женщина, которую он видел в коридоре, и впрямь была Нэркес. Осторожно тронув правителя за плечо, начальник караула попытался разбудить его. Сонный Таргитай вскочил на кровати, очумело озираясь.

Постепенно его глаза приобрели осмысленное выражение.

— Что тебе нужно? — недовольно спросил он. — Как ты смеешь врываться в покой правителя среди ночи? Тем более, когда я не один!

Он повернул голову в ту сторону, где, по его предположениям, должна была находиться

Нэркес. Но там, увы,— было пусто.

— В том-то и дело, мой повелитель,— удрученно шепнул начальник стражи,— я только что видел вашу возлюбленную в старой части дворца!

— Это что еще за новости?!— гневно воскликнул Таргитай, вскакивая с кровати.— Собирай стражу и — вперед за мной!..

... При виде скорченного трупа аргиппея первым порывом Нэркес было бежать, и как можно дальше. Но перстень! Неужели неизвестный убийца забрал его? Тогда ей конец! Нэркес птицей метнулась к окоченевшему трупу раба.

Руки ее лихорадочно шарили по телу,— но тщетно.

«Неужели забрал?» Сердце на мгновение остановилось в груди Нэркес, но тут же в голове ее мелькнула мысль. Грубо схватив безжизненную голову, она стала открывать рот раба, разрывая посиневшие губы длинными ногтями. Желтые массивные намертво стиснутые зубы, ей одолеть не удалось, так что вновь пришлось прибегнуть к помощи кинжала, на котором запеклась кровь несчастного Ишпака. Разжав зубы лезвием, Нэркес ловко запустила пальцы в рот мертвеца и с торжествующей улыбкой вытащила свой перстень. Очевидно, убегая, раб засунул перстень в рот, а при падении тот застрял у него в горле, ускорив тем самым его переход на Серые Равнины.

Обтерев перстень о край платья, Нэркес стала осторожно надевать его на безымянный палец. За этим занятием ее и застал Конан. Одним рывком киммериец накинул веревку на шею насмерть перепуганной красотки и, запрокинув ее голову назад, схватил за волосы. Приблизив губы к побелевшему от ужаса лицу Нэркес, он медленно произнес:

— Значит, трупы грабим?

— Отпусти м-меня н-немедленно! Что ты себе позволяешь?— прохрипела Нэркес.— Ты задушишь меня своей проклятой веревкой!

— Ну, веревка-то, положим, не моя,— ответил Конан, не ослабляя хватки.— Но в любом случае она предназначалась тебе, не так ли? Ведь это ты убила Ишпака?

— Нет!— в ужасе выкрикнула Нэркес.

— Довольно, игра окончилась! Ага — вот и кинжалчик твой любимый весь в крови.

Конан ловко нагнулся, продолжая удерживать девицу, и подобрал кинжал, который та в испуге выронила. Поддев острием, Конан ловко снял перстень с пальца Нэркес и поднес его к лицу. Аметист ярко заиграл в свете факела.

— Понятно!— удовлетворенно хмыкнул Конан.— Теперь дело проясняется. Значит, побежала среди ночи к старому козлу на свидание... И что ты только в нем нашла? Сбежала от молодого красавца — и к кому?! Странный вы народ, женщины! Хотя, у тебя с ним были шашни еще при старом Шульге, не так ли? А теперь тебе Ишпак стал не нужен — и ты решила его убрать. Готов спорить — у тебя под платьем еще и коробочка с ядом припрятана.

— Обыщи, негодяй!— выкрикнула Нэркес. Лицо ее побагровело от ярости.— Ну же, давай!— Пользуясь тем, что руки ее были свободны, она уверененным движением разорвала тонкое платье, почти полностью обнажив великолепную полную грудь,

Мужчины всегда так слабы на женские прелести... А когда внимание этого олуха переключится хоть на мгновение,— она найдет способ вывернуться!

— Ты мне тут телесами не свертай!— грубо рявкнул Конан.— Не заманишь! Я тебе не мальчишка! Привыкла кружить голову безусым юнцам и старым болванам... Продолжим лучше нашу милую беседу. Значит, ты пришла на свидание, а друг твой оказался не такой уж и дурак. Дошло до него, видать, с кем связался. Вот и решил он тебя повязать и тащить к

правителю. А для начала и поколотил маленько — гляжу я, ты вся в синяках! Но тебе все же удалось прикончить его...

— Это не я! Это раб! — истошно выкрикнула Нэркес.

— Да полно врать, красотка! Сама ты ему глотку перерезала — неужто думаешь, бывалый воин не отличит, чья рука нож держала? А потом ты умыла руки и побежала назад, чтобы побыстрее влезть в постель к правителю и сделать вид, что всю ночь сладко спала на его плече. Бедный Таргитай! А ведь я предупреждал, что он согрел змею на груди! Долго ты увертывалась... Только перстенек обронила, вот ведь незадача! И послала своего верного пса найти его, а заодно и прикончить всех, кто попадется на пути. Только он, к сожалению, не на того напал. Ждала ты его, ждала, и все же сама решила вернуться. Не зря говорят, что убийцу тянет на место преступления. Ведь все было так?

— А ты докажи, попробуй! — зашипела Нэркес, пытаясь укусить Конана за пальцы. — Раб украл у меня перстень и сбежал. Я хватилась и бросилась в погоню. И нашла его убитым рукой другого — такого же грабителя и вора, втершегося в доверие к моему государю. Как ты докажешь, что я была в комнате, где лежит Ишпак?

— Эх, ты, дурочка! — почти с отеческой наставительностью в голосе произнес Конан. — Вот и видно, что не в Заморе ты обучалась разбойному ремеслу! А то сообразила бы, что на мокре дело не идут, увешавшись побрякушками.

Он сунул ей под нос что-то, и Нэркес увидела на широкой загрубелой ладони маленькую золотую сережку с янтарем.

— Признаешь? — осведомился Конан. — Это я нашел в комнате, где был убит Ишпак.

— И все равно ты ничего не докажешь, проклятый варвар! — презрительно процедила Нэркес и неожиданно истошно и пронзительно завизжала:

— Помогите! Ко мне! На помощь!

Зоркий взгляд Нэркес углядел в глубине коридора свет факелов. Не успел киммериец опомниться, как оказался со всех сторон окруженным Серебряными Грифами. А во главе их стоял полуодетый Таргитай. В глазах его застыли боль и гнев.

«Кром!» — мысленно воскликнул киммериец. Только теперь он понял, что попал в ловушку. И действительно, со стороны сцена выглядела ужасно — дюжий мужчина с гривой всклокоченных волос лапает вырывающуюся, кричащую девушку в разорванном на груди платье, а на полу лежит ее убитый телохранитель.

Со всех сторон к Конану устремились острия алебард, копий и мечей.

— Может, хотя бы сейчас-то ты отпустишь веревку, Конан? — холодно спросил Таргитай. В глазах его застыл лед.

— Таргитай... — начал было Конан, но правитель предупреждающе поднял руку.

— Не надо ничего говорить. Я все видел! Ты остался тем, кем был всегда — вором, убийцей и насильником. Я слушал твои рассказы и считал тебя благородным разбойником. Но я ошибался в тебе. Возьмите его под стражу.

Алебарды и копья почти вонзились в тело киммерийца. Проклиная всех и вся, Конан отпустил веревку. А Нэркес, захлебываясь рыданиями, бросилась на грудь Таргитая.

— О, мой повелитель! — всхлипывала она. — Не подоспей вы вовремя, что было бы со мной?!

— Но почему ты ушла из спальни? — удивленно спросил ее Таргитай.

— Я все объясню, о, мой повелитель! — Тело Нэркес сотрясала крупная дрожь. Таргитай ласково гладил ее по спине, успокаивая.

— Меня заманили в ловушку, о свет души моей,— продолжала тем временем женщина. Сегодня вечером у меня пропал перстень с аметистом, который ты мне подарил.

— Неужели? А мне показалось, что он был у тебя на пальце этой ночью! — удивился Таргитай.

— Нет, любимый,— заверила его Нэркес,— я срочно раздобыла похожее кольцо и надела его. О, прости меня за то, что я не сказала тебе об этом! Мне было так стыдно, что я не уберегла твой подарок! Затем мне прислали записку с указанием места, куда я должна была принести выкуп за драгоценность. После того как ты уснул, я направилась туда. Придя в комнату, в которую мне было указано явиться, я обнаружила там этого гнусного человека! — она с очаровательным презрением мотнула своей кукольной головкой в сторону связанного Конана, который, скривившись, слушал все эти лживые рассказни.

— О, что мне пришлось пережить! Этот страшный человек приставал ко мне со своими грязными ласками. Он показал мне перстень — это он выкрадал его у меня!

— Охотно верю! — горестно воскликнул Таргитай. — Он сам неоднократно хвастался мне своими воровскими подвигами!

— Я предлагала ему деньги, золото, на коленях умоляла его вернуть мне твой подарок. Но он расхохотался мне в лицо и сказал, что отдаст его лишь в обмен на мое тело! О, как это было ужасно! Он набросился на меня, стал избивать, душить, рвать на мне одежду! Он угрожал мне, кричал, что очернит меня в глазах моего возлюбленного правителя! И в этот момент в комнату ворвался старый добрый Ишпак. Должно быть, он проверял, что творится в заброшенном крыле дворца, — опасался, что злоумышленник прокрадется отсюда в твои покой. Он услышал шум и примчался мне на помощь. Ишпак потребовал, чтобы этот негодяй немедленно отпустил меня. И тогда эта гнусная скотина набросилась на него и стала избивать! Он проломил ему череп своим страшным кулаком! В отчаянии я выхватила свой кинжал и пыталась прикончить его. Но разбушевавшийся варвар вырвал кинжал из моих рук и перерезал горло несчастному старику! В этот момент появился мой преданный слуга. Пока дикарь убивал несчастного Ишпака, он потихоньку прокрался в комнату и увел меня, потому что сама я этого сделать не могла — стояла ни жива, ни мертва. Мы бросились бежать, но Конан гнался за нами по пятам со страшным рыком. Мой бедный раб остановился, чтобы задержать его, но чудовище просто свернуло ему шею! Не появись вы вовремя — не знаю, что было бы со мною! На мне нет вины, о, мой возлюбленный государь! — закончила свою речь Нэркес и обезоруживающе и жалобно улыбнулась.

— Вы можете сходить и убедиться — труп Ишпака лежит там, где я указала.

— Да, очевидно, дело так и обстояло! Хвала Уту, теперь ты в безопасности. Ты со мной, душа моя! — и Таргитай в порыве чувств принял покрывать лицо, шею и руки Нэркес страстными поцелуями.

Конан, не выдержав, отвернулся и сплюнул. Тотчас же Таргитай гордо расправился и подошел к нему. Губа со шрамом подергивалась от бешенства.

— Я верил в тебя, Конан, а ты наплевал мне в душу! Ты и сейчас плюешься — от бессильной злобы! Ты с самого начала клеветал на беззащитную девушку. Но теперь-то я знаю причину. Похоть ослепила тебя! И ради удовлетворения своей низменной страсти ты предал нашу дружбу и убил двух верных мне людей! Я мог бы тебя казнить, варвар, я просто обязан это сделать! Казнить на месте или позже, после суда — на площади, прилюдно. Но я окажу тебе милость, которой ты недостоин. Я — правитель Сакалибы, и помню, что ты спас мне жизнь и помог вернуть престол! Я не забываю об этом — и только поэтому отпускаю

тебя. Какие черные демоны отравили твою душу, киммериец? О, боги! От кого угодно я мог ожидать предательства, но только не от тебя! Боги, как же ты мог!

Помолчав немного и справившись с душившим его гневом, юноша продолжил:

— Я дарю тебе жизнь и свободу, хотя, возможно, это то же самое, что отпустить ядовитую змею после того, как она единожды ужалила! Уходи прочь, Конан! Ты можешь взять коня и оружие, но в течение трех дней ты должен покинуть Страну Городов навсегда! Отныне ты здесь вне закона, Конан из Киммерии!

Таргитай пошатнулся и в отчаянии ударил себя кулаком по лбу.

— О, Папай-громовержец! — простонал он. — Какое подлое предательство! Не зря говорят в Кхитае: где трон — там и измена...

— Очень верное замечание, — молвил Конан и, без малейших усилий разорвав путы, связывавшие его, зашагал прочь.

Глава 3. Королевский выезд

На базаре было шумно. После двадцатилетнего запустения селения Страны Городов вновь начали оживать. Городок Кангар, расположенный в шестидесяти лигах к востоку от Аргаима, был одним из многих подобных городков, разбросанных по всхолмленному пространству Пасиртайской степи. Он представлял собой квадратную в периметре крепость, сложенную из дикого обтесанного камня, окруженную саманными домами, плетеными из ивовых прутьев и обмазанными глиной хижинами, сложенными из леса хибарами. Вокруг более или менее постоянных построек располагалось кольцо шатров, разбитых местными пастухами-кочевниками и приезжими гирканскими купцами. Базарная площадь располагалась у самых стен цитадели, за которыми находилась резиденция тархана — наместника города. Площадь бурлила от скопления народа невизирия на большую удаленность Сакалибы от основных центров восточной и западной цивилизации.

Хотя большую часть толпы составляли приезжие купцы-гирканцы местные номады и горожане, тем не менее, разнообразие наций и рас, представленных здесь, почти не уступало столпотворениям восточных базаров Аграпура и Хоарезма.

Поражали своим разнообразием торговые гости из Великой Степи. Здесь были рослые, рыже- и каштановолосые, зелено- и сероглазые, с телами, испещренными татуировкой, жители западных степей — *герулы, будины, мунганы* в кожаной, облегающей тело одежде, увенчанной золотыми бляхами и бронзовыми подвесками. От них резко отличались представители *аттаров и карабезгов* — жители побережья Вилайета — низкорослые, в лохматых овчинных полушибуках, насквозь пропахшие бараным и рыбьим жиром.

Купцы из Кангхи выделялись своими наголо бритыми головами. Их широкие бронзовые лица украшали длинные висячие усы; глаза под густыми черными бровями напоминали миндалины. Одевались они в подбитые овчиной хлопчатые полосатые халаты, подпоясанные шелковыми кушаками. На голову обычно была нахлобучена круглая, отороченная мехом шапка.

Бросались в глаза обитатели глубинных районов Гиркании — *куйгары, коктаи,*

таргуты, тегины и другие, гордо называвшие себя настоящими детьми Великой Степи. Это были тучные великаны с бычьими загривками, широколицые, с дубленой коричневой кожей. Носили они высокие войлочные шляпы с широкими полями и войлочные кафтаны.

Гордый титул подлинных сынов Степи с ними оспаривали кичливые южане — *ашикузы, коркуты, апасиаки, домбары, арийцы*. На вид они казались самыми цивилизованными. Многие из них щеголяли в расписных кхитайских халатах, бряцали меруянскими, вендейскими и иранистанскими доспехами. На фоне всех остальных гирканцев, падких на золотые украшения, они выделялись своей почти патологической тягой к роскоши. Шеи, руки, груди их были плотно увешаны цепочками, браслетами, талисманами, перстнями и кольцами, уши оттягивали тяжелые серьги. Южане особенно кичились своим богатством, поскольку больше привыкли промышлять грабежом и взиманием дани с караванов, идущих по Великому Пути, нежели мирной торговлей. Они отличались худощавостью, оливковой смуглостью, сближившей их с афгулами, вазулами и вендейцами, изящными чертами лица, черными выразительными глазами и тонкими носами с горбинкой.

Разными были дети Великой Степи. Одни заплетали волосы в косы, другие украшали все тело татуировкой, третьи — с помощью дощечек деформировали черепа своим младенцам, чтобы их головы принимали яйцевидную форму. Каждое племя поклонялось своим мелким божкам и покровителям. Одни носили на шее изображение фаллоса, другие — фигурки пьппногрудых и толстобедрых женщин, в зависимости от того, кого они считали источником жизни. И все это пестрящее многообразие народов, наречий, традиций, привычек, предрассудков объединяла вера в Вечное Небо, трепетное почитание усопших предков и общее имя — гирканцы.

И было еще одно, что объединяло жителей Великой Степи,— все они были увешаны золотом и серебром с ног до головы. Это не мешало им, однако, высматривать местных торговцев драгоценными камнями и металлами и долго торговаться с ними,сыпя словами, а затем набивать свои заплечные мешки новыми партиями сверкающего товара.

Местные жители, пришедшие на базар, почти ничем не отличались от гирканцев. Хотя среди них преобладали светловолосые веснушчатые люди, но встречались и смуглые скуластые черноволосые. За полторы тысячи лет, прошедших после завоеваний Анахарсиса, орда которого прокатилась по Сакалибе и была остановлена лишь на восточных границах Гипербореи, в kraю Рипейских гор произошло смещение захватчиков-гирканцев с местными лесными племенами. Среди потомков двух рас своим высоким ростом и синими глазами особо выделялись кемеры. Одевались жители Сакалибы почти так же, как и их восточные родичи — в овчину и кожу. Их наряд оживляли беличьи, лисьи, рысьи и собольи высокие шапки с одним, двумя, а то и тремя хвостами, болтающимися сзади.

Местные вели на рынок упирающихся коров, тащили гусей, уток и кур, несли мешки с ячменем, просом и овсом. Несмотря на холодный климат, почвы в Сакалибе позволяли собирать мало-мальский урожай. Многие обитатели Пасиртайской степи совмещали скотоводство с примитивным земледелием. Почти всё получаемое зерно кирки, даи, исседоны и кемеры выгодно сбывали гирканцам, которые в жизни не притрагивались к мотыге или сохе, но есть хлеб, тем не менее, любили, Торговали жители Сакалибы и медом — целые березовые туеса и бочонки, полные густого и жидкого ароматного меда всех оттенков — от белоснежного и солнечно-золотистого до темно-янтарного и черно-бурого были выставлены на базар. Мед шел нарасхват — Страна Городов славилась своими бортями по всей Гиркании.

А вот овец и лошадей местные на рынок почти не приводили, поскольку не могли выдержать конкуренции с пригоняемым скотом. Откормленные на приволье Великой Степи оглашали воздух блеянием курчавые барашки, пронзительно ржали холеные жеребцы, дико ревели верблюды, двух- и одногорбые, косматые и короткошерстные. Купцы на сотне разных диалектов, надрываясь, кричали, зазывая покупателей и расхваливая своих питомцев. Здесь же рядами располагались продавцы тканей, благовоний, пряностей, оружия из Согарии, Бухроши, Лакмashi, Самрака, Вусары, Селанды, Дамаста... Вся эта пестрая орда оглушала воздух разноязыким гомоном и создавала несусветный шум, густым, почти осязаемым облаком висевший над городом.

В толпе также мелькали суровые неразговорчивые люди в меховой одежде — добытчики с гор и лесов. Эти приходили на базар со связками собольих, беличьих, куных, горностаевых, песцовых и лисьих шкур. Часть из них они отстреливали сами, а часть — скупали за бесценок путем «немой» торговли у аргиппев и других диких обитателей тайги. Меха шли нарасхват.

Добытчики делали на этом немалые барыши, однако тут же спускали их в прибазарном кабаке. Обнищав за какую-то седмицу, они вновь возвращались в глушь — на полгода, а то и на год.

Однако прибыли охотников за пушниной не шли ни в какое сравнение с прибылями, которые получали люди, занимавшиеся более опасным, но и гораздо более выгодным делом. Эти были так угремы и неразговорчивы, что даже соотечественники смотрели на них с суеверным страхом. Два раза в год эти люди совершали путешествие в загадочную Страну Аrimаспов и возвращались нагруженные слитками золота, серебром, медью и драгоценными камнями. Вокруг этих молчаливых людей всегда роем вились гирканские купцы.

Порой в толпе мелькало желтое, с раскосыми глазами лицо кхитайца, а иногда встречался и оливковый вендиец в огромном тюрбане, с влажно поблескивающими темными бархатными очами.

Было очевидно, что жителей Кангара ничем не удивить. Но даже они на мгновение умолкали и, округлив глаза, наблюдали за удивительным человеком, который, опираясь на резной посох, украшенный головой кошки, важно шествовал по базару. Чужестранец был очень высок — даже на фоне рослых будинов, герулов, мунган и кемеров. Кроме того, он был смугл — особенной, странной смуглостью, отличавшейся как от оливковой кожи вендиццев и южных гирканцев, так и от бронзового и медного загара гирканцев Востока. Цвет его кожи скорее напоминал старую слоновую кость. Такого цвета бывает кожа кхитайцев. Но этот чужак был их полной противоположностью. На голом, бритом или лысом, черепе блестела туго натянутая сухая кожа, а из-под огромного лба сверкали черные хищные глаза, разделенные крючковатым, как у коршуна, носом.

Несмотря на высокий рост и довольно широкие плечи и грудь, странный чужеземец был очень тощ, но это отнюдь не говорило о слабости. Скорее, наоборот, в его поджарости сквозила недюжинная сила.

Худое тело чужеземца было облачено в белую, ниспадающую до земли хламиду, наводившую на мысли о зное южных пустынь и резко выделявшуюся на фоне мехов, овчины и кожи, в которые было обряжено большинство пришедших на базар. Удивительный человек зябко поеживался от малейшего порыва ветра с Рипейских гор, хотя осень только начиналась. Все свидетельствовало о том, что чужестранец родом из какой-то очень далекой южной страны.

Арганбек — торговец из Кангхи — ушлый мужичок с серьгой в ухе, долго, с любопытством присматривался к странному южанину, а затем спросил у своего соседа — Сайдхана из Согарии:

— Послушай, почтеннейший! Ты не знаешь, к какому роду-племени относится этот странный человек с козлиной бородкой?

Сайдхан — сухощавый нахохленный торговец пряностями долго рассматривал крючконосого гиганта, затем, пожевав сморщенными губами и пропустив бороду через ладонь, важно произнес:

— Сей человек — уроженец далекого *Мисра*, страны, в которой поклоняются змеям, а каганов хоронят под большими каменными курганами. Через эту страну течет величайшая река в мире, именуемая Последней, ибо за ее истоками находится странный Огненный Пояс, где гибнет все живое.

— Тогда, наверное, и в Мисре жарковато? — осведомился дошлий Арганбек, окидывая оценивающим взглядом зябнущего южанина.

— О, да, в этой далекой стране стоит вечное лето. Страшный зной опаляет землю, и если бы не влага Последней Реки, пустыня давно поглотила бы эту страну.

— Тогда понятно, в чем может нуждаться этот чужеземец в здешних краях, — сделал вывод Арганбек и, не теряя времени, бойко подскочил к южанину и бесцеремонно вцепился в его костлявую руку.

Тот резко повернулся, разглядывая своими огромными матовыми глазами наглеца. Любой бы смущился от этого странного взгляда, но только не Арганбек. Не зря про него говорили, что он с самим Эрликом сторговался бы.

— Почтеннейший! — звонко кричал проныра. — Сама золотая нить твоей благоухающей судьбы привела тебя к скромному рабу Тенгри — Арганбеку из могучей Кангхи. У меня найдется все для услады твоей души, о... Как зовут тебя, уважаемый?

— Джехути, — ответил южанин мягким вкрадчивым голосом, — зови меня Джехути. Я — проповедник учения Отца Сета из далекой Стигии, которую вы называете Мисром.

— Да снизойдет свет твоего бога на благочестивую душу твою, о Джехути! — запел с новой силой Арганбек, подталкивая не особо сопротивлявшегося стигийца к своим товарам.

— Мой жалкий умишко все же в состоянии осознать, что твою скромность не прельстить ни украшениями, ни благовониями, ни пряностями, ни шелковыми тканями. Но не пристало священнослужителю мерзнуть! Здесь, в студеной Сакалибе, морозные ветры, слуги сурового Борея, могут причинить ущерб твоему драгоценному здоровью! Но у Арганбека найдется кое-что для тебя, о, уважаемый Джехути!

И он в мгновение ока накинул на его плечи рысью шубу, за час до того сторгованную у местного скорняка за набор вендинских душистых масел.

— Как влитая сидит! — мурлыкал Арганбек, ласточкой порхая вокруг стигийца и поправляя складки на богатом меху.

При виде рысьего серебристого меха тень смутных воспоминаний мелькнула в тусклых глазах стигийца, которые на мгновение вспыхнули желтым зловещим огнем. Наблюдавший за этой сценой Сайдхан тихонько сделал знак отвращающий зло — до Согарии доходили слухи о черном колдовстве стигийцев. Но Арганбек, казалось, ничего не замечал, продолжая заливаться соловьем и расхваливать шубу.

— Ну, хорошо, хорошо, — снисходительно улыбнулся стигиец. — Мне нравится твоя шуба, я беру ее. Прими вознаграждение, друг мой!

И он протянул ошеломленному торговцу огромный, сверкающий зеленым огнем изумруд. Глаза у видавших виды негоциантов полезли на лоб.

— О, высочайший,— пролепетал Арганбек, хватая изумруд и пряча его за пазуху.— Выбирай все, что угодно твоей благоуханной душе! Вот вендийские притирания, иранистанские и афгульские шали, кхитайские шелка и бронзовые зеркала, дамастские кинжалы! Бери все, о светоч души моей!

Он бросил вороватый взгляд на обалдевшего Сайдхана — оба прекрасно понимали, что за деньги, которые можно было выручить от продажи изумруда, здесь можно купить сто таких шуб и весь товарищко, вместе с торговцами впридачу.

— Не к спеху, друг мой, не к спеху! — небрежно отмахнулся Джехути.— Этот камень твой, Ты заслужил его за свою проницательность и предупредительность, столь несвойственные обычным людям! Не терзайся сомнениями — я тоже знаю истинную цену изумруда,— стигиец слегка улыбнулся желтыми зубами, и от его зловещей ухмылки Арганбеку стало как-то не по себе.— Единственное, что я прошу у тебя, почтеннейший,— окажи мне всего одну услугу!

— Я весь внимание,— почтительно изогнулся кангхиец, поедая стигийца глазами.

— Глядя на тебя, достославный Арганбек, я вижу, что ты весьма опытен и осведомлен о делах, творящихся в этой северной стране. Поведай мне, уважаемый, о том, что происходит в последнее время при дворе правителя Сакалибы.

— Ужасные новости! — Арганбек округлил глаза и снизил голос до шепота.— Ты, наверное, уже осведомлен, высокочтимый Джехути, о том, что исчезнувший двадцать лет назад наследник Таргитай занял престол и прогнал колдуна Заркума...— Купец сотворил знак, отвращающий демонов.— Да-да, того самого, который наслал на Сакалибу полчища жутких гарпий, вызвав их из далекой, ледяной Патении, лежащей у Северного Океана. Но Таргитай не смог бы занять Хрустальный Престол, если бы с ним не было Конана, дикого воителя из стран заката, будь он неладен!

При этом Арганбек быстро огляделся по сторонам и демонстративно сплюнул.

— Конан? — В глазах стигийца вновь зажглись желтые огоньки.— Что ты знаешь об этом человеке?

— Говорят, что он демон,— глаза Арганбека едва не выкатились из орбит, а голос перешел в еле слышное шипение.— Он приплыл сюда с Западного моря по подземным потокам бездны Апсу! Он заставил — не иначе как колдовством — военачальника Ишпака провести его войско тайным ходом прямо во дворец. Он зарезал Шульгу прямо в постели, а Заркум спасся бегством и теперь бродит где-то в горах. Но самое страшное — недавно во дворце раскрыли заговор, который Конан плел вокруг правителя. Он убил Ишпака и пытался надругаться над любимой наложницей правителя, И теперь его изгнали из дворца, и вообще из страны. Вот только боюсь, что он все еще бродит где-нибудь поблизости. Так что будь осторожнее, глубокоуважаемый! Не приведи Эрлик угодить в когти этого нелюда!

Арганбек страшно закатил глаза, а Сайдхан быстро закивал головой, подтверждая его слова.

— И что же, никто не вступился за этого Конана? — полюбопытствовал стигиец.

— Его поддержали кемеры из числа гвардейцев. Ведь этот демон почти ничем не отличается от них — такой же здоровущий, чернявый и синеглазый. Но приказ правителя — есть приказ. Многие не поверили в его виновность, но они ропщут втихую: ведь Конана не казнили и не посадили в яму, как он того заслуживал.

— И все же его объявили вне закона, и теперь он обычный изгой. Какое падение! — добавил Саидхан и покачал головой.

— Все отвернулись от него, кроме старой знахарки Мохиры и ее внучки. Старуха во всеуслышанье заявила о том, что во всем виновата королевская наложница, а не Конан. А ее внучка — та вообще ушла в добровольное изгнание вместе с проклятым варварам.

— Ну и дела творятся в этом государстве! — покачал лысой головой Джехути. — А какие вести слышны из дворца? Надеюсь, теперь-то там все спокойно?

— О, да! — охотно закивал головой Арганбек. — В Аргаиме готовятся к пышному празднованию свадьбы Таргитая и Нэркес — так зовут его возлюбленную наложницу. И как раз сегодня его величество со своими придворными едет на большую охоту в Джирхансскую Чернь.

— Джирханская Чернь? Где это? — быстро спросил стигиец.

— Неподалеку отсюда, — пояснил Арганбек. — Заповедная пуша между Пасиртайской степью и Рипейскими горами. Она сохранилась нетронутой еще с тех далеких времен, когда могучий правитель Анахарсис завоевывал эти места. Там до сих пор водится множество зверья. Все правители Аргаима вот уже полторы тысячи лет ездят на охоту в Джирхансскую Чернь и проезжают через Кангара. Так что сегодня люди съехались сюда со всей Сакалибы и Гиркании не только ради торговли, но и для того, чтобы поглазеть на королевский выезд. О, это величественное зрелище, достославный Джехути! — Арганбек смачно чмокнул жирными губами. — Я его видел неоднократно, так как каждый год приезжаю в Сакалибу. Но в этот раз выезд будет особенно торжественным. Ведь наконец-то в этой стране законный правитель — наследник славного Колаксая!

Продолжая в красках расписывать королевскую охоту, Арганбек походя отпихнул ногой грязного шелудивого нищего в вонючих отрепьях, тянувшего иссохшую, изъеденную язвами дрожащую руку к стигийцу. Нищий упал навзничь, но тут же поднялся и вновь полез к Джехути с удивительным упрямством.

— Проваливай, оборванец! — наконец, не выдержал Арганбек, однако тут же сменил выражение лица и заискивающе улыбнулся стигийцу. — О почтеннейший, вокруг расплодилось так много нищего сброду — особенно после того, как гарпии разорили пограничье. Не обращай на них внимания!

— Дай ему монету! — повелительно молвил Джехути. — От моего имени. И пусть подойдет ко мне! Отец Сет наказывает своим аколитам заботиться о страждущих!

Недоуменно посмотрев на стигийца, купец, тем не менее, превозмогая брезгливость, сунул в протянутую руку пару медяков.

— Эй, как тебя ... Высокородный господин желает говорить с тобой! Подойди к нему!

В ответ нищий что-то нечленораздельно промычал и, тряся кудлатой головой — купцы шарахнулись в стороны, дабы не подхватить вшей, — шустро подковылял к стигийцу, который равнодушно разглядывал его снизу вверх.

— Пойдем со мной, мой страждущий брат! Служитель Сета позаботится о тебе.

И, развернувшись, стигиец пошел прочь гордой размашистой поступью, а за ним торопливо последовал бродяга. Развевающиеся лоскутья гнилого рубища резко контрастировали с богатым мехом шубы его странного покровителя.

Едва стигиец и нищий ушли, Арганбек торжествующе подмигнул Саидхану.

— Видал! Тенгри и предки были милостивы ко мне сегодня, послав этого помешанного уроженца Мисра!

В ответ Саидхан линь покачал головой:

— Не вижу повода для радости, друг мой! Я видел мисрийцев в Согарии и знаю их обычай. Это темный народ. Там, где появляется уроженец Мисра — там поселяется зло и черное колдовство, Прошу тебя, избавься от этого камня как можно скорее — он не принесет тебе добра!

— А! — отмахнулся Арганбек.— Пустое болтаешь. Ты просто завидуешь! Все сидишь со своим камбуйским перцем. Да кому он тут нужен? Хе-хе! Арганбек знает толк в торговле!

Кангхиец довольно подбоченился и надменно поглядел на своего менее удачливого коллегу. Саидхан хотел что-то ответить, но его слова потонули в оглушающем реве десятков труб. К трубам вскоре присоединились возбужденные крики толпы:

— Королевский выезд! Королевский выезд! — кричали люди, со всех ног кинувшиеся к дороге.

В мгновение ока базарная площадь опустела. Покупатели, торговцы, спешно подхватившие свои товары, случайные прохожие, зеваки, нищие, воришки — все устремились прочь, туда, где уже показались первые колонны величественной процессии.

Впереди ехали, гарцуя на резвых, нетерпеливых скакунах *акалтегийской* породы, которую выводят только в Южной Гиркании, гордые гвардейцы — Серебряные Грифы. Как бы в подтверждение звания, доспехи их сверкали затейливой серебряной насечкой, а шлемы и впрямь напоминали хищно изогнутые клювы грифов. Подавляющее большинство гвардейцев составляли кемеры — ветераны восстания против узурпатора Шульги. Однако теперь, вместо Конана, ими руководил новый командир — чуждый им как по крови, так и по духу — исседон Аб-Сабал, бывший начальник дворцовой караульной службы. Он быстро взлетел вверх по лестнице чинов после того, как доложил правителю об исчезновении Нэркес в роковую ночь изгнания Копана.

Следом за передовым отрядом гвардии ехали двести загонщиков. Все — настоящие гирканцы из восточных степей, смуглые, раскосые и белозубые, подлинные знатоки больших облавных охот. В руках они держали рогатины, бичи, трещотки, погремушки и сети. Некоторые демонстрировали свое искусство перед многочисленными зрителями и производили невероятный шум треском, свистом, щелканьем и дикими завываниями, вызывая одобрительные возгласы публики.

Затем наступил черед егерей. Эти рослые молодцы, набранные из будинов, герулов и мунган, шли пеппсом, еле удерживая на прочных поводках, плетенных из трех слоев турьей кожи, заливисто лающих псов — здоровенных, пегой масти, гирканских овчарок. Псы, скаля желтые, в бурунах пены, клыки, яростно бросались на глазевшую толпу, заставляя ее невольно подаваться назад. Другой отряд егерей вел в поводу охотничих барсов — пардусов или гепардов. Эти поджарые пятнистые кошки из глубинных районов Гиркании, не в пример псы, вышагивали чинно, с чувством собственного достоинства. Но в их напускной смиренности чувствовались огромная мощь и готовность к стремительной погоне за отчаянно удирающей добычей.

За егерями ехали на искусно подобранных жеребцах сокольничьи, одетые в белоснежные полушубки, сшитые из шкур северных медведей Патении. На руках сокольничих, нахолившись, сидели щеголявшие белым оперением соколы, кречеты, балабаны и даже совы с пышными шароварами на ногах, моргавшие огромными, обманчиво подслеповатыми глазами. Это говорило о том, что охота будет продолжаться и ночью. Даже лесная мышь не смогла бы ускользнуть от облавы, но сов натаскивали на добычу покрупнее.

За сокольничими ехал отряд Красных Стрелков, набиравшийся из иирков — наиболее искусных из всех кочевых племен Сакалибы стрелков из лука. Эти парни, одетые в красные кафтаны и лисьи хвостатые шапки восседали на рыжих и гнедых жеребцах. Даже сапоги, конская сбруя, сайдаки и оперение стрел были выкрашены в ослепительный алый цвет.

И лишь затем наступал черед королевской свиты, ехавшей в двойном кольце Серебряных Грифов, сурово сжимавших шипастые чукмары и изогнутые дамастские мечи.

Свита ослепляла своим великолепием. Здесь были нукеры, туменбashi и тарханы, разодетые в золоченые, вороненые, червленые доспехи, в плащи, подбитые лисьим, рысьим и собольим мехом, в богатых меховых шапках и причудливой формы шлемах, кованных в Китае и Вендии. Среди них ехал и тархан города Кангара, заблаговременно присоединившийся к охоте.

Бросалось в глаза полное отсутствие женщин — в этом заключалось основное отличие любой гирканской охоты от хайборийской. Если бы охота происходила при дворе аквилонского короля, то свита обязательно пестрела бы пышными нарядами придворных дам. Но суровые степные обычай не допускали присутствия на охоте женщин. И дело тут было вовсе не в чрезмерном деспотизме и угнетенности женщин, как иногда считали на западе, а скорее в том, что сама охота была занятием гораздо более опасным, нежели в Хайбории, где искусные егеря выгоняли затравленного зверя так, что изнеженные господа расстреливали его почти в упор. Здесь же каждый придворный должен был показать свое мужество и силу. И, без сомнения, большинство из них были способны на это. В основном это были седоусые, суровые ветераны, привычные к седлу, луку, мечу, рогатине и плети.

Королевский выезд действительно представлял собой величественное зрелище, поражая воображение своей протяженностью, числом участников, яркостью белых и красных костюмов сокольничих и стрелков. И тем не менее, все взоры были прикованы к молодому правителю.

Таргитай ехал на горячем акалтегийском скакуне вороной масти, грациозно ступавшем точеными сухими ногами и поводившем изящной лебединой шеей. Всадник не уступал коню. Он, как влитой, держался в роскошно убранном седле, слегка покачиваясь и выпустив поводья из рук, гордо сложенных на груди. На смуглом лице юного правителя сизым пятном выделялся «поцелуй волка», на лбу сверкала золотая тиара, принадлежавшая, по легенде, еще основателю династии Анахарсису. В лучах солнца сияли позолоченные пластины его великолепных иранистанских доспехов, над плечами птицей вился подбитый горностаями плащ. На тонкой талии правителя, перехваченной наборным поясом, висел в ножнах, богато инкрустированных изображениями сцен из жизни аримаспов и грифов, верный кхитайский меч.

Толпа восторженно рукоплескала молодому правителю. В Сакалибе его едва ли не обожествляли и встречали как освободителя. Таргитай отвечал на приветствия вежливыми кивками головы, пристально разглядывая своих подданных черными, цепкими глазами. На мгновение его взгляд встретился с устремленными на него тусклыми глазами стигийца. Тень набежала на лицо молодого правителя — казалось, он что-то мучительно припоминал. Стигиец тут же опустил глаза, и правитель поехал дальше, не обращая больше на него внимания.

— Так вот ты какой, Таргитай,— еле слышно произнесли сухие, тонкие губы стигийца в спину удалявшемуся правителю. От его внимания не ускользнул полный ненависти взгляд, что метнулся в сторону Таргитая его оборванный спутник.

— Осторожнее,— прошептал стигиец, кладя свою смуглую ладонь на грязное плечо нищего.— А то прожжешь ему в плаще дыру, уважаемый Заркум!

Глава 4. Великая охота

Достопочтенный Арганбек громко кричал здравицы правителью Сакалибы, стоя в толпе таких же ликующих, как и он, купцов. Гирканцы были очень довольны новым правительством Страны Городов — торговые обороты возросли в несколько раз, барыши неслыханно увеличились.

Арганбек же, вообще едва не прыгал от радости и почти сорвал голос, выкрикивая все новые и новые здравицы в честь правителя. Его радость многократно усиливал, лежавший за пазухой изумруд. Он был холоден как лед, но грел сердце велеречивого торгаша, как бронзовая кхитайская жаровня. И в тот момент, когда мысли кангхийца воспарили едва ли не к Великому Небу, некий холодный и острый предмет, ткнувшийся, презрев толстые складки жира, прямо в ребра, вернул купца в скорбную земную юдолю.

— А?!-- только и смог вымолвить Арганбек. На лбу его появились капли крупного пота.

— Спокойно!— Раздался у самого уха чей-то хриплый безжалостный голос.— Не шевелись, а то пожалеешь!

— Н-не шевелюсь,— прошептал Арганбек. Отвислое брюхо, обтянутое полосатым халатом, мелко затряслось.

— Вот и славно!— ответил неизвестный из-за спины.— А теперь потихонечку пошли отсюда. Нечего нам делать в этом столпотворении.

И купец, еле передвигаясь на ватных ногах, стал продираться сквозь толпу, чувствуя приставленное к боку острие стилета.

... На задворках Кангара, в полуразвалившейся саманной хижине, давно брошенной хозяевами, в этот день горел огонь. Тех, кто обосновался в развалюхе, можно было бы принять за странников, издалека приехавших на базар, чтобы поглазеть на королевскую процессию. Но желтые, горевшие хищным пламенем, глаза стигийца, жуткий хохот, исторгаемый иссохшей грудью изможденного нищего и странный, необычный цвет огня в очаге, опровергали это впечатление.

— Полно, полно, друг мой Заркум,— произнес стигиец, пытаясь успокоить мнимого бродягу, которого сотрясал приступ истерического хохота.

Наконец, не выдержав, он ухватил его за грязные седые космы и, запрокинув голову, заглянул прямо в глаза. Растворенный судорогой бесмысленного смеха рот Заркума застыл, оскалившись, сумасшедшие глаза остекленели. Продолжая неотрывно смотреть в глаза стигийцу, который, казалось, готов был испепелить его взглядом, Заркум еле слышно произнес

— Во имя Эрлика! Эти змеи... Танец змей! О, боги! Ты не человек, Джехути!

— Конечно, нет!— Стигийская маска спала, и Заркум узрел подлинный лик змеечеловека.

— Я — нааг, в моих жилах течет холодная кровь великих ящеров древности,— молвил

Кахха.— Но я твой союзник, Заркум. Эти два молодца — Конан и Таргитай — успели крепко насолить нам обоим. Счастье, что их поссорила эта предприимчивая красотка!

— Я и не ожидал, что маленькая дрянь окажется такой способной,— прохрипел Заркум, постепенно приходя в себя.— Но во имя Зла, во имя Запредельных Кругов Вселенной, поведай мне, нааг, свою историю! Как могло случиться, что ты — правитель давно исчезнувшей расы, до сих пор жив?

— Долгая история,— отмахнулся Кахха.— Много раз меня пытались прикончить, в последний раз — наши заклятые «друзья». Что ж, я отплачу Таргитаю за тот камень, которым он запустил мне в голову. Отплачу сполна!

— Я с тобой, король наагов!— прошептал Заркум.— Во имя Зла, дай мне лишь добраться до этих мерзавцев! Но больше всего я мечтаю расплатиться с маленькой потаскушкой Нэркес. Она нанесла мне удар в спину, когда я меньше всего этого от нее ожидал. Это благодаря ее козням, на Хрустальном Троне сидит ублюдок Колаксая.

— Э, нет, любезный,— Кахха зловеще улыбнулся.— Нэркес нам трогать пока нельзя! Говорят, что в ней течет королевская кровь?

— Да, ее отец был каганом будинов,— несколько удивленно ответил Заркум.— Но разве это как-то мешает нам расправиться с ней? Кровь не помешала мне уничтожить Колаксая и его братьев, а затем и отца Нэркес, который был их союзником и возомнил, что должен мстить за поруганную честь Анахарсидов. Он и сам имел отношение к этой династии и еще к каким-то древним родам. Он даже пытался провозгласить себя учи-каганом — верховным повелителем всей Гиркании. Дескать, кровь, текшая в его жилах, позволяла ему сделать это.

— Вот именно, друг мой! Королевская кровь — это все, что нам нужно!— воскликнул Кахха и, сузив глаза, еле слышно произнес всего одно слово, которое произвело на встрепанного колдуна волшебное действие. Он весь преобразился: угасшие глаза заблестели, согбенная спина распрямилась.

— Ну, конечно!— воскликнул Заркум.— Как я мог не подумать об этом. Древний, идущий с незапамятных времен ритуал! Это именно то, что нам нужно!

— Наконец-то Сет послал мне разумного помощника,— удовлетворенно хмыкнул нааг.— А начнем мы с нашего обожаемого правителя.

Кахха взглянул в зеленоватое пламя, бушевавшее в очаге, и в раскосых глазах кобры вновь заплясали свой завораживающий танец. Слившись с отблеском языков пламени, они явили отражение крохотных фигурок, скачущих на конях по опушке леса. Все это затаивший дыхание Заркум видел в недвижных зрачках наага, поскольку узреть что-либо в зеленом пламени ему было не дано, несмотря на все его колдовское искусство.

— Они начинают охоту,— после долгого молчания, наконец, произнес Кахха.— Самое время и нам отправиться туда!

Лжестигиец встал во весь свой гигантский рост и мягкими шагами подошел к очагу, сложенному из камней в углу хижины — там бушевал колдовской костер. Несколько свистящих звуков — и пламя поднялось выше, почти до самого потолка. И в струившихся языках пламени вдруг отчетливо проступили кроны вековых могучих деревьев.

— Эрлик!— произнес потрясенный Заркум.— Да это же Джирханская Чернь!

— Именно, друг мой,— Кахха усмехнулся, довольный произведенным эффектом.— Хвала твоей предусмотрительности — у нас есть все необходимое для магии!

— Порошок *мегакситара* был необходим мне для бегства из Зиккурата,— пояснил Заркум, не без доли хвастовства.— Как известно, в обычных пропорциях порошок,

именуемый в далекой Вендии магическим кситаром, делает тело невидимым на какое-то время — и только. Я же многократно усилил действие вендейского снадобья растертым корнем мандрагоры, порошком из цветов папоротника и черного лотоса и кровью девственницы, принесенной в жертву ее собственным отцом. Таким образом, я получил мегакситар — сильнейшее магическое средство, позволяющее переводить материальное тело в иные состояния. Но такого эффекта от порошка я даже и не ожидал!

— Я уже говорил тебе, что вдвоем мы будем непобедимы, любезный коллега,— усмехнулся Кахха.— Твои обширные познания колдовских методов, которые, надо признать, шагнули далеко вперед за последние тысячелетия, и мой древний, недоступный человеческой расе, опыт составят идеальное сочетание!

— А что это был за изумруд, подаренный безмозглому купцу?— спросил Заркум.

— А!— нааг небрежно ухмыльнулся.— Его пришлось взять из моей короны, поскольку мне нечем было расплатиться за шубу. А шуба мне понравилась. Она напомнила мне одеяние из меха гигантской рыси, которое я носил, будучи королем Эврисфейи. Золотое было время! Рысий мех снова на мне — это хороший знак! А купец очень скоро пожалеет о своей алчности. Знал бы, с кем имеет дело — отдал бы мне все свои товары даром, да еще приплатил бы за это!.. А пока нам предстоит поквитаться с Таргитаем. За нами должок!

И Кахха смело ступил прямо в бушующее пламя. На мгновение костер вспыхнул еще ярче и, казалось, с жадным ревом пожрал нелюдя в своих губительных недрах. Но через миг фигурка наага показалась на опушке и еле заметно помахала рукой, подавая знак застывшему в изумлении Заркуму. Колдун мгновение постоял, не решаясь, а затем, собравшись с духом, тоже вступил в огненный круг. Едва пламя охватило тело колдуна, раздался оглушительный взрыв — и все исчезло. И вскоре почти ничего не напоминало о недавнем присутствии в хижине слуг Зла — лишь странноватый приторный запах и мерцающие зеленоватыми огоньками угли в очаге...

***

Бывалый аргаимский налетчик и грабитель Каскар был доволен собой. Не зря, видать, решил он покинуть свой родной город и отправиться на промысел в Кангар. Чутье не подвело его — здесь, куда съехались торгаши со всех концов Степи, ему крупно подфартило. Жирный купчик, мелко трясущийся всем телом, был покладист и послушно шел, подгоняемый невидимым для окружающих острием стилета. Скоро, очень скоро расстанется он с камешком, полученным от какого-то полоумного чужестранца! И наконец-то исполнится заветная мечта Каскара о собственном доме в лучшем квартале Внутреннего Города, где он будет доживать свой век, восседая на дорогих афгульских коврах в окружении наложниц и рабов-аргипеев. Если бы аргаимское ворье знало о существовании бога Бела, Каскар, несомненно, вознес бы ему самые жаркие молитвы. Но в Сакалибе пока не додумались до создания культа покровителя жуликов и грабителей — здесь еще не наблюдалось такого падения нравов, как в Заморе. И, тем не менее, аргаимские воры были знатоками своего дела.

Отойдя подальше от базара и толпы, продолжавшей плятиться вслед удалявшейся

процессии, Каскар затащил несчастного купца в первую попавшуюся на пути заброшенную хижину. В нос ему ударил какой-то резкий сладковатый запах.

— Фу! — сморщился налетчик. — Эти поганые гирканские торгаши и здешний народ приучили ко всяким вендинским дурманам. Дурман-травы им что ли не хватает? Ударом ноги Каскар безжалостно опрокинул навзничь еле живого от страха Арганбека. Несчастный купец захрипел, почувствовав, как кованый каблук вдавливается ему в горло. Над ним наклонялось свирепое скуластое лицо с рыжеватыми усами; налитые кровью неопределенного цвета глаза, казалось, были готовы испепелить его, а стilet в занесенной руке сверкал грозно и неумолимо.

— Давай сюда камешек! — грозно прорычал налетчик.

Но Арганбек молчал и только бешено вращал круглыми от страха глазами: то ли утратил дар речи от страха, то ли алчность лишила его языка. Однако Каскар не стал ломать голову над этой дилеммой и попросту вспорол стiletом полу полосатого халата, обнажив потайной карман, где был спрятан злополучный изумруд. С ликующим воплем грабитель схватил драгоценность. Он даже не обратил внимания на то, что на груди Арганбека, в том самом месте, где изумруд касался ее, расплывается странное зеленое пятно.

Разглядывая вожделенное сокровище, Каскар заученным движением, не глядя, метнул стilet — и злополучный Арганбек забился в предсмертных конвульсиях. Темная кровь, пульсируя, вытекала из пробитой шеи.

— Какая удача! — прошептал восхищенный Каскар, лаская взором роскошный изумруд. Он долго разглядывал его то с одной, то с другой стороны, позабыв обо всем. И вдруг лицо его резко побелело. Вопль ужаса вырвался из его груди. Та рука, в которой он сжимал драгоценность, вдруг начала стремительно приобретать изумрудный оттенок. Он попытался пошевелить пальцами, но тщетно — они застыли, будто вырезанные из камня.

Холодея от ужаса, Каскар перевел взгляд на труп купца — и обмер. Переливающаяся изумрудная статуя лежала перед ним. Казалось, Арганбек был изваян рукой божественного скульптора, удивительно точно передавшего в глыбе изумруда последнее движение умирающего. Даже капли крови, вытекшие из яремной вены, застыли зеленоватой драгоценной лужицей. Огромное богатство лежало перед вором — едва ли он смел мечтать о подобном. Оно было рядом, в его распоряжении. Но вряд ли это вызвало восторг в его холодающей душе. Последний обреченный вопль — и великолепная изумрудная скульптурная группа застыла в молчании, укрытая от внешнего мира полуобвалившимися стенами саманной хижины...

***

Громоподобный рев огромных труб-курнаев сотрясал чащобы Джирханской Черни, провозглашая начало Великой Охоты.

— Кху! Кху! Ура-агх! — ревели дикими голосами раскосые загонщики из восточного племени *сярбийцев*, взмахивая трещотками и оглушительно щелкающими бичами из турьей кожи. Яростно лаяли псы, рвущиеся с поводков едва послевавших за ними егерей. Пятнистыми тенями мелькали над пожухлой травой стремительные пардусы: их

предусмотрительно спустили с поводков, ибо ни один смертный не мог бы утнаться за охотящимся гепардом.

Бесшумными белыми тенями пролетали над деревьями соколы и барабаны, резко пикируя вниз, чтобы вскогтиться в трепещущего зайца или детеныша косули. Люди, звери и птицы, объединенные единой волей, стремительно настигали охваченных паникой обитателей древней Джирханской Черни. И возглавлял эту безжалостную погоню за оленями, кабанами, волками, медведями и прочим зверьем — молодой правитель.

Таргитай скакал на своем горячем скакуне, позабыв обо всем на свете. Одна рука сжимала копье, другая — лук, готовый в любой момент натянуться и поразить бегущую живую мишень. Длинные черные волосы, заплетенные во множество кос, выбились из-под тиары и развевались на ветру, загорелое лицо раскраснелось — Таргитай напоминал Бога охоты, сошедшего на землю.

А из-за мощных стволов вековых елей на него смотрели горящие ненавистью и злой глаза Заркума и Каххи...

***

— Люди! Кто-нибудь! Помогите! Стража!

Сайдхан из Согарии метался по площади, как встрепанная птица, потерявшая птенцов, тщетно взывая о помощи. Увы, некому было внимать его призывам: люди, торопливо опуская глаза, обходили его и спешили убраться подальше — никого не интересовали чужие проблемы. Городской стражи, обязанной незамедлительно откликаться на призывы о помощи, как назло, не было и в помине. Вся она в этот торжественный день присутствовала на охоте — ведь персона правителя нуждалась в охране и защите больше, чем все его подданные, вместе взятые. Может, так и суждено было бы Сайдхану бегать по базару до полного изнеможения, но неожиданно купец ударился лбом о чью-то широченную грудь — как волна о гранитный утес. Он неминуемо упал бы, но сильная рука удержала его.

— Чего голосишь, старик? — спросил откуда-то сверху низкий, грубоватый голос.

Сайдхан поднял глаза и увидел высоченного и здоровенного мужчину в кожаной куртке и меховых штанах. Короткие рукава куртки оставляли открытыми мощные, как корни векового дуба, руки, под загорелой кожей которых литыми ядрами перекатывались мускулы. На огромной груди, о которую едва не расшиб лоб Сайдхан, легко мог улечься барс. По необычным плечам здоровяка разметались буйные черные, как вороново крыло, волосы. Загорелое бесстрастное, будто высеченное в камне лицо оживляли ярко-синие глаза, пытливо разглядывавшие старика.

Синеглазый великан был не один. Рядом с ним стояла молодая изящная девушка, такая же синеглазая и черноволосая, облаченная, как и ее грозный спутник, в меховую одежду. За спинами у обоих торчали рукояти мечей.

Сайдхан какое-то мгновение молча разглядывал внушительную пару, но голос синеглазого быстро вывел его из оцепенения:

— Ну, что молчишь? Разве не ты только что просил о помощи? Кто обидел тебя, старик? Согариец, опомнившись, бухнулся в ноги черноволосому великанию и завыл:

— О, само Вечное Небо направило стопы мои к вам, доблестные воители! Спасите моего товарища!

— Что же стряслось с твоим товарищем? — лицо великана мгновенно напряглось, глаза вспыхнули сапфировым огнем.

— Страшная беда приключилась с моим сотоварищем по торговле, Арганбеком аз Кангхи. О, я предупреждал, но алчность ослепила его! Проклятая жадность губит людей... О, боги! О, Тенгри!

— Давай покороче! — грубо оборвал его синеглазый.

— Его увел какой-то разбойник! Я видел — он приставил ему к спине нож и утащил с собой. Надо торопиться — иначе он убьет Арганбека!

— Показывай дорогу! — рявкнул синеглазый...

— Вот, сюда он его завел, — шепнул Сайдхан, указывая великану и его спутнице полуразвалившимся домишко.

Оттуда не доносилось никаких звуков.

— Сейчас разберемся! — криво усмехнулся воин. Ударом ноги он вышиб еле державшуюся на петлях дверь и оказался внутри, сжимая в руке взятый наизготовку меч.

Девушка и Сайдхан последовали за ним.

— Кром! — вырвался возглас из уст синеглазого при виде застывшей скульптурной группы. — Вот это богатство! Это кто же оставил здесь такую роскошь!

Рука его потянулась к окаменевшему Каскарку, продолжавшему сжимать в руке проклятый изумруд.

— Стой! — закричал Сайдхан, бросившись наперерез. — Не вздумай прикасаться к ним! Разве ты не видишь, что это окаменевшие люди — Арганбек и его убийца. Проклятый камень зачаровал обоих! О, несчастный мой друг! И согариец зарыдал.

— Конан, тут явно что-то не так! — воскликнула девушка.

— Да, Бортэ, ты права, дело пахнет магией! — мрачно произнес киммериец.

Подождав, пока старик немного придет в себя, он спросил у него:

— Откуда у твоего покойного друга этот колдовской изумруд?

— Он-то и сгубил моего бедного товарища! — всхлипнул Сайдхан. — Говорил я ему — остерегись, не заговаривай с проклятым уроженцем Мисра. Но жадность одолела его. И он продал этому желтоглазому псу шубу, а тот вознаградил его этим ужасным камнем.

— Уроженец Мисра? Что это за странами — полюбопытствовал Конан.

— О, это очень далеко отсюда, на юге, там, где течет великая Последняя Река и где люди поклоняются Змею.

— Стигиец, значит, — медленно произнес Конан. Смутное подозрение всколыхнулось в его душе.

— А как его зовут, ты случайно не знаешь?

— Как не знать, — оживился Сайдхан. — Знаю! Этот пес Эрлика называл себя Джехути, да сожрут его змеи, которым он молится!

— Конан! — тревожно спросила Бортэ. — Почему ты так побледнел? Что с тобой?

— Все в порядке, Бортэ, — ответил киммериец, но в глазах его застыла тревога.

— Конан! Бортэ! — в ужасе переспросил Сайдхан и начал медленно пятиться назад. — О, Тенгри! — прошептал он в ужасе. — Вызволи меня из лап этого нелюдя!

— Старый болван! — неожиданно взорвался Конан и, схватив бледного, как смерть, старика за плечи, как следует, встрихнул его. — Я такой же человек, как и ты! А вот этот

Джехути — он-то и есть настоящий нелюдь! Он змей, подлый нааг! Понимаешь?

И оставив старика в недоумении, охваченный яростью киммериец, выбежал прочь из хижины.

— О, Кром! — раздался снаружи его зычный рык. — Кто бы мог подумать, что эта тварь выживет? Надо было тогда Таргитаю не спихивать его в реку, а разрезать на мелкие куски, сжечь их на костре, пепел схоронить в самой глубокой яме, засыпать ее булыжниками, да еще и кол осиновый воткнуть! Вот она, мальчишеская беспечность!

Бортэ незамедлительно покинула хижину вслед за своим возлюбленным. Стариk остался один, в недоумении от того, что страшные негодяи и бунтовщики не тронули его.

— Как чуден этот свет! — Сайдхан пожал плечами и, бросив последний печальный взгляд на своего корыстолюбивого приятеля, поспешил прочь из хижины.

— Долго возишься! — рявкнул на него Конан, нервно щелкая кресалом. — Будь ты немного порезве — может, мы и успели бы остановить негодяя.

— Увы, — вздохнул Сайдхан, — это не спасло бы Арганбека. Он сам себя погубил и был дважды наказан — его зарезали как свинью, да еще и тело его теперь невозможно предать земле или выставить на съедение животным и птицам, как это делается, согласно погребальным обрядам Кангхи.

— Ничего! — буркнул Конан, разводя огонь и обмакивая в него промасленную тряпицу. — Сейчас мы похороним его по погребальным обрядам Асгарда и Киммерии! Придется ему, конечно, отправиться на Серые Равнины вместе с тем, кто порешил его, но тут уж ничего не поделаешь. Как-нибудь стерпит. За жадность и на том свете приходится отвечать!

И киммериец забросил полыхающую тряпку прямо на соломенную кровлю. Погода стояла сухая вот уже много дней — солома враз занялась.

— Надо уничтожить эти колдовские останки, — мрачно пояснил он, — а то еще много найдется желающих разбогатеть и, чего доброго, вспыхнет эпидемия изумрудной лихорадки. Нааг как раз и рассчитывал на людскую жадность, делая свой подарок твоему незадачливому другу. Будь он проклят, паскудная тварь!

Отвернувшись от пылающей хижины, Конан обратился к Бортэ:

— Теперь уходим! Ты пойдешь вместе со стариком и будешь ждать меня в караван-сарае. А я скоро вернусь.

— Но, Конан... — в глазах Бортэ вспыхнуло беспокойство.

— Никаких «но»! — сухо отрезал Конан. — Так надо, любимая! — И он быстро поцеловал ее.

— Береги себя! — на глазах девушки блеснули слезы, но она тут же смахнула их.

— А тебе, любезнейший, — повернулся киммериец к старику, — придется побывать у нас в заложниках. Бортэ приглядит за тобой. Сейчас вы пойдете в караван-сарай, где ты остановился, и будете ждать меня там. Кормежка и постой — за твой счет. А я пока разберусь тут кое с кем...

— Но зачем брать меня в заложники, о, могучий воин? — захныкал было Сайдхан, но Конан положил ему на плечо свою тяжелую ладонь и заглянул в глаза.

— Простая предосторожность, — пояснил он старику, — а то еще побежишь докладывать к начальнику городской стражи — мол, демоны в городе! А так мне спокойней будет.

И Конан, обняв на прощание Бортэ, зашагал прочь. Стариk развел руками — что поделаешь плен, так плен. Он искоса поглядел на грозно нахмутившую сурмяные брови

девушку а, пораскинув мозгами, пришел к выводу, что быть заложником у подобной гурии не так уж и плохо. Заметно повеселев, он широко улыбнулся Бортэ беззубым ртом:

— Пойдем, о, грозная моя повелительница, светом очей своих затмевающая солнце и луну. Пойдем.

***

Таргитаю решительно везло на этой охоте. Огромных размеров секач, истощно вереща, улепетывал от его стремительного коня. В азарте погони правитель выпустил несколько стрел, но все они отскочили от щетинистых боков, как будто тварь была покрыта стальными пластинами агадейских лат.

— Ах, ты, тварь! — запальчиво воскликнул Таргитай. — Все равно не уйдешь!

Он уже не замечал, как в стороне остались загонщики, как постепенно отстала от него вся свита — а кабан все петлял и петлял меж деревьев, заводя увлекшегося правителя в самое сердце дремучей Джирханской Черни.

А там, на небольшой опушке, среди грозно нависающих елей и сосен, которые были молодой порослью в ту пору, когда гирканская армия Анахарсиса завоевывала дебри и пустоши севера, стоял, гордо расправив плечи, облаченный в рысий мех Кахха, и желтые глаза его горели неутолимой ненавистью и первородным, дочеловеческим злом. Свистящие звуки срывались с безгубого рта и, отдаваясь эхом в настороженно примолкшей чаще, пробуждали древний первобытный ужас, много столетий дремавший в своем надежно укрытом от человеческих глаз логове...

***

В караулке у стены Кангарской крепости — там, где к ней примыкала рыночная площадь — было тихо и тепло.

Дежурный стражник съято довольно рыгнул, и, с кряхтением подняв тучное тело с нагретого лежака, кое-как добрался до двери, дабы справить малую нужду. Vonючая жидкость, недавно еще бывшая вином, пенистой струей орошала землю, а стражник, мечтательно подняв голову к небу, где проплывали низкие облака, неспешно размышлял. Мысли его были под стать выдавшемуся дню — плавные, неторопливые...

Редко выпадала такая удача — остаться одному, в теплой уютной караулке, когда остальных его товарищей ни свет, ни заря погнали в Джирханскую Чернь подготовливать облаву. Ишь, даже начальника как будто подменили: стал вдруг подтянутым, строгим, орал на всех, чтобы пошевеливались. Еще бы, сам правитель на охоту приехал — не шутка! Почаще бы приезжал! Только вот в следующий раз могут и не его оставить на дежурстве. Поэтому-то солдат наслаждался выпавшей ему удачей. А значит, не совал из караулки и носу — разве лишь нужду справить.

Целый день он ел, пил и валялся на лежаке. Сначала спал, а затем от скуки стал сочинять песни и мурлыкать их себе под нос, На базаре, после того как прошел Королевский выезд, стало совсем тихо. Только раз кто-то вздумал истошно голосить, требуя помощи, но стражник даже и не посмотрел в ту сторону, недовольный тем, что кто-то нарушает его покой. По уставу, конечно, он обязан был вмешаться, да ведь проверять-то никто не будет! С этой охотой у начальства голова кругом: как правитель уедет, будут еще пол-луны гулять, радуясь, что избавились от этой напасти.

Да и что с того, что он не вмешался — наверняка у какого-нибудь торгаша воры стащили сверток шелку, только и всего. Не велика беда! Все они, эти купчины, на мешках с золотом сидят — небось, не оскудеют! А еще туда же — орут, бегают, служивому человеку отдохнуть не дадут!

Мирный ход мыслей стражника вдруг прервал страшной силы взрыв, сотрясший все вокруг. Один раз заезжие кхитайские трюкачи устраивали нечто подобное: подожгли бронзовый шар с каким-то черным порошком внутри. Но и то не так рвануло! В окне караулки даже порастрекалась слюда в свинцовом переплете.

— Волки Эрлика! — выругался страж, спешно натягивая широкие шальвары и, путаясь в штанинах, побежал смотреть. Над местом, где еще утром стояла заброшенная хибара, столбом взметнулся к небу зеленый дым; несколько хижин поблизости пылали, и вокруг носились с ушатами и ведрами переполошившиеся жители.

— О, Тенгри! — взвыл стражник. — Испортили такое дежурство!..

Он уже собирался пойти разобраться, в чем дело, как вдруг сильнейший пинок под зад поверг его наземь. Страж порядка пропахал носом землю, только что обильно политую его же собственной пенистой мочой.

— Коня! — раздался над ним требовательный голос.

«О, Эрлик! Все беды сразу! Неужто королевский гонец? С этими надменными высокочками шутки плохи — творят что хотят...»

Охая и кряхтя, стражник поднялся, потирая перепачканную скулу.

— Сейчас! — буркнул он. — Можно бы и повежливей...

— Молчать, ишачий помет! Забыл, с кем разговариваешь? — прорычал гонец, синеглазый здоровяк самого грозного вида.

— Виноват! — выдавил из себя угодливую улыбочку стражник.

«Из кемеров, видать, — смекнул он, торопливо ковыляя к конюшне, — эти в гору пошли, как помогли Таргитаю на трон взойти. Ишь — даже и не в форме. Одет как простой охотник. Видать, по секретному поручению спешит». Ругаясь про себя, на чем свет стоит, стражник вывел из стойла сытого и отдохнувшего коня, и гонец в мгновение ока оказался в седле.

— Эй, а где твоя прежняя лошадь? — спросил у него несколько осмелевший солдат. — Давай сюда, надо ее попоной обтереть и в стойло поставить.

— По дороге пала! — неохотно буркнул мужик, хватаясь за поводья.

— А ярлык твой где? — неожиданно проявил бдительность опомнившийся страж, хватая лошадь под уздцы. — Ну-ка предъяви мне королевскую печать! Где она?

— Вот! — коротко ответил гонец и со всего размаху впечатал ему в челюсть здоровенным, как кувалда, кулаком.

— Да ты кто такой, будь ты неладен?! — промычал страж, выплевывая зубы.

— Я?! — Кемер вдруг страшно осклабился, оскалив белые, волчьи зубы. Глаза его жутко блеснули. — Я — Конан, Демон из этой... как ее... бездны Апсу! Страшно?! Аррх! — зарычал

***

он раскатисто, как медведь, и, ударив пятками в бока резвого коня, ускакал прочь, оставил на земле лишившегося чувств стражника.

Таргитай все скакал и скакал в безудержной погоне за упрямым зверем. Он не замечал, что деревья вокруг стали темнее, выше и гуще и что вскоре совсем невозможно будет найти дорогу в этих непролазных дебрях.

Кабан оказался на удивление резв, но быстроногий акалтегиец не отставал. И вот уже совсем близко толстая спина с темным продольным ремнем... Таргитай вытащил тяжелый шипастый чукмар, готовясь со всего маху переломить им хребет кабана. Неожиданно лес кончился — и вепрь, повизгивая, выскоцил на небольшую опушку. Конь Таргитая вылетел за ним. Правитель издал победный клич, и в этот миг кабан, хрюкнув как-то особенно злорадно, вдруг брякнулся на землю, покатился по жухлой траве, и перед потрясенным Таргитаем предстал зловеще ухмыляющийся Заркум.

— Ну что — признал? — хохотнул колдун. — С кабаном справиться тебе, конечно, под силу, драгоценнейший правитель! Но вот с этой тварью — едва ли!

Жуткий рев сотряс лес, и на опушку из чащи вынесся чудовищный зверь.

— О, Уту! — прошептал правитель в ужасе.

Размерами эта тварь, поросшая жесткой рыжеватой шерстью, могла бы соперничать с вендейским слоном. Толстенные ноги напоминали колонны на Вратах Уту, огромную плоскую башку с маленькими мохнатыми подергивающимися ушами венчал чудовищный рог.

Жутко всхрапнув, единорог бросился в атаку. Оставалось либо бежать, либо принять бой и достойно встретить смерть. Но бежать бессмысленно — конь измотан погоней за кабаном-оборотнем, а чудовище легко догонит его — деревья ему не преграда... С отчаянным кличем Таргитай бросился навстречу монстру, подняв почти бесполезный чукмар.

Еще один прыжок — и огромный зверь, низко опустив голову, поднял на острие рога отчаянно ржущего красавца-сакуна. Таргитая выбросило из седла. Описав в воздухе дугу, он упал на землю, сильно ушибив ногу. Пытаясь подняться, он с горечью наблюдал, как взбесившийся единорог превращает в кровавые лохмотья его прекрасного акалтегийца. Заметил он также, что лютый зверь даже не пытается напасть на стоящего неподалеку ухмыляющегося Заркума.

Покончив с жеребцом, монстр повернул острие окровавленного рога к Таргитаю и стал рыть передними ногами землю, готовясь к решающему, последнему броску. Мысленно Таргитай попрощался с Нэркес и с жизнью.

«Эх, был бы тут Конан — все было бы иначе! — невольно подумалось ему. — Зачем только ты предал меня, побратим? И где ты теперь, когда нужна твоя помощь?..»

— Кром! — раскатом грома пронеслось над опушкой.

— Конан?! — воскликнул правитель, не веря своим глазам. Яростный восторг охватил его.

А Конан, появившийся как нельзя вовремя, разогнал своего жеребца, как залихватский воин-гирканец, встал на круп обеими ногами и, зажав в зубах меч, несся навстречу

единорогу, который еще не успел сообразить, что у него появился новый, и куда более опасный и опытный противник. Едва конь поравнялся с медлительным страшилищем, как киммериец взлетел в воздух и приземлился точно на холке у монстра, который, как раз нагнул свою рогатую башку. Будь на его месте голокожий носорог или слон Вендии, или Куша, трюк ли удался бы. Но сейчас цепкие руки варвара сумели ухватиться за длинные космы первобытного змея.

Единорог яростно взревел и, бешено вращая налитыми кровью глазами, стал совершать дикие скачки, пытаясь отшвырнуть с шеи незваного гостя. Он метался по поляне с ужасающим ревом, однако Конан держался не хуже клеща. Улучив момент, он зажал могучую шею ногами и со всего размаху вонзил свой меч в основание черепа чудовища меж шейными позвонками.

Ужасающий рев огласил воздух. Косматая тварь в последний раз взметнула к небу свою рогатую морду и грунно повалилась навзничь. Конан едва успел соскочить, чтобы не оказаться насмерть придавленным исполинской тушей.

Шерстистый носорог — очевидно, один из последних представителей своего древнего рода — умирал долго. Судорога прокатывались по его огромному телу, глухие стоны вырывались из глотки, извергавшей на землю потоки черной крови. Наконец Конан, по рукоять вонзив свой меч в грудь монстра и с трудом достав до могучего сердца, прекратил агонию твари.

Заркума на поляне уже не было. Весь перепачканный кровью Конан, сверкнув белыми зубами, как ни в чем не бывало улыбнулся Таргитая, который, прихрамывая, шел к нему навстречу.

— Ты снова спас меня, Конан? — прошептал юноша.

— Я, я, — шутливо пробурчал Конан, утирая пот со лба.

— Так ты ... не предавал меня? — В мозгу Таргитая шла напряженная работа. — Неужто это все же... Нэркес?!

— Да, Нэркес! — просто кивнул Конан. — А помимо нее — Заркум и еще один наш старый знакомец...

— Не важно! — воскликнул Таргитай. — Для меня сейчас главное — что я вновь обрел друга. Прости меня, Конан! Я был несправедлив к тебе. Любовное безумие застило мне глаза!

— Ничего, — проворчал киммериец. — С кем не бывало. Ошибки молодости, как говорится!

И друзья обнялись в порыве чувств. Конан, однако, быстро прервал излияния правителя.

— Ладно, сейчас не до болтовни, — сурово нахмурясь, сказал он. — Враг не дремлет. Нам надо спешить.

— Да куда спешить, — воскликнул восторженный Таргитай. — Сейчас выедем к свите, и я объявлю всем, что ты вновь с нами, и...

— Если успеем! — буркнул варвар. — Кахха — жив.

— Кахха?! — Лицо правителя вытянулось.

— Он самый!

Сердце правителя сжалось в предчувствии беды.

— Быстрее! — воскликнул юноша, вскакивая на коня позади Конана. — Только бы нам успеть!

... Когда, наконец, жеребец, отягощенный двойным грузом, выехал из чащи на опушку, Конан и Таргитай уже поняли, что опоздали. Свита в полном соборе окружала высокого

всадника в золотой тиаре и горностаевом плаще, гордо восседавшего на акалтегийском жеребце, как две капли воды похожем на того, которого растерзал единорог. На друзей суроно взглянули черные глаза Таргитая. Лишь в глубине зрачков затаенно плясали желтые, змеиные огоньки. Овал лица, волосы, шрам над губой — все было один к одному.

— Надо же! — раздался негромкий, насмешливый голос лжеправителя. — Наш бывший друг Конан преподносит нам новый сюрприз. Только что он затеял покушение на меня, заманив вглубь леса. Надеялся, что я погиб, и заявил сюда с моим двойником. Но мне удалось спастись и опередить его. Увы, киммериец, — двор не нуждается ни в тебе, ни в этом шуте, которого ты с собой притащил. Взять обоих!

В тот же миг Конана и Таргитая спеленали метнувшиеся со всех сторон арканы. Засада была хорошо продумана.

Глава 5. Солнце в лицо

В келье Заркума опять пахло живым духом, — если только такое слово вообще применимо к нежити, завладевшей дворцом. В камине горел колдовской огонь, по-прежнему весело скалились черепа чудовищ — собратьев демона Кантрагора, до сих пор рыскавшего где-то на задворках Вселенной, неутомимо гоняясь за Йолчи.

И змеевидное кресло опять было востребовано. И тот, кто теперь восседал на нем, к змеям имел самое прямое отношение, хотя по внешности его этого сказать было нельзя. Но как бы там ни было — в кресле сидел Кахха в облике Таргитая, а Заркум почтительно стоял рядом, хорошо сознавал, кто теперь истинный владыка Аргайма.

— Да, признаюсь честно, облик стигийца Джехути мне был куда ближе и родней, — молвил нааг. — Ну, да ничего. Я недолго буду пребывать в обличье этого презренного мальчишки. В тот знаменательный час, когда восстанет из пучин бездны Апсу великая праматерь Тиамат, я вновь приму облик наага. И тогда возродится господство моей древней расы! Можешь считать себя счастливцем, Заркум! Ты будешь почти единственным из людского рода, допущенным к Высшей Власти. Ты увидишь торжество новой цивилизации — более утонченной и разумной, нежели тот бедlam, который устроили на планете теплокровные. Это будет новый мир — но он будет таким, каким был миллионы лет назад, в эру царствия Великих Драконов.

— Да... — размечтавшись, продолжал Кахха. — Ты счастливчик, Заркум, ибо узишь зарю новой Эры Змей не как раб, но как преданный слуга, помощник и исполнитель нашей священной воли. Так будет! Так предрекли еще древние оракулы Зурхии — первого в мире государства, которое основали змеелюди!

Нааг возвел очи горе, наслаждаясь почтительным вниманием колдуна.

— В небытие канут все жалкие божки Века Людей — все эти Митры, Уту, Белы, Асуры... Новый Пантеон возглавят пробудившаяся Тиамат и ее великий сын — Сет, отец всех наагов. Им будут служить верой и правдой Нергал, Габрал, Дагот, Молох, Ваал. Надо будет подумать о расширении культа Черного Кракена, именуемого антильцами Ксотли, а также Иога, аколиты которого сохранились лишь в Дарфаре. Затем придется возродить орден

Мутари — демонов, высасывающих жизненные силы. Ну, и естественно, мы вернем к жизни древнейшие божества Ахерона, Валузии, Грондара — тех, чьи имена внушают священный трепет всем верным служителям Первородного Хаоса.

— Ради этого стоило побывать в шкуре кабана. Давно я так быстро не бегал! — воспаленные глаза Заркума пылали безумным огнем.

— Да,— усмехнулся нааг,— а затем тебе пришлось попотеть в роли жеребца-акалтегийца. Ведь не мог же я выйти из леса в обнимку с колдуном Заркумом! Хотя, признаюсь, позже мне доставило удовольствие видеть, как вытянулись физиономии у этих царедворцев, когда я объявил, что почтенный Заркум восстановлен в сане Верховного Жреца Уту. Ну, ничего — пусть привыкают. Вскоре я сброшу маску, и они увидят истинный лик своего повелителя. И для этой цели нам нужен всего один предмет — заветный Шип Тиамат. Кусок божественной плоти, древней, как сама земля, заключенной в голубой кристалл. Когда мы доберемся до заветной пещеры, где, таинственно блестая, возлежит талисман, кровь королевы и дочери правителя прольется на него — и кристалл растворится, высвободив необузданную титаническую силу!

— Да будет так! — торжественно молвил Заркум, обнажив в улыбке черные зубы. — И как же наша царственная птичка? Она уже готова к роли жертвенной гусыни?

— О, вполне! — осклабился Кахха. — Она все знает. И знаешь, как ей это удалось? В постели. В любовных усадах я не хуже человека, но она заметила одну деталь. Оказывается, у меня отсутствовал солярный знак, наколотый на груди Таргитая, К несчастью, даже если бы я знал об этом, то не смог бы изобразить его на своем теле — для меня это было бы равнозначно прикосновению раскаленного железа. Пришлось поведать ей обо всем честно и открыто.

— И что же она? — с любопытством спросил Заркум.

— Поразительная женщина! Сначала изобразила испуг, а затем согласилась продолжать игру. Как я понял, ей все равно за кого идти замуж — лишь бы надеть на голову корону. Она готова спать даже со змеем ради этого.

— Ха! Что взять с женщины, случавшейся с собакой, медведем и пардусом! — зло ухмыльнулся Заркум.

— В самом деле? Великолепно! В древней Фавнии цены бы ей не было! Ее, пожалуй, сделали бы там главной жрицей. Ну, ничего, сейчас она будет участвовать в нашей мистерии — и не менее древней. Жертвенный нож станет ее последним любовником! — Змей усмехнулся. — Кстати, как продвигаются приготовления к нашей свадьбе и предстоящей экспедиции в Страну Грифов? Помни, что мы выступаем, как только закончится торжество. К сожалению, придется двигаться обычным образом — на лошадях, с большим караваном слуг, воинов и невольников. Но иной возможности нет.

— Приготовления идут полным ходом, — заверил Кахху Заркум и, ухмыльнувшись, добавил, — Нэркес принимает в них самое деятельное участие. Ей не терпится стать королевой, а затем добраться до заветных сокровищ грифов.

— Какое рвение! — иронично заметил нааг. — Поразительно, как многие люди торопят свою смерть. Кстати о смертниках — как поживают наши бунтовщики? Казним их как можно скорее — и лучше всего в день свадьбы. Это будет мне лучшим подарком!

— Как будет угодно моему повелителю! — склонился в поклоне Заркум...

С сырого, осклизлого каменного потолка вода капала монотонно, как из клепсидры — капля за каплей. В каменный склеп, запрятанный глубоко в недрах мрачного Зиккурата Уту, не проникало ни единого луча света, ни единого постороннего звука. Лишь один раз в день — а может, два раза, а может и раз в два дня — сверху пленникам кидали обедки, которые хоть как-то поддерживали их заметно таявшие силы.

— По-моему, это конец, Конан,— прошептал Таргитай, сидевший, обхватив колени закованными в цепи руками и слепо уставившись в темноту.— Я не боюсь смерти, но не такого конца я ожидал. Я хотел погибнуть в бою, как настоящий воин. Судьба вновь посмеялась надо мной. В конце концов, мне нечего терять. Нэркес меня предала, честное имя мое втоптано в грязь проклятым змеем. Лишь об одном я жалею, Конан. Какой я был дурак — променял крепкую мужскую дружбу на злобную и хитрую бабенку! Прости меня, если сможешь.— И юноша зарылся в колени нечесаной, кудлатой головой.

Тихо звякнула цепь, и мускулистая рука грубовато потрепала правителя по плечу.

— Все в порядке, приятель! Не падай духом! Лично я считаю, что жизнь наша еще далеко не кончена. А в застенках мне томиться не впервой. Да и не всегда доводилось сидеть в такой хорошей компании. Однажды даже оказался в одной камере с кутрубом — малоприятный, надо сказать, был тип.

— Кутруб? Кто это?

— Такой волосатый детина с крыльышками за спиной. Да еще и людоед к тому же. Но я нашел с ним общий язык — а потом мы выбрались из тюрьмы и задали жару проклятым стигийцам!

— Надо же! — голос Таргитая заметно повеселел.

Конан долго рассказывал о своих приключениях. Поведал и о яростном ненасытном духе Рана Риорды — Небесной Секиры, о свинорылом демоне из Мероэ, о капризной Дайоме, ни за что не желавшей отпускать его от себя, о ристалищах Хаббы и Империум-Цирка в Луксуре, о мудром Учителе, наделившем его молниями Митры, и о своей глупости, благодаря которой он утратил бесценный дар,— об этом, и еще о многом другом.

Наконец друзья заснули, невзирая на могильный холод каменного мешка и на воду, надоедливое капанье которой могло свести с ума. Обоим снились сны.

Таргитаю снились воздушные очертания пагод Кхитая, мудрые глаза Учителя Тан У, затем Великая Степь — и Солнце, заливавшее ее необозримые просторы своим щедрым живительным светом, которого он был так долго лишен в темнице.

Перед Конаном же нескончаемой чередой проносились темные тени — зубастые, рогатые, клыкастые, с щупальцами, жалами, клешнями, когтями, жадно тянувшимися к нему. Ему снились все демоны и чудовища, которых ему довелось сразить на своем веку.

Здесь были закованные в шипастую броню ящеры Сета, уничтоженные им в Священной Роще, источавшие ядовитую слизь беспозвоночные твари из развалин Ларши и у подножия Проклятого Монолита, гигантские ползущие многоножки и удавы, летающие гарпии и гаргульи и несравнимое ни с чем, а потому особенно жуткое Багровое Око...

Казалось, варвар, рожденный в бесприютных горах Киммерии, появился на свет лишь для того, чтобы беспрестанно убивать порождения Тьмы, поддерживая тем самым Великое

Равновесие. И каждый раз, когда могучие руки Конана, крепко сжимавшие рукоять заговоренного меча или волшебной секиры, повергали в прах очередное исчадие Бездны, из широкой груди вырывалось зычным кличем имя его сурогового бога, а в последнее время и имя Митры; глаза же его поднимались к куполу неба, где сверкало животворящее око светлого божества.

Глухо застонав во сне, Конан увидел себя как бы со стороны — поднимающего руки кверху и жадно впитывающего ладонями великую солнечную силу. И вдруг он услышал гулкий неземной глас:

— Конан! Конан из Киммерии! Ты восстал средь диких скал Страны Извечной Тени! И вся твоя жизнь была наполнена стремлением к солнечному свету, которого так не доставало тебе в младенчестве! От звериных шкур и свирепых обычаев неукротимого варварства, от непосильного рабства бежал ты. Ты вырвался из плена веков, который есть ничто иное, как плен Тьмы, ибо взор твой всегда был обращен к Солнцу! Ты не из тех, кто прячет глаза от солнечного света. Однажды сбылась твоя заветная мечта, и ты был посвящен в Слуги Света. Однако ты нарушил клятву и был лишен Священного Оружия, и вместе с Даром Митры разум временно покинул твой помрачившийся мозг.

Конан! Ты по праву заслужил, чтобы вернулась к тебе заветная сила, даруемая Богом Света. Великое Равновесие пошатнулось — восстанови его! Как только глаза твои опять узрят солнце, знай — Дар Митры вернется к тебе! Используй его во благо! Но помни — если ты еще раз нарушишь главную заповедь Слуг Света и направишь свое оружие против просящего пощады — Дар навсегда покинет тебя, а вместе с ним и разум. Ты станешь безумцем до скончания дней твоих, как напоминание другим, посягающим на божественные законы! Помни об этом, Конан!

«Конан Конан Конан...» — отдавалось в его воспаленном мозгу. Прекрасные женские глаза смотрели на него с нежностью и мольбой. Глаза Белит, Дайомы, глаза Алмены, глаза Айя-Ни, Филиопы, Бортэ... И все они просили его об одном: «Помни, Конан Конан Конан...»

Нестерпимо яркий свет ударили в глаза. С хриплым криком «О, Митра!» — Конан очнулся. Несколько охранников, освещая дорогу факелами и грязно ругаясь, спускались по неровной, высеченной в камне лестнице в их темную яму.

— Сево овеф, демон? — послышался чей-то смутно знакомый голос.

Ну, конечно же, стражник хотел сказать «чего орешь, демон?» — да только многочисленные щели на месте выбитых зубов никак не позволяли ему выговорить слова нормально.

— Не пвизнал? — голос был полон злой, мстительной радости. — Ай-яй-яй! А я так обвадовався, когда ужнал, фто тебя наконеф ижловили! Я тебе, конефно, бвагодавен — ведь мне дали нагвзду жа шхватку с демоном и певевели в Авгаим — в охвану самово цавя. Но я никогда не пвощу, фто ты ифповтил мне дежувфто и лифил пововины жубов!

— Вставь себе новые, — устало посоветовал Конан. Он, конечно же, узнал трусливого стражника из Кангара. Однако мысли его были заняты другим — чудесный голос все не шел у него из головы. Неужели, это правда? И он снова будет владеть молниями Митры? Невероятно. Да нет, очевидно, все это ему просто приснилось.

— Какой ховофий шовет! — издевательски хохотнул Шепелявый. — Я обяватевно им вовповжуюфь, когда повуфю швою довю шоквовищ гвифов! Я отолью шебе шикарные жубы из жолота! Мне это обефял Ево Вевифефто жа то, фто я буду усяствовать в твоей кажни, фкотина! Ну, пофевевивайфя, демон, давай! И ты тове, двойник поганый! Сково вы умвете, и

офень неховофей смеятью!

— Ты слышал, Конан? — Таргитай встревоженно глянул на друга. — Эти ублюдки собираются за сокровищами грифов!

— Да, плохо дело, — шепнул в ответ варвар. — На самом деле им нужен Шип Тиамат — и это опасней всего!

— Слушай, Шепелявый, — обратился он к довольно хихикающему стражнику, превозмогая желание довершить дело, начатое им у кангарской караулки. — Когда же это вы за золотишком собираетесь?

— Нажывай меня Фепевяым, нажывай! — улыбнулся ему, как родному, страж. — Жато я офень шково шмогу нажвать тебя твупом. И ты им станефь задовго до тово, как мы отпавимфя жа шоквовифами! Потому фто ваш кажнят как важ певед швадьбой Ево Вевифефта и пвеквафной Нэвкэш! Это будет шафтью швадебной цевемонии!

— Заткнись! — Конана передернуло, будто слизняк заполз ему за ворот. — А иначе, клянусь Кромом, останешься и вовсе без зубов. Руки у меня пока что целы!

Шепелявый побагровел от злобы, но благоразумно промолчал, прикинув, что цепи, сковывавшие Конана, только помогут тому сдержать свою клятву перед Кромом.

— Конан! Она выйдет замуж за этого нелюдя! — в отчаянии простонал Таргитай. — Какое падение!

— Таргитай, пора тебе забыть Нэркес! — одернул его Конан. — Эта стерва, ради того чтобы сидеть на троне, не то что со змеем — с жабой переспит! Ведь спала же она со свиньей! Потому что покойного Шульгу, да упокоит Эрлик его душу, человеком я, при всем желании, назвать не могу!

— О, Уту и Папай! — горько воскликнул Таргитай. — И я любил эту женщину! Какой позор!

— Не ты первый, не ты последний, которого обманула баба! — по-своему успокоил его киммериец.

***

Киммерийца и юного правителя привели в просторное причудливое помещение, чем-то напомнившее Конану гладиаторскую арену в Халоге. В центре ее находилась круглая площадка не больше пяти-шести локтей в поперечнике, во все стороны от которой расходились, взбегая вверх, ступени-трибуны, где восседал весь двор, встретивший смертников негодящими криками.

— Публика приветствует вас, почтенные комедианты! — раздался глумливый голос мнимого Таргитая, восседавшего на резном балконе в компании Заркума и Нэркес. Красотка выглядела ослепительно. Заметив гневный взгляд, который метнул в нее юноша, она послала несчастному Таргитаю шутливый воздушный поцелуй.

Конан тяжелым взглядом обвел ряды разодетых в меха и в золото царедворцев. Окружение Хрустального Трона сильно изменилось за последнее время. На него глядели, нахально, ухмыляясь, жирные рожи продажных приспешников Шульги, которых сам Конан, с согласия Таргитая, отправлял в ссылку и изгнание. Зато исчезли его боевые друзья,

получившие высокие посты при дворе после победы. И среди стражников, густо усеивавших все промежутки между трибунами, не было ни одного кемера.

— Ты хотел знать, куда девались все твои сторонники? — вновь послышался насмешливый голос Каххи, который, как обычно, читал все мысли. — Ну, так — смотри! Головы всех присутствующих повернулись налево — и друзья последовали их примеру. В стене неожиданно разъехались створки, искусно стилизованные под камень, и перед зрителями предстало огромное, матово поблескивающее Зеркало — Сейчас достопочтенный Заркум покажет ваших друзей!

Заркум с чувством собственного достоинства раскланялся и повел рукой с зажатым в ней алым кристаллом, послав из него пучок красного огня. Едва луч коснулся поверхности зеркала, матовый сумрак рассеялся, и перед глазами присутствующих предстала восточная караванная дорога, ведущая от Главных Врат Аргайма к равнинам Гиркании. Над дорогой вились стервятники. И добыча, обычно привлекающая их, была рядом. Ее было много — дорога с обеих сторон была утыкана столбами с поперечными перекладинами, на которых застыли в смертных корчах распятые люди.

Кровь ударила в голову Конана — он узнал многих распятых, чьи лица еще не успели обезобразить клювы падальщиков. Это были молодые кемеры — темники, сотники, десятники и просто воины из Гвардии Серебряных Грифов.

«Кром! — мелькнуло в голове Конана, — не дай мне умереть такой смертью. Пусть мне выпустят кишку из брюха или размажжат голову дубиной — все лучше, чем становиться пищей стервятников и медленно изыхать под лучами палящего солнца, чувствуя свое бессилие. Все что угодно — только не это!» Какие-то смутные предчувствия шевельнулись в его душе — на миг ему показалось, что это он сам висит, безжалостно прибитый к кресту, и умирает от невыносимой жажды и зноя пустыни. Киммериец невольно вздрогнул.

— Пренеприятная смерть, не правда ли? — понимающе проговорил Кахха. — Но она вполне достойна подлых заговорщиков. Когда я выдворил тебя из Аргайма, они пытались поднять бунт, дабы свергнуть меня — законного наследника моего великого отца Колаксая! К счастью, Заркум вывел эту шайку на чистую воду. Увы, большая часть мятежников-кемеров скрылась в Рипейских горах, Но рано или поздно мы выкуrim их оттуда — и тогда уставим столбами дорогу вплоть до Кангхи и Согарии! Я изведу это племя бунтарей, так похожих на тебя, Конан! Но ты можешь не переживать — тебя и твоего дружка, чье сходство со мной я признаю бесспорным, ждет другая смерть, более изысканная... Приступайте!

И Кахха небрежно махнул рукой. Тотчас же на площадку стражники вытолкнули избитого и окровавленного юношу. Черноволосая голова его моталась из стороны в сторону.

— Этого мы приберегли на закуску! — пояснил Кахха. — Он поможет вам получить представление о том, что вас ждет впереди.

Он щелкнул пальцами. Тотчас стражники задули все факелы, кроме одного, и в зале воцарилась полутьма. Люди на трибунах замолчали, напряженно ожидая чего-то необычайного. И неожиданно площадка начала проваливаться вниз, очень плавно и медленно. Вместе с ней спускался вниз связанный по рукам и ногам юноша. И вскоре он уже с головой опустился в открывшуюся яму.

К яме торжественным шагом подошел Заркум, облаченный в переливающуюся охряную тогу. За ним шли два жреца в пышных одеяниях, и с трудом несли большое, выпуклое и прозрачное, округлое стекло. Конан обратил внимание на то, что рука одного из жрецов, просвечивая сквозь стекло, невероятным образом искажалась и казалась несуразно большой.

Странное стекло обладало непостижимой способностью увеличивать размеры предметов...

Жрецы осторожно опустили свою прозрачную ношу и, как крышкой, накрыли ею яму, где сидел злополучный пленник. Края ямы оказались вровень с кромкой стекла и те их дополнительно скрепили металлической полосой. Теперь юноша оказался, под стеклянным колпаком.

Среди публики, которая, выгнянув шеи, разглядывала происходящее внизу, раздался смех. И, действительно, подпав под увеличивающее действие стекла, обреченный юноша выглядел как нельзя более комично. Голова, уши, нос, глаза, руки, ноги — все исказилось, увеличилось до гротеска. Заунывный, леденящий душу голос Заркума моментально оборвал смешки в зале:

— О, Великий Уту! Уту Огненноокий, Уту Безжалостный, опаляющий землю своим знойным дыханием! Ты испепеляешь все живое своим божественным взглядом! Цветущие сады превращаются в выжженные пустыни, полноводные реки — в иссохшие трещины в земле, измученной жаждой! А долгими зимами покидаешь ты нас и глядишь издалека равнодушным и холодным взглядом, и нет тебе дела до страданий людей, дрожащих от лютого холода! Не гневись, о, неумолимый Уту! Дай нам теплое и влажное лето, дай нам мягкую зиму! Смилийся над недостойными рабами и прими эту жертву!

— Он молится мрачной ипостаси Уту — Уту Безжалостному,— пояснил Таргитай, с тревогой вслушиваясь в безумные слова жреца.

— Его послушать — так Солнце самого Сета не лучше,— сплюнул Конан.

— О, Конан, взгляни наверх! — неожиданно воскликнул Таргитай.

Невидимый публике хор низких мужских голосов затянул мрачную торжественную песню. В потолке образовалось отверстие, до того закрытое специальной заслонкой. Нестерпимо яркий луч солнца ударил вниз, рассекая полумрак ослепительной струей.

Конан догадался, что они находятся на самок верхнем ярусе Зиккурта Уту, в знаменитом древнем храме, о котором даже посвященные предпочитали говорить шепотом.

А луч тонким лезвием вспорол тьму и врезался точно в центр увеличительного стекла, накрывавшего яму с юношей, приговоренным к смерти. Небольшое белое пятнышко появилось на поверхности стекла и точно такое же под ним,— на голове у ничего не подозревающего человека.

Время шло мучительно медленно. Тишина на трибунах была напряженной, а хор все пел... И вдруг лицо юноши в яме перекосилось от боли. Крик обреченного огласил зал, выведенный наружу хитроумным акустическим устройством. Зал охнул — волосы на голове жертвы, в том месте, где плясало белое пятнышко, задымились. Торжественное пение все усиливалось, но звериный крик боли и ужаса перекрывал его.

Ликующие вопли взорвали толпу царедворцев. А юноша корчился, пытаясь увернуться от безжалостного луча, но, увы, это было невозможно. Слуги Тьмы умело использовали животворящие лучи Митры, обращая их во зло. Никто в зале, кроме самого Каахи и Заркума, не знал, что они присутствуют при древнейшем ритуале, который отправляли еще безумные жрецы-правители Атлантиды.

И вот уже живой факел со звериным воем метался по тесной тюрьме, а система труб, одновременно выводившая звуки наружу и питавшая огонь воздухом, наполняла храм резким запахом горелого человеческого мяса. Песнь невидимого хора достигла апогея — это был подлинный гимн разрушительному Хаосу, уничтожающему все живое. И столько мрачного злобного торжества было в этом могучем реве, и он так гармонировал с воплями горящего

заживо и криками толпы, что даже у видавшего виды киммерийца волосы встали дыбом. Голоса достигли самой высокой ноты и, слившись с криками умирающего и его мучителей, превратились в истощный вой. Заркум застыл над краем смертоносного стекла, воздев кверху костлявые руки, подобный статуе возмездия.

И вдруг вой оборвался. Жуткая тишина воцарилась в зале. Заслонка медленно закрыла щель, и луч исчез,

— Уту принял нашу жертву! — нарушил тишину замогильный голос Заркума, и храм взорвался восторженными воплями.

Конан с ненавистью глядел на оскаленные, перекошенные лица, в которых не было ничего человеческого. Он горько сожалел, что в свое время не поступил с этими раззолочеными ублюдками так же, как Кахха с кемерами. Краем глаза он заметил горящий ненавистью взгляд Таргитая, устремленный на Нэркес. Кровожадная похоть исказила ее прекрасные черты, пунцовые чувственные губки растянулись в жуткой гримасе, белые зубки скалились по-волчьи.

— Держись, друг, — ободряюще прошептал Конан. — Умрем достойно, не выказав слабости!

— Я держусь, Конан, — отвечал Таргитай, весь белый от ненависти. — Просто мне стало страшно. Потому что на месте наага, рядом с Нэркес, я увидел себя. Пусть я умру, но я до конца буду возносить благодарственные молитвы Тенгри и Папаю за то, что узрел истинный облик этой гадюки!

— Давай, двойник, пофевевивайфя! — Шепелявый, гнусно хихикнув, подтолкнул Таргитая вперед древком алебарды.

— Стой! — раздался голос Конана. — Первым туда пойду я!

— Э, нет! — прогнусавил Шепелявый. — Ево Вевифефто укажал — фнафала кажнить двойника, а пвоквятый демон пофмотрит на ево муфения!

— Пусть его казнят первым! — неожиданно раздался звонкий голосок Нэркес. — Таково мое желание! А дерзкому двойнику я дарую величайшую милость! Пусть свадьба наша состоится согласно древнему обряду — на глазах у всего двора! Прямо здесь я соединюсь с моим обожаемым государем, а все присутствующие на этой священной церемонии пусть взлянут с красивейшими из дев! И тогда Заркум принесет благодарственную жертву Уту. А двойник будет смотреть на это действие. Он так жаждал обладать моим телом — так пусть насладится этим зрелищем перед смертью!

— Отличная мысль! — восхликал Кахха. — Да будет так!

Толпа царедворцев разразилась новой волной ликования, и их восторг усилился, когда множество обнаженных стройных девушек выбежала к ним. Не теряя времени, они бросались в объятия мужчин. То же самое проделала и Нэркес. При виде того, как его суженая похотливо обвила руками поджарый торс змея, Таргитай сплюнул и смачно выругался. Он понял задумку Нэркес — лучшего способа поизмыгаться над ним перед смертью она и измыслить не могла.

Он отвернулся. Конан ободряюще кивнул ему.

— Прощай, друг! — восхликал Таргитай. Слезы блеснули у него на глазах.

Киммериец уже стоял на выехавшей наружу площадке, с которой предусмотрительно смели прах сгоревшего юноши. Светлая улыбка озарила его лицо.

— Я не прощаюсь с тобой, Таргитай! — ответил он спокойно. — Встретимся в чертогах Крома! Я не сомневаюсь, что ты тоже попадешь туда!

Площадка поехала вниз.

... Нэркес сладостно стонала, извиваясь под неутомимым Змеем. Давно она не испытывала такого наслаждения. Нааг был любовником, чьи возможности далеко превосходили человеческие, да к тому же на нее сейчас глядел и страдал этот сопляк Таргитай. А скоро предсмертные вопли Конана доведут ее до экстаза! Конечно, жаль этого мускулистого варвара — он был бы так хорош в постели. Но невелика потеря — скоро она станет королевой Сакалибы и уж тогда найдет себе тысячи неутомимых варваров-рабов, которые смогут удовлетворить ее ненасытную похоть...

Смертоносный колпак захлопнулся над головой Конана. Он увидел, как Шепелявый глумливо помахал ему рукой. Сверху слышались стоны, чмоканье, сопенье и прочие отвратительные звуки бесстыжей оргии. Затем невидимый хор завел свой заупокойный гимн, и луч солнца вновь упал на стекло. Зайчик заплясал на темени Конана. Такой на вид безобидный, резвящийся...

Конан напряг мышцы, силясь порвать путы. Жилы вздулись у него на лбу, лицо побагровело, и веревки, наконец, лопнули. Конан удовлетворенно хмыкнул: даже длительный пост и сидение в каменном мешке не смогли подорвать его титаническую силу.

Подняв руки вверх, варвар попытался высадить стекло, но это оказалось совсем не просто — оно было надежно укреплено с наружной стороны. Тогда он начал с силой бить кулаком в гладкую поверхность стекла, стараясь разбить его. Но разбил лишь костяшки пальцев. Спасения не было. Похоже, старуха-смерть, на этот раз решила серьезно взяться за киммерийца, так долго ускользавшего от ее крепких объятий.

Внезапно Конан почувствовал давно забытое, но ни с чем не сравнимое ощущение в кончиках пальцев. Луч солнца коснулся его лица, и вдруг синеватые искорки вспыхнули на его ладонях.

— О, Митра! — воскликнул Конан удивленно. Солнечное оружие вернулось к нему — сомнений не было! Луч из врага превратился в друга!

С победным рычанием киммериец поднял руки — и его ладони превратились в живую чашу, в которой завихрился, потрескивая, сине-фиолетовый огненный шар. Разящая молния сорвалась с его рук и устремилась вверх. Сноп солнечного огня коснулся смертоносного стекла — и оно попросту растаяло, не выдержав обжигающего жара Митры.

Схватившись руками за края ямы, Конан подтянулся и в мгновение ока очутился наверху. Его нападение стало для стражников полной неожиданностью. Успев заметить краешком глаза ошеломленного Таргитая, Конан играючи вырвал меч у замахнувшегося на него Шепелявого, на тупом лице которого застыло выражение недоумения и беспредельного ужаса. С приветливой улыбкой киммериец вонзил свой меч в брюхо Шепелявого и извлек обратно, таща за собой кровавые петли кишок.

— Прощай, красавчик! Ты уж смотри, перед Нергалом постараися не шепелявить! — весело прокричал Конан. — И не переживай. Раз уж ты занял мое место на Серых Равнинах — так и быть, я вместо тебя доберусь до сокровищ грифов!

Конан отпихнул обмякшее грузное тело на подскочивших к нему стражников и, пронзив мечом самого ретивого, подскочил к Таргитаю и одним взмахом окровавленного меча взрезал его путь.

— Чего встал! — гаркнул он на сбитого с толку правителя. — Давай, дерись!

Это возымело действие. Таргитай, дико взревев, столкнул лбами двух навалившихся на него солдат и, выхватив алебарду у одного из них, разрубил третьего, подбежавшего на

подмогу, почти пополам,

Искорки опять вспыхнули у пальцев Конана, и он играючи послал молнию в бегущего к нему со всех ног дюжего воина, с головы до ног закованного в агадейские латы.

Раздался звериный вопль, и труп со сквозной дырой, выжженной в доспехах и плоти, упал навзничь.

Визг и вопли ужаса раздались с трибун. Голые, встрепанные царедворцы и их подружки, обнаружив, что внизу идет отчаянная схватка, в панике кинулись к выходу из храма.

— Все вон отсюда, немедленно! — неожиданно раздался резкий голос Заркума, перекрывший несусветный шум. В его голосе явственно слышался страх. — Он владеет молниями Уту! Нет нам спасения! Бегите все!

— Спокойно! — Кахха был как всегда хладнокровен. — Найдем и на него управу! ИграТЬ с огнем опасно — и скоро он это узнает!

Рыча, Конан обернулся на ненавистный голос, поднимая ладони и готовясь поразить нелюдя солнечным оружием.

Но ни Каххи, ни Нэркес, ни Заркума уже не было в храме. До него не сразу дошло, что зал вдруг резко опустел — не только царедворцы покинули его, но и стражники бежали, повинуясь команде наага. Конан и Таргитай, неожиданно для себя, остались одни. Киммериец в пылу битвы погнался за последними вояками, отчаянно удиравшими наверх, но они успели улизнуть. Окованная железом и бронзой тяжелая дверь захлопнулась перед самым носом варвара.

Все попытки друзей выбраться наружу окончились неудачей. Из-за дверей послышался издевательский хохот наага.

— О судьбы не уйдешь, киммериец! — крикнул он, — Видно, все же предначертано тебе найти конец в этом храме!

— Захлопни свою поганую пасть... — Как бы то ни было — а сила пока что была на стороне наага.

Киммериец попытался прожечь дверь молнией, но магия почему-то не возымела действия.

— Выбраться тебе не удастся, Конан! — вновь раздался насмешливый голос Каххи. — Древние жрецы Эрлика и Уту были людьми предусмотрительными, и против их охранных чар бессильны молнии твоего жалкого божка!

Кахха замолчал, и в наступившей тишине стал различим едва слышный свист. Киммериец и юный правитель, встревожившись, начали исследовать зал в поисках источника странных звуков. И, наконец, выяснилось, что свист раздается из ямы, которая едва не стала погребальным костром Конана и Таргитая.

— Сет и Нергал! — выругался варвар, неожиданно закашлявшись.

Он догадался, что вызывало свист. Храм, где их заточили, постепенно наполнялся удушливым газом. По всей видимости, яма для сжигания жертв была соединена с трубой, питавшей газом находящийся наверху Светоч Уту.

Становилось трудно дышать. Таргитай и Конан держались руиами ва грува, рееведммую вдсвитей смесью, приступы жестокого кашля сотрясали их, на глаза наворачивались слезы. Весь зал постепенно наполнялся голубоватым, почти не различимым для глаз, газом.

— Но и это еще не все! — вновь заговорил нааг. — Вы и так задохнетесь здесь, в этом газе, но это будет слишком милосердная смерть для таких негодяев, как вы! Поэтому через несколько мгновений через трубы будетпущен огонь. О, это будет незабываемое зрелище!

Весь воздух вспыхнет — и вы в мгновение ока обратитесь в факелы, и никакие молнии не помогут! Так прощайте же, искатели приключений! Да, пожрет Отец Сет ваши душонки!

— Я ему задницу надеру, твоему Сету! — из последних сил прохрипел Конан, ударив кулаком в дверь.

И тут вспышка ярко-белого света ослепила отчаявшихся друзей.

«Конец!» — мелькнуло в головах у обоих. Сейчас ревущее пламя охватит их, и смерть поглотит их в огненных объятиях...

— Так и думал, пропадете вы тут без меня. На день нельзя одних оставить! — раздался вдруг чей-то очень знакомый ворчливый голос.

Зажмутившиеся, было, Конан и Таргитай открыли глаза, и их изумленным взорам предстал светящийся мириадами огней белый шар, повисший в воздухе перед ними. Внутри него, улыбаясь, стоял Йолчи. Протянув иссохшие руки, он крепко схватил ошеломленных Конана и Таргитая и втащил их в светящийся круг.

Новая вспышка ослепила друзей. Их закружило в вихре, уносящемся в бездны пространства и времени. Но друзья успели заметить, как столб ревущего огня вырвался из ямы, и моментально весь храм вспыхнул синим пламенем.

— Сет! — донесся до них издалека голос наага, полный ярости и отчаяния. — Проклятый старик! Он вытащил их из пекла!

— Бедный Кахха, — заметил Йолчи насмешливо. — С нами ему явно не сладить. Такой удар!

И белый сверкающий шар с захватывающей дух скоростью помчал их вглубь распахнувшейся звездной бездны по туннелю, пронзающему великую спираль Вселенной.

Часть пятая

ДУХ ОГНЯ

Глава 1. В Страну Аrimаспов

Мерцающий белый шар, вспыхнув в последний раз, рассыпался на бесчисленное множество искр, которые постепенно угасали в кристально чистом, холодном воздухе гор. Конан, Таргитай и Йолчи стояли на небольшой, покрытой бурым ковром травы площадке, козырьком выдававшейся над крутым уступом скалы. Друзья огляделись. Со всех сторон их окружали Рипейские горы — белые известняковые скалы, в расщелинах которых росли искривленные сосны; могучие хребты, похожие на огромных спящих медведей с встопорщенной шерстью темной тайги на склонах.

Горная гряда уходила далеко на север и терялась в ледяном безмолвии легендарной

Патении. Конан знал, что если долго пробираться через бескрайнюю тайгу, тянувшуюся на запад от Рипейских гор, то можно — если не попадешь на обед к диким зверям и не менее диким лесовикам-людоедам — добраться до рубежей грозной Гипербореи, с которой у киммерийца были связаны самые неприятные воспоминания. Ученые мужи древности почему-то нарекли эту проклятую страну Счастливой. Но Конан твердо знал, что счастливым там может быть лишь мертвец, да и то, если колдуны Братства Белой Руки не поднимут его из могилы.

В юности, когда Конан сражался вместе с дружиной Вулфера на северных рубежах Ванахайма и был взят в плен дружиной свирепого Рыжего Ярла, он исходил почти все ледяные пустоши западной оконечности Туранского материка. А вот те земли, что лежали на восток от Рипейских гор, до сих пор оставались для него загадкой.

— За этими хребтами раскинулась затерянная угрюмая долина, в которой живут аримаспы и грифы,— молвил Йолчи.— Это таинственное плато — цель нашего путешествия. Мы должны добраться до сокровищ грифов прежде, чем это сделают наши враги. Мы просто обязаны остановить Кахху и Заркума, а иначе грянет большая беда.

— Ну, а что же тогда мы тут забыли?— воскликнул Таргитай.— Разве ты не мог сразу доставить нас в Страну Аримаспов? С твоей-то магией?

— Увы, дети мои!— удрученно вздохнул старый волшебник.— Моя магическая сила на исходе. Я истратил ее, когда скитался по мирам нашей Вселенной, а по пятам за мной гнался демон Кантрагор, насланный Заркумом. И хотя Вселенная безгранична и в ней множество миров, мне так и не удалось от него укрыться. Проклятый колдун знал, кого послать! Я не могу уничтожить Кантрагора — ведь я не небожитель и даже не такой демон, как он. Моя магия направлена на созидание, а не на уничтожение. Единственное, что я мог — тянуть время, таская его за собой по виткам Великой Спирали. На это и ушла вся моя магия. Теперь мне понадобится довольно много времени, чтобы восстановить силы. Если бы мне не пришлось выручать вас обоих, меня хватило бы еще на одну телепортацию, и тогда я бы смог добраться до подземелий грифов. Честно говоря, я не ожидал, что нааг запрет вас в такой ловушке, из которой не способно вызволить даже твое Оружие, Конан. Коварная bestия, что ни говори! Ну что ж, мы тоже не лыком шиты!

— Так ты обо всем этом знаешь? И о даре Митры, вернувшемся ко мне?— удивился киммериец.

— Видишь ли, Конан, я спасал вас не одного человеколюбия ради. Были у меня и свои интересы. Я знал, что к тебе вернулись молнии Уту, и решил использовать это себе во благо. Так что, готовься к схватке!— И стариk на удивление проворно отскочил от недоумевающего киммерийца локтей на пять.

Йолчи поступил на редкость предусмотрительно, потому что не успел он договорить, как еще одна вспышка сотрясла округу, и зеленый шар, немного похожий на белый, которым пользовался Йолчи, застыл над горным выступом. Из шара выскоцил хорошо знакомый Конану пятиглазый демон и бесцеремонно облапал его своими корявыми ручищами. Судя по всему, он запомнил Конана с прошлой, отнюдь не самой теплой встречи, или же, попросту, сгоряча перепутал его с Йолчи, Как бы там ни было, тело киммерийца пронзила невыносимая боль. Ядовитая слизь обожгла его кожу похлеще солнечного луча, пропущенного через увеличительное стекло.

Конан изо всех сил пытался вырваться из страстных объятий Кантрагора и, похоже, неворотливый демон догадался, что напал не на того. Он отбросил Конана, как надоевшую

игрушку, и, издав жуткий вопль, ринулся прямо на Йолчи.

Демон швырнул Конана так сильно, что тот упал на самый край выступа, и, не удержавшись, покатился вниз. Еще мгновение — и он полетит с огромной высоты. Таргитай метнулся к Конану и успел схватить его ногу.

Конан болтался вниз головой над необъятной бездной. Где-то далеко внизу блестела на солнце синеватая ленточка — горная река, текущая по дну ущелья. Судьба варвара была в руках Таргитая. Надолго ли хватит сил изможденному заключением юноше удерживать такого тяжелого мужчину, каким был Конан в свои тридцать два года? Сам Конан был не в том состоянии, чтобы размышлять на такие темы, однако, в его голове мелькнула мысль о смерти.

Молодой правитель обеими руками вцепился в ногу киммерийца и распластался на краю обрыва, рискуя в любой момент полететь в пропасть вслед за другом. Казалось, жилы Таргитая не выдержат такой нагрузки и вот-вот лопнут. Он прямо-таки слился с землей каждой клеточкой своего тела, присосался к ней, стараясь почерпнуть у нее хотя бы толику ее могучей силы.

Тем временем ужасный демон все ближе и ближе подступал к Йолчи, прижимая его к скале. На счастье Конана и Таргитая, тварь так увлеклась своей целью, что не обращала на них никакого внимания.

Внезапно Таргитай почувствовал, что нога Конана начала потихоньку выскользывать из его взмокших ладоней. Отчаянно закричав, юноша изо всех сил рванул Конана назад, и случилось чудо — Таргитай почти вытянул варвара из пропасти. Как только ноги киммерийца оказались над кромкой обрыва, он извернулся и ухватился за Таргитая руками. Последний отчаянный рывок — и Конан был уже вне опасности. Времени на благодарности не было, Конан мгновенно вскочил на ноги, ощущая прилив сил, троекратно усиленный охватившей его яростью. Ну, сейчас он задаст этому шипастому оглоеду! Голубые искорки весело затрещали вокруг пальцев, собираясь в огненный шар. Как приятно вновь испытывать это ощущение! Набрав в мощную грудь побольше воздуха, Конан проревел боевой киммерийский клич и пустил в гребенчатую спину демона молнию.

Дикий крик боли многократным эхом отозвался в пиках Рипейских гор. Казавшийся неуязвимым демон пошатнулся. В его спине зияла огромная рваная рана, из которой хлестал отвратительный, зловонный ихор. Но Контрагор был еще жив. Он повернулся и медленно пошел на киммерийца.

Конан пустил новую молнию, и она навсегда потушила кровавый свет пяти алчных глазищ твари и заодно снесла ему пол-башки. Жалобно завывая, Кантрагор вертелся волчком на одном месте и истекал зеленоватой жижей, вместе с которой из его несурзного тела выходила жизнь. А охваченный азартом киммериец посыпал все новые и новые молнии в издыхающую тварь, пока на ее месте не осталась дымиться кучка пепла.

Конан издал возглас ликования и, повернувшись в сторону Аргаима, торжествующе прокричал:

— Ну, что, надрал я задницу твоему демону, а?

— Как хорошо, что демон не умеет просить пощады! — промолвил Йолчи, снисходительно поглядывая на веселящегося киммерийца.

— Ты-то уж помолчал бы! — огрызнулся Конан, понемногу приходя в себя. — Подставил меня этому вонючему варану, а теперь смеется!

— Ну, не сердись, Конан, не сердись! — Йолчи похлопал его по могучему плечу. —

Надеюсь, ты не будешь на меня в обиде, если узнаешь, что Оружие Митры вернулось к тебе только благодаря моей ... хм, если так можно выразиться, протекции.

— Что-что? — Конан в недоумении поглядел на Йолчи.

— Именно так, мой горячий варвар! Бог Солнца Уту, он же Митра, он же Ра, и так далее, был очень сердит на тебя. Я с большим трудом убедил его вернуть тебе власть над молниями. В конце концов, он сдался, но серьезно предупредил, что не собирается во второй раз возвращать тебе рассудок. Мне пришлось за тебя поручиться.

— Так вот оно что! — протянул Конан. Он пристально поглядел на посмеивающегося кудесника. — Кто ты, Йолчи? — тихо спросил он. — Бог? Дух?

— Да нет, Конан, — ответил Йолчи, продолжая улыбаться, — я и не бог и не дух, хотя, пожалуй, ближе к последнему. Мне трудно объяснить тебе, кто я такой на самом деле. Придет время — и вы все узнаете, юноши! А пока считайте меня духовным наставником молодых героев, сражающихся с силами Зла. Можете называть меня Учителем, если это вас не обидит.

— Учитель? — переспросил Таргитай. — Так ты такой же, как Тан У?

Йолчи ласково посмотрел на юношу и кивнул.

— Ты можешь считать меня подобным ему, мой мальчик! Твой Учитель безвременно покинул тебя, но я пришел заменить его!

— Так вот почему ты мне его так сильно напоминаешь? — спросил Таргитай.

— Должно быть, так. Все Учителя похожи друг на друга. Не так ли, Конан? Ведь в твоей жизни тоже был Учитель?

— Да, — кивнул киммериец и помрачнел. — Он помог мне стать слугой Митры. К сожалению, я не оправдал его доверия.

— Не казни себя за это! — мягко сказал Йолчи. — И не сомневайся — мое доверие ты оправдаешь!

***

Процессия из трех человек — старец в одежде из лоскутов, увешанной всевозможными амулетами, и два высоких, молодых мужчины — двигалась по едва заметной тропе. Это была древняя потаенная тропа — так называемая дорога Пегого Быка, по которой поколения отчаянных смельчаков пробирались в загадочную Страну Аrimаспов. Тропинка петляла меж могучих стволов вековых елей — вершины которых, как мачты, уходили в серое облачное небо, а корни намертво вросли в склоны древних кряжей — и меж белоснежных берез, кроны которых уже позолотила ранняя северная осень.

Древняя тропа, ведущая к сказочным богатствам, была абсолютно безлюдной. Иногда Конану удавалось подстрелить неосторожную косулю или зазевавшегося зайца, который, обнаглев, выскакивал перед самым носом. Тут же, не отходя от тропы, служившей странникам путеводной нитью, они свежевали добычу, разводили костер, готовили и ели пищу, а затем отдыхали. Ночи были холодные, и к утру брови и ресницы Конана и Таргитая покрывались инеем, а роскошная седая борода Йолчи превращалась в сосульку.

Край был дик, суров и красив — особенной северной красотой. Нависавшие над тропой

могучие ели и сосны, казалось, нашептывали древние саги о могучих богатырях, чьи могилы путники встречали на перевалах, о неведомых существах, таящихся в дебрях леса, о первобытных охотниках, крадущихся в глухой чащобе, сжимая в руках каменные топоры... Однажды Конану почудилось, что в локтях ста пятидесяти от них на тропе стоит обросший человек в звериных шкурах с копьем в руках и пристально смотрит на путешественников. Однако не успел Конан моргнуть, как дикарь исчез — будто растворился в воздухе. Недоумевая, киммериец оглянулся на спутников и по их напряженным лицам сразу понял, что это был не мираж.

Больше им дикии не встречались, но с того случая руки Конана и Таргитая все время лежали на рукоятях мечей — они постоянно чувствовали, что из дебрей за ними следят маленькие, свирепые глазки.

— Копыта Нергала! — вполголоса ругался Конан, окидывая зорким взглядом замершие в тревожном молчании окрестности. — Эти лесовики хуже пиктов! Те бы уже давно с воплями выпрыгнули на нас из-за деревьев! А эти, видно, хотят взять нас измором!

— Жители тайги не тронут нас, — заверил друзей Йолчи, — им не впервые встречать на своих землях пришельцев с юга. Местные дикии стараются не показываться на глаза, их пугает все, что лежит за пределами этих дремучих лесов. Хотя в бою они бывают свирепы. И уж если отряды работников из Страны Городов находят их таежные становища — дикии защищают свою свободу с яростью волков.

— Что ж, их можно понять! — заметил Конан. — Набеги работников — главная беда всех северных варваров. Клянусь Кромом, на свете нет ничего хуже рабства! Разве только — колдовство.

— А по мне — все едино! — отозвался Таргитай. — Я рос в Китае и всего этого насмотрелся досыта! Нет рабства более жестокого, чем в Китае, и нет более злобных колдунов, чем маги Алого Кольца! Но больше всего я не люблю в китайцах — надменность. Жители Яшмового Государства свято верят в то, что лишь они — настоящие люди. Остальные для них грубые варвары, животные, годные лишь на то, чтобы сидеть в неволе у настоящих людей или же платить им дань.

— Жизнь всем воздает по заслугам, — заметил Йолчи. — В истории были случаи, когда варвары заставляли надменных и напыщенных горожан платить дань. Не за горами тот день, когда на Священный Нефритовый Престол взойдет грубый и свирепый дикарь, который попрет все устои «незыблемого» Срединного Государства ногами, обутыми в сапоги из невыделанной бычьей кожи. А кичливым китайцам, как последним рабам, придется пасти на своих рисовых полях табуны косматых лошадей невежественных пришельцев. Да и аколитам Алого Кольца недолго осталось держать в страхе весь Восток. Найдется и на них управа, — загадочно молвил Йолчи и почему-то взглянул на Конана. Глаза его сияли живым солнечным светом. — И такое будет случаться всякий раз, когда жители цивилизованных стран слишком пресытятся, ослабнут в бесчисленных оргиях и захлебнутся в своей дикой бесмысленной жестокости по отношению к другим людям, которых они держат за скотов! Такова высшая справедливость! Раззолоченные тираны рухнут под копытами варварских коней, но через какое-то время появятся вновь и будут царить, пока разжиревших завоевателей не повергнут в прах новые орды — более сильные, дикие и голодные. Колесо истории не остановить, но ступицы его всякий раз возвращаются на прежнее место. Ничто не ново на этом свете, ничто!

— Не знаю, как другие страны, но вот Китай точно заслужил такую участь! — горячо

воскликнул юноша.— Слишком уж бесчеловечны его законы. И их слишком много! Слишком много чиновников, которые указывают, как есть, как пить, как спать, как заниматься любовью и рожать детей, как сеять рис и как его собирать, во что одеваться, какие петь песни... Вдобавок ко всему, им еще надо платить за каждый шаг. Едешь в другой город — плати за отпускное свидетельство, за свидетельство об уплате налогов, за подорожное свидетельство и за свидетельство о въезде! Женишься — плати налог за свадьбу, налог за первую брачную ночь, за свидетельство о вводе в семью нового человека! Ну, и так далее! Вздохнуть нельзя свободно! А не уплатишь все эти поборы в установленный срок — плати штраф, да еще и бамбуковыми палками по пяткам угостят! А потом еще придется давать взятку чиновнику, чтобы он разрешил уплатить налоги во внеурочное время! Иначе — в долговую яму! А ведь есть еще и налоги в казну Императора, в казну монастырей и храмов! Потому-то крестьяне в Поднебесной и шатаются как былинки на ветру! А случись война — сколько семей по миру пойдут! Родители собственоручно продают маленьких девочек и мальчиков в публичные дома, чтобы дети не умерли с голоду! Нет, что ни говори, в моем государстве — все не так, Здесь больше свободы! Здесь почти так же, как в Великой Гирканской степи, где все люди — вольные как ветер! Хорошая здесь страна!

— И станет еще лучше, если очистить ее от всякого дерья! — добавил Конан.

— Да, ты прав! — согласился Таргитай, — Но мы справимся с этим, я уверен! И когда я вновь взойду на Хрустальный Престол, я постараюсь искоренить все зло в моем государстве! И уж никогда не подпушу к себе таких женщин, как Нэркес! — И правитель выразительно сплюнул. — Как я тебе завидую, Конан! — доверительно продолжал он. — В женщинах ты разбираешься гораздо лучше, чем я! У тебя есть Бортэ — преданная и самоотверженная. Она всегда будет ждать тебя!

— Ждать-то она будет, это точно, — неожиданно, опечалившись, пробормотал киммериец. — Но я заставляю ее ждать слишком долго! Как она без меня? Где она теперь-то? Где ее искать?

— Зачем искать то, что само идет в руки! — раздался звонкий, девичий голос.

— Бортэ! — Конан не поверил своим глазам, когда из-за елей вышла его возлюбленная — улыбающаяся, разрумянившаяся от долгой быстрой ходьбы на горном воздухе, и все такая же красивая в своей охотничьею одежде. Бортэ появилась не одна. С ней пришли кемеры, скрывавшиеся в горах от наага, беззлобно ворчащая что-то себе под нос старая Мохира и Сайдхан, нервно теребивший свою изрядно поредевшую бороденку.

— Я же сказал — ждать меня в караван-сарае! — шутливо насупив брови, прорычал Конан.

— Ты же знаешь я не из тех, кто ждет у моря погоды — воскликнула Бортэ, бросившись киммерийцу на шею, и Конан ощутил полузыбкий вкус ее свежих губ...

***

... В такои большой компании идти в Страну Аrimаспов стало гораздо веселее.

Бортэ поведала Конану и его друзьям свою историю.

После отъезда Конана она трое суток провела в обществе Сайдхана, который был

наповал сражен ее красотой и отнюдь не выказывал неудовольствия по поводу затянувшегося ареста.

А вот Борта смертельно устала от его многочисленных комплиментов и славословий.

— Рекомендую вам этого старца в качестве придворного менестреля, Ваше Величество, шутливо заявила Бортэ Таргитаю.— В последние сутки нашего пребывания в караван-сарае в нем внезапно проснулся поэтический дар.

— Исключительно благодаря вам, моя госпожа, сияющая подобно утренней звезде,— пробормотал тот, глядя на девушку влюбленными глазами. Свои чувства он проявлял так наивно и откровенно, что кемеры начали переглядываться и подмигивать другу. Конан погрозил Сайдхану кулаком, после чего старик заметно присмирел.

— И вот так все время,— со смехом пожаловалась Конану Бортэ.— Под конец я не выдержала, и чуть было не послала Сайдхана на все четыре стороны, но сдержалась, помня о твоем наказе не отпускать его. Да и разве бы он ушел, этот прилипала? Как только я узнала, что ты попал в плен, я поспешила в Аргаим, и Сайдхан увязался за мной. В предместьях Аргаима я стала свидетельницей бойни, которую устроили в племени кемеров Аб-Сабал, Кахха и Заркум.

— Гвардии Серебряных Грифов больше не существует, Конан,— подтвердил ее слова пожилой, покрытый шрамами воин по имени Кайрат Одноглазый, судя по всему, он был вожаком в отряде спасшихся кемеров.— Впрочем, славного племени кемеров тоже почти не существует. Весь цвет нашего народа истреблен злодеями. К счастью, почти половине наших удалось избежать гибели и сейчас они скитаются по тайге и горам. Многие из них решили навсегда покинуть эту землю. Она оказалась такой негостеприимной! Они ушли на восток, в Загорье, в дикие степи и леса скать лучшую долю и новую родину. То, что случилось с народом,— ужасно. Теперь-то мы знаем, что вы, Ваше Величество, сами стали жертвой подлой измены, но в те черные дни ваше имя стало бранным словом в устах кемеров. Простите меня за откровенность, но теперь вас в народе кличут не иначе, как правитель-предатель. Вас проклинают за то, что вы жестоко извели отважное племя, без помощи которого вам никогда бы не удалось взойти на естол, и за то, что вы предали память отца, матери и ей, приблизив к себе их убийцу — Заркума. Если бы люди знали, чьих это рук дело! Мне очень жаль!

— Ничего, ничего, — успокоил его Таргитай и опечаленный обратился к Конану: — Я же говорил, что нааг втоптал моё добро имя в грязь!

— Измена, государь, страшная измена! — закивал Кайрат.— Но я и мои люди — верны вам! Вы можете во всем на меня положиться! В молодости — когда был поотчаянее — я не раз путешествовал в Страну Аrimаспов. Так что смогу найти общий язык с великими!

— А это правда, что они одноглазые? — полюбопытствовал Таргитай,

— Вранье, Ваше Величество, — ухмыльнулся Кайрат.— У них два глаза, как у обычных людей. А сказка про то, что у них только один глаз, да и тот во лбу, пошла от того, что они одевают на голову специальные повязки, на которые крепят фонарики. Этими фонариками они светят себе, когда спускаются в подземелья сражаться с грифами.

— И какие же они из себя, эти грифы? — поинтересовался Конан.— Ведь я всегда считал, что грифы — обычные стервятники.

— Э, нет, Конан, — Кайрат энергично замотал головой, — не путай тупых пожирателей падали с древними чудовищами, живущими в горных и подземных пещерах Страны Аrimаспов и вылетающими на поверхность земли только по ночам. Рипейские грифы —

удивительные существа! У них тело льва, а крылья, шея и голова — птичье. Они прекрасно видят в темноте. Но самое главное — грифы безмолвны! Именно это и вызывает жуткий страх! Ладно, если б они рычали, визжали или ревели, так нет. Даже нападая на врага, грифы хранят гробовое молчание... — торжественно и мрачно закончил свой рассказ Одноглазый.

— Добавьте к этому еще то, что они дети не нашего мира, — заметил Йолчи. — Когда-то в незапамятные времена, еще до Великого Потопа, неземные существа, которых обычно называют Богами Высших Сфер, привезли с собой эти молчаливые создания, идеально подходящие на роль цепных псов. С тех пор грифы свято блюдут заветы Высоких Богов, охраняя и постоянно приумножая их несметные богатства. В их подземельях есть нечто особенно ценное — то, что грифы стерегут как зеницу ока, то, что дороже, чем все золото, добываемое ими в недрах гор и в подземных золотоносных реках, уходящих в бездну Апсу. Самое великое сокровище грифов — Шип Тиамат.

***

— Они опережают нас примерно на полдня пути, — доложил военачальник Аб-Сабал, подъехав к Каххе, восседавшему в роскошном паланкине.

Четыре неутомимых раба-аргиппея несли его во главе большой процессии, продвигавшейся по дороге Пегого Быка. Рядом, завернувшись в одеяло, подбитое рысым мехом, мирно посапывала законная супруга Кахха и, милостью Уту, королева Сакалибы — прекрасная Нэркес.

С недавнего времени при королевском дворе вошел в моду рысий мех. А некоторые, наиболее ретивые придворные, уже сделали заказы златокузнецам на инкрустацию доспехов и эфэсов мечей змеиным орнаментом. Культ Отца-Змея постепенно проникал в Страну Городов, отравляя сознание и души людей.

— А могу ли я доверять твоим сведениям? — вкрадчиво спросил нааг.

Аб-Сабал проглотил комок, застрявший в горле. За последние две седмицы молодой правитель сильно изменился. Власть, конечно, всех портит, но вот отец его таким не был. Очевидно, все из-за Заркума. А ведь пол-луны назад никто себе такого и представить не мог. Как только Таргитая угораздило приблизить к себе подлого чародея, который убил всю его семью? Колдовство, не иначе. А началось все с изгнания Конана из дворца. Впрочем, об этом Аб-Сабал не особо любил вспоминать, так как сам возвысился лишь благодаря той неприятной ночи. Аб-Сабал угодливо улыбнулся и ответил:

— Сведения абсолютно надежны, мой государь! Их регулярно доставляют наши лазутчики-аргиппеи. Они быстро нашли общий язык со своими местными соплеменниками из тайги, и теперь за бунтовщиками ведется неусыпное наблюдение.

— Ну что ж, прекрасно! — Нааг задумался.

— Что будем делать, Ваше Величество? — вежливо прервал его размыппление Аб-Сабал.

— Прикажете догонять?

— Нет, не стоит. Мы придумаем кое-что получше. Сейчас пришли ко мне Заркума. А твои люди пусть продолжают наблюдение.

— Будет исполнено! — и низко склонив голову, военачальник развернул коня и поскакал

прочь от наага, на губах которого играла зловещая усмешка.

— Мы обгоним их, глупый человечишко! Обязательно, обгоним! — произнес он и потрепал своей шершавой, унизанной дорогими перстнями рукой бархатистую щеку сладко спавшей Нэркес.

***

По мере продвижения на северо-восток местность, окружавшая дорогу Пегого Быка, менялась на глазах. Тайга заметно поредела, ее сменили негостеприимные пустоши, заваленные грудами камней, меж которыми росли низенькие, искривленные деревца. Горы тоже изменились. Все чаще попадались неприступные утесы, подавлявшие своим угрюмым величием.

— Мы уже совсем близко! — заявил Кайрат. — Скоро увидите знаменитых великанов!

Путники заметно волновались — еще никому из них, за исключением Кайрата и пары кемеров, не доводилось бывать в загадочной, приводившей в ужас, Стране Аrimаспов, известных своим суровым нравом. Спокойствие сохраняли лишь Кайрат, Йолчи и старая Мохира, которую соплеменники и внучка почти силком увезли с собой из Аргайма, где ей грозило заключение в подземельях Зиккурата Уту или даже страшная смерть в храме Уту Безжалостного. Похоже, бойкая старуха совсем ничего не боялась и, беззвучно шевеля губами, быстро перебирала связку амулетов из медвежьих и волчьих зубов. Глядя на нее, и у остальных появлялось желание не поддаваться страху. Однако волновались все — и Таргитай и даже киммериец, умело скрывавший свои чувства за каменной маской суровости.

Путники шли в напряженной тишине. Наконец они поднялись на крутой утес, за которым, по словам Кайрата, начинались владения аrimаспов, и их глазам открылось потрясающее зрелище.

По краю огромного каменистого плато, со всех сторон окруженного неприступными скалами, в багряных лучах заходящего солнца медленно шествовала величественная процессия исполинов, одетых в звериные шкуры. Аrimаспы шли вперевалку, тяжело ступая огромными ногами, обутыми в несуразные сапоги.

Вероятно, на каждую пару ушла целая лосиная или оленья шкура. Хотя вереница великанов двигалась на значительном отдалении от остолбеневших путников, им были хорошо видны огромные мышцы, перекатывавшиеся под грубой дубленой кожей, крупные черты мрачных лиц, большие, близко посаженные глаза, поблескивавшие из-под лохматых бровей. На низкие лбы исполинов были надеты кожаные повязки, в центре которых ярким беловато-желтым светом горели круглые фонари. Точь-в-точь, как рассказывал Кайрат. Издалека действительно могло показаться, что во лбу великана зловеще горит всего один глаз.

Несмотря на то, что все исполины были почти в два раза выше Конана, шли они с трудом, сгибаясь под тяжестью огромных, сшитых из шкур мешков, туда набитых чем-то твердым и увесистым. Шествие замыкали аrimаспы, которые несли большущие носилки, сделанные из стволов деревьев. На носилках лежали огромные, прикрытые шкурами окровавленные тела. Ветер донес до путников низкий стон, подобный раскату грома и

исполненный неподдельного человеческого страдания.

— Они возвращаются с добычей из подземелий грифов,— прошептал Кайрат, провожая взглядом удаляющееся шествие гигантов.— Сегодня они взяли большую добычу. Если бы мы были настоящими купцами, то могли сорвать неплохой куш на торговле с ними.

— А если вы не купцы, то кто же?— низкий, раскатистый бас проревел гирканские слова почти без акцента.

Все мгновенно повернули головы на голос и увидели гиганта, который спокойно разглядывал пришельцев, сложив мощные руки на необъятной груди. На поясе аrimаспа висел огромный тесак.

— Меня зовут Агбал,— пророкотал аrimасп,— и мне бы хотелось знать, кто вы и зачем явились в наш край, если не собираетесь с нами торговать?

Руки Конана и Таргитая невольно потянулись к мечам, но Йолчи вышел вперед и мягко остановил их. Волшебник, смело подошел вплотную к великанию — на фоне гиганта он казался ребенком с накладной седой бородой — и сделал странный знак в воздухе. Внимательно наблюдавший за его манипуляциями, Агбал преобразился. Почтительно наклонив голову, он повторил знак, сотворенный старцем, и не без уважения в голосе проговорил:

— Прошу вас следовать за мной, мудрый старик и его спутники. Человеку, который *помнит*, всегда будет оказан, теплый прием в нашей стране...

***

— Они уже в Стране Аrimаспов, мой дорогой Заркум,— промолвил Кахха.

Он вальяжно развалился на медвежьих и рысьих шкурах, разостленных на поляне. Отхлебнув из ряного фиала терпкой араки, которая, хоть немного, но согревала его вечно холодную кровь, нааг продолжил свою беседу с колдуном, сидевшим у него в ногах.

— Проклятые бунтари опередили нас — во всяком случае, в этом меня заверял наш туповатый вояка Аб-Сабал. Но теперь настало время нам опередить их. Где твой мегакситар?

— Он готов!— произнес Заркум срывающимся голосом.

— Разводи костер!— сухо приказал Кахха.— И кликни эту распутницу! Она побежала в лес собирать дурман-траву. Она жить без нее не может, совсем как аргиппейские шаманы. Приведи ее сюда. Мы должны прибыть на место втроем.

— А как же быть с рабами, воинами, лошадьми, свитой?— недоуменно спросил колдун.
— Мы оставим их здесь?

— Да, они будут ждать здесь,— ухмыльнулся Кахха,— но не нас, а второй вселенской катастрофы. Я больше не нуждаюсь в людях. Как только Шип Тиамат окажется в моих руках, я обрету поддержку сил, могущество которых нельзя сравнить ни с чем. А за этот мусор из плоти и крови ты не переживай — я сам им займусь! Выполняй мой приказ!

Колдун бросился исполнять поручение, а Кахха встал и резко свистнул, подзывая к себе людей, расположившихся на отдых. Когда все — придворные, принявшие участие в экспедиции, воины во главе с Аб-Сабалом, невольники и даже повара — были в сборе, Лжетаргитай обратился к ним с краткой, но выразительной речью:

— Мои дорогие подданные! — молвил нааг со снисходительной улыбкой. — Я хочу поблагодарить вас за преданность мне, и за рвение, которое вы проявляли на протяжении этого многотрудного путешествия. Я хочу сделать вам небольшой подарок. Надеюсь, он порадует вас, И помните, когда мы доберемся до Страны Аrimаспов, вам достанется гораздо больше сокровищ, чем сейчас! Держите же! — и, размахнувшись, нааг швырнул в толпу горсть ярких самоцветов, совсем недавно украшавших его змеиную корону.

Дикий вопль радости прогремел над лесом и, забыв о правилах хорошего тона и сословиях, их разделявших, люди, ругаясь и сталкиваясь лбами, начали ползать по поляне, лихорадочно собирая щедрые дары управителя». Нааг с иронической усмешкой наблюдал за сценой торжества человеческой алчности.

Но вот, постепенно, движение на поляне стало стихать. Каждому досталось хотя бы по одному драгоценному камню. Их хватило на всех, как и рассчитывал коварный Змей. Лесная поляна представляла собой великолепный скульптурный ансамбль — группу людей, замерших в различных позах и переливавшихся синими, зелеными и красными огнями. Особенно живописен был сапфировый Аб-Сабал, застывший на четвереньках и недоуменно разглядывавший камень, подаривший ему столь странную смерть.

— Великолепно! — восхитилась Нэркес, которую Заркум привел из леса. — Какая красивая смерть!

— Да, — согласился нааг, пристально глядя ей в глаза, — но не всем сужено умереть так. Что ж, начнем. Жаль, что лошадей не интересуют драгоценности, но зато лошади интересуют волков и медведей. Ну, и Сет с ними!

Языки магического костра поднимались высоко в небо, и его сполохи отражались в драгоценных статуях. Нааг уверенно швырнул в огонь большую горсть волшебного порошка. Два-три свистящих слова — и пламя взметнулось почти до деревьев, разорвав тьму и открыв взгляду величественную серую скалу.

— В этой скале находится потайной ход, ведущий прямо в подземелья грифов! — торжественно молвил Кахха. — Пока киммерийский ублюдок и его дружки будут наслаждаться гостеприимством аримаспов, мы уже доберемся до заветной цели. — И нааг уверенно вступил в поглотившее его зеленое пламя.

Нэркес, впервые присутствовавшая при этой сцене, вскрикнула, но уже через мгновение расширенными от изумления глазами узрела маленькую фигурку Змея, стоявшего у подножия неприступной скалы. Ои сделал несколько пассов в воздухе, и каменная твердыня, задрожав, стала расходиться в стороны, обнажая чернеющее пятно лаза.

— Вот это мастерство! — искренне восхитился Заркум. — Никакой крови девственниц, никакой мандрагоры! Повел руками — и все! Воистину, это великая раса! Последуем же за нашим властелином! — фанатично воскликнул он и, толкнув обомлевшую Нэркес в костер, прыгнул за нею.

Вскоре, исчезнув в недрах древней скалы, троица направилась к заветному талисману, а на поляне остались лишь зеленоватые угольки, таинственно мерцавшие среди окаменевших людей...

Кахха, Заркум и Нэркес шли по узкому, утыканному сталактитами и сталагмитами тоннелю, в незапамятные времена вырубленному неведомо кем в чреве скалы. Путь им освещал небольшой круглый шар, который Кахха выпустил из своей ладони, он плыл впереди по воздуху и рассеивал тьму ярким ровным голубоватым светом. Не только слуги Митры обладали даром разить врага с помощью небесного огня, древние нааги тоже использовали молнии, так называемые «Стрелы Сета». Но Кахха прекрасно знал, что это оружие не может противостоять мощи Великого Бога Света, ведь не без помощи священных молний Митры в древности был побежден сам Змеебог.

С прочими же существами — разумными, вооруженными копьями и мечами, или животными, с клыками, когтями и чешуей — «Стрелы Сета» могли легко справиться, даже жуткие безмолвные стражи мрачных подземелий, с которыми им суждено было встретиться в самом скором времени, не пугали их.

Но нааг был уверен, что «Стрелы Сета» окажутся ненужными. Достаточно будет показаться грифам в его подлинном обличье и с короной на голове. Хотя в ней и, поубавилось камней, но сверкала она по-прежнему ярко и излучала ауру древней власти змеевлюдей. Грифы покорятся ему, он в этом не сомневался. Им тоже известно древнее Зурийское Предсказание...

***

К рассвету следующего дня Агбал привел отряд Таргитая в поселение аrimаспов. Оно представляло собой беспорядочное скопление огромных башен из гигантских валунов, не скрепленных каким-либо раствором, но положенных вплотную друг к другу без единого зазора. На высоте примерно семи локтей виднелись бесформенные провалы окон-бойниц. В каждом таком доме можно было запросто выдержать длительную осаду. Конан обратил внимание, что крыши всех башен густо утыканы заостренными железными штырями, грозно смотрящими в небо в ожидании атаки тех, против кого они были поставлены,— Грифов. Поселение великанов буквально дышало войной, которая не прекращалась уже несколько тысяч лет.

В центре этого угрюмого поселка-крепости находилось некоторое подобие площади, на которой возвышался грандиозный алтарь, сооруженный из базальтовой плиты на трех массивных каменных основаниях. По ребру плиты змеился затейливый орнамент, глубоко врезанный в камень. Высокое мастерство, с которым он был выполнен, заставляло думать, что его создали не аrimаспы, грубый, примитивный быт которых отрицал саму идею искусства. В хитроумном переплетении узора глаз Конана уловил один мотив, повторяющийся с назойливым постоянством. Это была эмблема, не поддающаяся описанию, не похожая ни на один символ цивилизованных или варварских народов, таинственная, пугающая и завораживающая, обладающая некой притягательной силой. Удивительная эмблема немо свидетельствовала о непостижимой глубине, бесконечности, о неисчислимых веках, уходящих во тьму времен, когда человек был юн, и иные боги повелевали им...

Киммериец мучительно вспоминал, где же он мог видеть этот удивительный символы.

Он знал его, точно знал! И с чем-то это его знание было связано: с одной стороны — с его прошлым, а с другой — с недавними действиями Йолчи.

Ну, конечно же! Именно такой знак волшебник начертил в воздухе перед Агбалом, а затем тот почтительно склонился перед стариком и назвал его тем, кто помнит... Кром! Да это же... Конан уловил устремленный на него проницательный взгляд Йолчи.

— Ты тоже знаешь, сын мой! — угадав его мысли, молвил старый кудесник.— Да, это символ Джеббала Сага — великого божества седой древности, которому поклонялись когда-то все: звери, птицы, люди, нелюди... Все, кроме наагов и грифов.

— О, Кром! — не удержавшись, воскликнул Конан.— Я слышал об этом божестве! Ну да, конечно же!

В голове его мгновенно промелькнули картины десятилетней давности: Заповедная роща в Пустошах Пиктов, недалеко от зингарской границы, могучий волк-проводник с разумным взглядом, который привел его и Сантидио к лесному обиталищу дриады Дестандази — служительницы древнейшего из культов; стая летучих мышей из числа тех, кто *помнит*, они помогли ему тогда справиться с ожившими каменными воинами короля Калениуса...

Были еще случаи в его жизни, когда случайный намек на то, чему поклонялись Древние, будоражил память, наполняя ее смутными видениями, выплывавшими из глубин подсознания... Вожак вендийских слонов, поклонявшийся символу, выбитому на плитах разрушенного забытого храма в глубине джунглей, загадочный черный музыкант с берегов Зархебы... Культ Джеббала Сага — таинственный и старый, как и сам мир.

— Аrimаспы до сих пор поклоняются Сагу. Это их верховное и единственное божество, — прошептал Йолчи.— Ради Джеббала они проведут нас к Тому, кто поможет нам совладать с Тиамат.

... Люди шли через поселок, неуверенно оглядываясь; кое-кто уже заметил, что из некоторых домов-башен выходят аrimаспы и с любопытством разглядывают их. Наконец из одной башни, которая была выше всех прочих, вышел белый как лунь старик-великан, опиравшийся на исполинский посох. Не говоря ни слова, седовласый гигант присоединился к Агбалу. И лишь когда процессия достигла площади, старый аrimасп подошел к людям и пророкотал, обращаясь к Йолчи:

— Что привело тебя сюда, исповедник воли Великого Сага? Для нас великая радость видеть в нашей заброшенной стране человека, который *помнит*. Давно, очень давно мы не видели людей, поклоняющихся Джеббалу. Лишь караваны торговцев приходили сюда, гонимые неутолимой жаждой золота. Но это были люди, забывшие о святых заветах... Так что же ты ищешь в Стране Аrimаспов?

— Мне нужен Дух Огня,— после некоторого молчания молвил Йолчи,— срок его наказания истек. Для него настал час получить свободу и искупить свою вину перед Высшими. Силы Хаоса, как никогда, близки к пробуждению в этот день. Если черный монстр выпустит из бездны Апсу древнее чудовище, нам всем грозит страшная беда. Вашей расе и расе людей грозят смерть и рабство, если наступит новая Эра Змей. Со мной человек, который в силах освободить Духа Огня. Такова воля Джеббала Сага!

— Такова воля Джеббала Сага,— повторил старый великан.— Хорошо. Агбал проведет вас к Духу Огня. Он знает дорогу.

Неожиданно черные крылатые тени закружились перед троицей, возглавляемой Змеем. В свете шаровой молнии они с замиранием сердца наконец-то узрели легендарных грифов. Древние неземные чудовища выглядели точно так, как их многократно описывали, но от этого они не переставали внушать страх, панический, первобытный, усугубляемый гробовым молчанием тварей.

Тела грифов покрывала крепкая, отливавшая сталью чешуя, но при этом львиным поджарым торсом и мощными лапами с когтями в три пальца длиной они походили на хищных зверей. По спине, украшенной парой необычных — перепончатых, как у нетопыря или древнего ящера, и в то же время покрытых чешуей — крыльев, втрое превышавших размах орлиных, шел шипастый костяной гребень, продолжавшийся на длинной шее и заканчивавшийся на маленькой, почти птичьей голове с торчащим длинным клювом.

Пасть внутри клюва была сплошь усеяна крепкими острыми зубами. С обеих сторон грозного клюва горели багряным огнем круглые, как плошки, глаза, в которых светился разум. Без всякого сомнения, грифы были разумной расой, однако в Иерархии Высших Богов, переселивших их на Землю из неведомого, призрачного мира, они занимали положение цепных псов.

При виде грифов, выящихся под потолком тоннеля, Нэркес невольно взvizгнула, но властная рука Каххи сжала ее локоть с нечеловеческой силой. Онемев от ужаса, красавица посмотрела на эту руку, которая тут же превратилась в сухую синевато-зеленую чешуйчатую лапу ящера. Парализованная страхом, Нэркес перевела взгляд на того, кто до сих пор представлял перед ней лишь в облике Таргитая. Нааг, гордо выпрямившись, стоял в своем истинном обличье, и на его безобразном голом черепе сверкала и переливалась древняя корона. Желтые немигающие глаза с вертикальными зрачками, внутри которых плясали свой магический танец кобры, были устремлены на чудовищ. И грифы признали своего нового повелителя. Они ждали его уже несколько тысяч лет. Невероятно древнее Предсказание предрекало им появление Короля-Змея, который освободит их от рабства Высших Богов.

«Ведите нас к Шипу Тиамат! — отдал грифам мысленный приказ Кахха. Желтые глаза его горели торжеством...

Агбал вел Йолчи и его спутников все дальше и дальше, в глубину грозных скал, пики которых тонули в серых угрюмых облаках. Чем выше они поднимались, тем труднее становилось дышать, словно грудь изнутри начали покалывать сотни невидимых иголочек. Пожалуй, лишь киммериец да бывалый Кайрат чувствовали себя вполне正常ально. Был еще, правда, Йолчи, но его никто и не брал в расчет. Сухонький старичок двигался легко и уверенно, не отставая от тяжело вышагивавшего великана.

Конан с тревогой смотрел на Бортэ, лицо которой было бледным, а дыхание —

прерывистым, и на ее бабку, которая хоть и ловила воздух раскрытым ртом, но тем не менее упорно ковыляла вперед.

— Милая моя, почему бы вам с Мохирой не остаться внизу, в поселке и не подождать нас там? — предложил Конан Бортэ. Но та запротестовала:

— Я справлюсь, Конан. Мое место рядом с тобой. И за Мохири можешь не бояться, она черпает силы из самой земли.

Киммериец с сомнением покачал головой:

— Дело ваше. Но дальше будет труднее.

И он пошел вперед, не оглядываясь на женщин и не выказывая жалости. Это было не в его привычках — рассыпаться в бесплодных и лживых сожалениях. Раз они решили идти дальше — это их дело, они знали, на что решились. Он не думал о жалости, но, случись беда, мог, не задумываясь, напоить женщин своей кровью, дабы вдохнуть в них новые силы, или же просто взвалить их на спину, если они не смогут идти. Он не обдумывал свои поступки — сама жизнь требовала от него совершать то или иное в зависимости от обстоятельств.

— Уже близко! — сообщил Агбал, до этого хранивший угрюмое молчание. — За следующим перевалом вы увидите скалу Духа Огня. — Поразмыслив немного, он добавил: — Можете считать себя первопроходцами. В этих горах еще ни разу за многие миллионы лет не ступала нога человека.

— Но даже здесь есть символ Джеббала Сага, — прошептал Йолчи, указывая на ближайший выступ скалы.

Из уст людей вырвался благоговейный вздох: глубоко в скальной породе была вырезана знакомая эмблема, которую не могла начертать человеческая рука. Волосатые предки людей еще ползали по деревьям, а знак могущества невероятно древнего божества уже был выбит на этом камне, и время не властвовало над ним.

***

Наконец-то он у цели! Заветная пещера открылась торжествующему взору наага, и ее стражи покорно привели его к средоточию сокровищ. Нэркес и Заркум, широко раскрыв от восхищения глаза, разглядывали сокровищницу грифов. А восхищаться было чем.

Пещера буквально переливалась множеством оттенков всех цветов радуги: своды ее были сплошь усыпаны драгоценными камнями, сверкающими так, что глазам было больно. Аметисты, сапфиры, изумруды, топазы, рубины и сотни других камней, названия которых никто не знал, но от этого они не становились менее великолепными. Пол, облицованный плитами изумительного мрамора белого и пепельного тонов с розоватыми прожилками, тут и там устилали сплошным ковром драгоценности. Горы чистого золотого песка, который многие поколения грифов кропотливо намывали из подземной реки, текущей рядом с пещерой... Штабеля аккуратных слитков, каждый не меньше лошадиной головы — золото, платина, серебро, чистейшая медь и еще какой-то неизвестный в Хайборийскую эпоху металл, менявший свои цвета в зависимости от освещения.

— О, Эрлик! Да это же арихалк древних атлантов, — еле слышно выдохнул Заркум, — самый легкий из всех металлов!

Но и кроме арихалка — магического металла, секрет добычи которого вместе с Атлантидой поглотили волны Океана,— здесь было на что посмотреть. Сокровищам грифов могли бы позавидовать все правители и маги подлунного мира. Даже неисчислимые богатства Нефритового Императора Кхитая, Ездигерда Туранского и Ктесфона Стигийского показались бы жалкой кучкой мусора рядом с этим сверкающим великолепием.

В пещере грифов находилась целая гора всевозможных магических талисманов: сотни и тысячи волшебных камней, кристаллов, хрустальных шаров и пирамид, невероятные статуэтки забытых богов, отлитые из сплавов баснословной редкости по неимоверно древним рецептам,— наследие сгинувших цивилизаций, миллионы лет правивших землей, а затем исчезнувших с ее лица. Сокровища, равно дорогие и опасные, обещавшие безумцу, который завладел бы ими, новые виленские катастрофы, падение целых царств и цивилизаций, гибель континентов, тысячи мертвцев, восставших из могил...

Но не это привлекало горящий холодным огнем взор Короля-Змея. Отплясывающие бешеный танец кобры в его глазах были устремлены к небольшому шестигранному голубому кристаллу, выглядевшему довольно скромно на фоне ослепительных сокровищ и тем не менее венчавшему собой всю эту волшебную роскошь. В прозрачной голубизне кристалла просвечивало нечто темное и изогнутое — это был иссохший шип, сорванный некогда со шкуры невероятно древней прапретилии. Заветный *Шип Тиамат!*

— Вот оно! Свершилось! — выдохнул Кахха.— Я у цели! Ничто не остановит меня! Теперь в моей власти будет повернуть Колесо Истории вспять. Или вообще остановить его бесконечное движение. С каких это пор Змеям стали нужны колеса?

Он повелительно вытянул руку — и два грифа, покорные его воле, взмыли вверх к вершине горы сокровищ, почти упирающейся в потолок пещеры, и, бережно держа в лапах голубой кристалл, принесли его своему новому владыке.

— Заркум,— медленно проговорил Кахха, поглаживая поблескивающий кристалл,— пора приступить к ритуалу.— Голова его медленно повернулась к Нэркес, которая, остолбенев, пожирала глазами сокровища. Кривые желтые зубы разумного ящера обнажились в недоброй улыбке: — Можешь насладиться сокровищами, дитя мое! Купайся в них, зарывайся с головой, любуйся ими — они не превратят тебя в камень. Уж этой-то смерти ты избежишь.

Нэркес уже готова была броситься к куче золотого песка, но нечто зловещее, проскользнувшее в ласковом, щипящем голосе Змея, заставило ее остановиться. Смутное предчувствие закралось в ее душу.

— Что вы хотите этим сказать, мой повелитель?

— То же, что и сделать, моя маленькая птичка! — Яд буквально капал с раздвоенного языка наага.— Тебя все же ожидает красивая смерть! Ты ее заслужила, не так ли? Ты только подумай — испустить дух среди такой роскоши. Все твои мечты сбылись, моя распутная кошечка! Жаль, что ты не наагиня, ибо в душе твоей живет змей. Ты достигла всего, о чем мечтала долгие годы: ты королева, перед тобой невероятные богатства. Так пусть же теперь твоя смерть послужит исполнению моей мечты

— Нет! — дико взвыла Нэркес и метнулась в сторону, но холодные, как сталь, когти грифов сомкнулись на ее теле, раздирая нежную, как лепесток розы, кожу.

— Твое представление подходит к концу, и оно служит началом нашего, величественного и страшного. Ибо конец-это всегда начало,— вкрадчиво произнес Кахха.

Нэркес отчаянно забилась в когтях грифов. Плотоядно облизывающий губы Заркум

подскочил к ней, замахиваясь жертвенным обсидиановым ножом с серебряной рукоятью в виде улыбающегося черепа...

***

Люди взошли на последний перевал, обозначенный символом Сага, и увидели удивительную картину. В серое сумрачное небо, изредка озарявшееся сполохами северного сияния, устремляла свой пик высокая и величественная скала, резко отличавшаяся от других, серых, как сумрачное небо, скал тем, что светилась изнутри розовато-алым светом. Цвет скалы менялся, когда в небе загоралось северное сияние. Каменная глыба начинала переливаться, становясь то серебристой, то изумрудно-зеленой, то лазурно-голубой. В те редкие мгновения, когда солнце прорывалось сквозь пелену туч и устремляло свои лучи к скале, она вспыхивала ярким золотом.

Неожиданно резкий вопль прорвал морозный горный воздух — вопль нечеловеческого существа, испытывающего невыносимые страдания. Однако в нем отнюдь не было слышано отчаяния или страха, в титаническом голосе звучали гнев и презрение.

— Смотрите! — Йолчи указал на вершину скалы.

Приглядевшись внимательнее, киммериец и его спутни увидели обнаженное тело, прикованное к скале цепями, которые могли бы удержать огромного кушитского слона. Это было тело могучего, великолепно сложенного титана. Гигант, висевший на чудовищных цепях на вершине скалы, почти ничем не отличался от представителей человеческого рода, разве что медным, почти алым цветом кожи и необычайной красотой. Тело титана то и дело изгибалось дугой в тщетных попытках разорвать проклятые оковы, и тогда негодующий вопль вновь оглашал окрестности, и от этого звука содрогались скалы, и каменные глыбы устремлялись вниз.

Неожиданно несколько черных теней промелькнули в серых облаках. Грифы, подобные тем, что встретились Каххе, Заркуму и Нэркес в подземельях, кружились вокруг прикованного титана.

— Вот они, грифы! — воскликнул Йолчи, показывая в небо. — Эти безмолвные птицельвы прилетели истязать Духа Огня. Ради этого они даже покинули свои подземелья при свете дня!

Новый крик, исполненный невыносимой боли, прорезал напряженную тишину. Грифы один за другим подлетали к беззащитной жертве и терзали ее плоть острыми когтями

— Они вырывают куски его плоти не случайно. Так повелели им Высшие Боги. К тому же, когда истерзанные клочья огненной плоти титана застыают, они превращаются в великолепные рубины, которые называются Кровь Огня, — пояснил Йолчи.

— Кром! — воскликнул Конан, искренне тронутый страданиями титана. — Да за что ему терпеть такое наказанием. Чем тогда Высшие Боги лучше Сета или Нергала!

— Не нам, смертным, обсуждать деяния небожителей, — вздохнул Йолчи. — А Дух Огня сильно виноват перед ними. Ведь это именно он открыл древним атлантам и лемурийцам секрет Разрушителя Миров — оружия Высших Богов. Даже молнии Митры покажутся пустяком по сравнению с этим ужасным оружием. Оно сжигает все вокруг себя. Железо

превращает в пыль, а камни — в пар. Свет, излучаемый им, ярче тысячи солнц, сияющих одновременно. Оно может взорвать недра земли, и тогда океань закипят, а материки расколются на части. В неумелых или злых руках это оружие может погубить все мироздание. И такое чуть не случилось однажды. Едва древние овладели Разрушителем Миров, как развязали страшную войну и выпустили на волю необузданную силу, что привела к Великой Катастрофе. С тех пор Дух Огня, так неосторожно доверивший смертным тайну богов, висит на этой скале, искупая свой грех. Но его час пробил. Спаси его, Конан!

— С удовольствием,— пробормотал киммериец.— Только придется забираться на скалу!

— Конан! А как же грифы?— В голосе Бортэ звучала тревога.— Ведь ты не сможешь пускать молнии, когда будешь карабкаться наверх.

— Грифов я беру на себя!— воскликнул Таргитай, выхватывая тугой гирканский «тройной» лук, сделанный из рогов горного козла.

Киммериец кивнул ему, скинул почти всю одежду и, оставшись в одной набедренной повязке, полез на скалу. Его бронзовое мускулистое тело почти не уступало титану в атлетической красоте, а ловкости, с которой он скользил вверх, извиваясь между камнями, могла бы позавидовать и змея. Цепкие пальцы Конана находили малейшую трещину в скале, малейший выступ, и киммериец стремительно продвигался вперед.

Тем временем Таргитай вынул из колчана штук пять стрел, наложил одну из них на тетиву, остальные зажал в зубах и прицелился. Натянув тетиву, рассчитанную на силу трех взрослых мужчин, до самого уха, он выпустил стрелу в небо, Тоненько свистнув, жалящая тростинка нашла свою цель. Острье вонзилось прямо в шею одного из грифов, увлеченно терзавшего Духа Огня. Однако чудище, по всей видимости, даже не заметило этого.

— Эрлик его раздери!— выругался Таргитай, вновь прицеливаясь в монстра. На этот раз он пытался попасть грифу в глаз, но с такого расстояния мог промахнуться даже такой меткий стрелок, как он.

— Вот что вам нужно, государь!— воскликнул Кайрат, подавая Таргитаю свой арбалет.
— Хорошо, что купцы из Дамаста завезли эти полезные штуки и в Сакалибу!

— Отлично,— пробормотал Таргитай и выпустил из арбалета тяжелый стальной штырь.
— Это то, что надо!

Штырь достиг своей цели: фонтан черной крови забил из развороченной шеи грифа. Отчаянно дергаясь, чудище стремительно полетело вниз. Два других грифа тут же отвлеклись от терзаемой жертвы и ринулись на людей, погубивших их собрата. Именно это и требовалось — отвлечь тварей от титана и Конана, подбиравшегося к нему. Но теперь опасность грозила тем, кто остался внизу. Два огромных крылатых чешуйчатых зверя с головами хищных птиц беззвучно летели с угрожающей скоростью, растопырив когтистые лапы.

Один из них, не теряя времени даром, накинулся на Таргитая, второй — на Кайрата, едва успевшего выставить вперед свой меч. Напоровшись брюхом на острие меча, гриф отпрянул, но, невзирая на глубокую рану, из которой зловонным ручьем полился зеленовато-черный ихор, вновь кинулся на кемера. Кайрат немного отступил и снова обрушил на тело чудища смертоносное лезвие. На этот раз меч отхватил переднюю лапу грифа, а подоспевшая сзади Бортэ, бесстрашно набросилась на него и начала наносить удары своим тесаком, пытаясь переломить гадине могучие крылья.

Сообразив, что хочет сделать Бортэ, Кайрат присоединился к бесстрашной девушке, и

вскоре искалеченный монстр покатился по земле, обжигая людей ненавидящим взглядом. Однако тяжелая дубина Агбала, мгновенно размозжившая грифу череп, навек погасила его кровожадный взгляд. Тем временем второй гриф обхватил Таргитая лапами и повалил его наземь, нанося глубокие раны стальными когтями и клювом. Силы были явно неравными, но тут могучий аримасп легко (что казалось удивительным при его размерах), по-кошачьи, прыгнул на чудовище, уже собиравшееся праздновать победу, и сжал его чешуйчатую шею мощными руками. Огромные ладони-тиски крепко сжимали отчаянно бьющееся тело чудища, тут же выпустившего правителя, до тех пор, пока гриф не испустил дух. Брезгливо отбросив мертвую тварь, аримасп поддал ее ногой.

— Так мы расправляемся с этой мерзостью, когда спускаемся в их подземелья за золотом,— коротко пояснил он людям.— Они могут одолеть нас, только если их слишком много.

Люди внизу ликовали, когда киммериец почти добрался до тяжело дышавшего Духа Огня.

— Кром!— Конан невольно отпрянул от скованного титана.— Так и обжечься недолго!

Медно-красное тело Духа Огня источало жар, будто раскаленная печь. Огромная истерзанная грудь титана вздымалась и опускалась, из глубоких ран сбегали ручейки крови. Кровь Духа капала к его ногам и стекала вниз по скале, оставляя на ней борозды, напоминавшие потоки лавы.

Кровавые полосы застывали на холодном воздухе, превращаясь в великолепные рубины.

— Ого!— хмыкнул киммериец, в последний раз подтягиваясь на руках и устраиваясь поудобнее на подходящем выступе рядом с прикованным титаном. Поникшая голова Духа Огня вдруг поднялась, и на Конана с мольбой взглянули огромные исиня-черные глаза.

— Человек!— прохрипел титан.— Если ты тот, кого я жду, вызволи меня!

— Не знаю уж, кого ты тут ждешь,— пробормотал киммериец, позабыв о рубинах,— но если смогу — помогу.— В ладонях его опять заискрился голубовато-фиолетовый прозрачный шар.— Во имя Митры!— воскликнул Конан, и огненная молния испепелила тяжелые цепи.

— Спасибо, смертный!— раздался ликующий возглас освобожденного титана.

— Эй! — неожиданно испугавшись, воскликнул Конан. Он не подумал об одном; как титан удержится на скале, когда исчезнут оковы.

Но вместо того чтобы упасть вниз, Дух Огня расправил могучие руки и взмыл в воздух, описал в небе круг, оставил за собой красноватый светящийся след, а затем с ним начали происходить какие-то странные изменения.

— Кром! Что это?— воскликнул изумленный варвар.

Было чему изумиться! В небе теперь кружил не титан, — почти не отличимый от человека, а некое невообразимое существо. Больше всего оно напоминало гигантского крылатого лося с шестью ногами. Языки пламени вырывались из ноздрей удивительного животного, и дымный след стлался за ним по воздуху.

— Это Шарабха!— раздался скрипучий голос Мохирь.— Священный Небесный Лось, Повелитель Огня! Я слышала легенду о нем от своей прабабки. И надо же, Тенгри сподобил меня увидеть его живьем...

— Да, это Шарабха!— подтвердил Йолчи слова мудрой старухи.— Это одна из ипостасей Духа Огня. Огненный Гений прекрасно понял, что он должен делать. Шарабхе по силам сразиться с Тиамат!

— Смотрите — он улетает!— послышались возгласы.

Небесный Лось стремительно летел в сторону Долины Аrimаспов. Едва он скрылся из глаз, оставил за собой лишь клубящийся дымный след в сумрачном небе, как вдруг раскаты грома сотрясли воздух. Паутина молний прорезала мгновенно почерневший небосвод, и все вновь затихло, как перед бурей.

— О, Великий Уту! — воскликнул Йолчи, побледнев. — Шарабха не зря полетел в Долину Аrimаспов. Он почувствовал приближение Тиамат! Это значит, что нааг уже добрался до талисмана. Скорее! Быть может, мы еще успеем остановить его!

— И как ты собираешься это сделать? — спросил у него Конан, который только что спустился со скалы.

— Да, как мы попадем в заветную пещеру? — присоединился к нему Таргитай.

— Я беру это на себя! — голос старика стал твердым. — Магическая сила постепенно возвращается ко мне. Рискну попробовать. Конан и Таргитай, встаньте рядом и возьмитесь за руки. Остальные должны пойти за Агбалом в поселок аrimаспов и ждать нас там.

— Конан! Я с тобой! — отчаянно прозвенел голос Бортэ. Она птицей бросилась к киммерийцу.

— Нет, любимая! — голос Конана был тверже камня.

— Не останавливай ее, — проговорил Йолчи, положив руку на плечо киммерийца. — Возможно, ваша любовь поможет совладать с Тиамат. Возьми Бортэ за руку.

— Но ты же сам говорил, что перегрузки... — начал было удивленный Конан.

— Ничего, — вздохнул волшебник, — как-нибудь наскребу сил на четверых.

— Ах, ты хитрый старикашка! — воскликнул Конан, но тут его окутало облако дыма, и он едва успел схватить Бортэ за руку...

***

Капли алой крови из перерезанного горла Нэркес падали на голубой кристалл. Прозрачная поверхность с шипением впитывала в себя кровь и вскоре стала заметно темнее. Наконец черная запекшаяся корка, покрывшая камень, стала кусками отслаиваться, высвобождая иссохший шип, некогда венчавший спинной гребень праматери всех драконов.

— Шип высох! — прошипел Кахха. — Ему нужна влага! Только кровь напоит Шип, и тогда он оживет и начнет взывать к своей хозяйке, спящей тысячелетним сном в мрачных глубинах Бездны Апсу.

Зажав в сине-зеленой руке заветный талисман, нааг окунул его в хрустальный, доверху наполненный кровью Нэркес кубок, который держал трясущийся от одолевающего его безумия Заркум. Шип погрузился в алую жидкость и стал изменяться на глазах. Он расправился, вырос... Кровь с шумом втягивалась в его поверхность, начавшую приобретать ядовито-зеленый цвет. И, наконец, свершилось! Шип, будто живое существо, внезапно вырвался из рук вытаращившего глаза Заркума и охваченный зеленовато-фиолетовым сиянием закачался в воздухе. А затем Шип закричал. В этом демоническом звуке, которого не выдержало бы ни одно человеческое ухо, слились воедино кличи всех вымерших ящеров Земли, некогда ползавших в ее болотах, летавших в воздухе, бороздивших моря. Заркум зашатался, схватившись руками за окровавленные уши. Каххе же все было нипочем.

Вплотную подойдя к краю пещеры, граничившему с подземной рекой, нааг стал горящими от нетерпения глазами вглядываться вглубь черных вод. Шип продолжал издавать свой первородный вопль, и вода в подземной реке забурлила и заклокотала, будто варево в гигантском кotle.

— Свершается чудо, о котором мечтали все нааги,— прошептал Кахха. Он три раза хлопнул в ладоши, и Шип, ни на миг не умолкая, послушно прыгнул к нему в руки.— Надо выбираться отсюда и достойно встретить Великую Праматерь Драконов и Мать Отца Сета Мы должны положить к ее исполинским ногам этот мир!— прошипел нааг Заркуму. Колдун посмотрел на него безумными глазами, и улыбка идиота скользнула по его обескровленным губам.

Песня Шипа стала роковой для его слуха и рассудка.

— О, Сет!— недовольно воскликнул Кахха.— Был один толковый слуга, да и тот не выдержал. Низшая раса! Ну, ничего, недолго вам осталось!

Нааг бесцеремонно схватил безумного колдуна за шиворот и отдал грифам ментальный приказ. Грозные чудовища покорно, как ягнята, бросились исполнять его поручение. Они принесли огромный роскошный ковер, сотканный из шерсти мамонтов и волосатых носорогов еще мастерами древнего Туле. Кахха, державший в руках поющий Шип, и бессмысленно похочатывающий Заркум уселись на него, а четыре могучих грифа повлекли ковер к выходу из подземелий. В сверкающей сокровищами пещере осталось лежать бездыханное тело Нэркес.

А вода в подземной реке все клокотала и бурлила...

Глава 3. Пробуждение Тиамат

— Кром! Мы опоздали!— прорычал Конан, увидев, что пещера пуста. Сокровища ослепляли своим блеском, но слуги Зла, завершив свое грязное дело, скрылись.

— Они пробудили Тиамат!— прошептал Йолчи. Бледный, как сама смерть, волшебник указал на куски почерневшего кристалла и на бездыханное тело Нэркес. Рядом валялся окровавленный жертвенный нож, оброненный в спешке безумным колдуном.

Ослепительную красоту Нэркес не отняла даже ужасная смерть. Даже несметные сокровища грифов не смогли затмить ее. Женщина, долгие годы вершившая судьбы правителей и полководцев, удивительным образом сочетавшая в себе тело богини и душу демоницы, лежала с перерезанным горлом, но от этого не стала менее прекрасной. Черная душа ее уже терзалась в самой жуткой из девяти преисподних Зандры, а тело, достойное резца гениального скульптора, по-прежнему вызывало восторг. Таргитай замер над убитой красавицей, до боли сжав кулаки.

— О, боги! Я так любил эту женщину!— наконец проговорил он и закрыл лицо руками. Плечи его тряслись.

Конан и Йолчи хранили молчание, стараясь не глядеть в его сторону. Бортэ подошла к Таргитай и ласково погладила его по черным спутанным волосам. Правитель будто очнулся. Глаза его были красны, но ни единой слезинки не таилось в них.

— Надо бросить ее тело собакам! — зло бросил он.

Бортэ покачала головой.

— Нет, государь! — негромко, но твердо возразила девушка, — Она и так уже наказана.

— Бортэ права, — поддержал ее киммериец. — Душу Нэркес уже терзает Нергал, а тело — ни при чем. Его надо захоронить со всеми почестями, подобающими особе королевской крови.

— Вряд ли мы успеем это сделать, — заметил Йолчи. В голосе его звучала тревога. — Как бы там ни было, но даже смерть Нэркес послужила силам Зла. Взгляните на воду — это Тиамат поднимается из глубин Апсу! Катастрофа идет в наш мир!

Действительно, подземная река, огибавшая пещеру грифов с одного края, заметно изменилась — воды ее бурлили, будто жуткое колдовское варево. Река все больше вздувалась и грозила выйти из берегов и затопить все подземные галереи и шахты, а в первую очередь — пещеру сокровищ!

— Надо немедленно убираться отсюда! — воскликнул Йолчи. — Скоро все вокруг покроет вода!

— Нергал раздери эту самую Тиамат! — проревел Конан. — Да ведь здесь такие сокровища! Кром! Не для того я так долго добирался до этой пещеры, чтобы все бросить!

Конан зачерпнул изрядную горсть золотого песка, но сухонькая ладошка Йолчи гневно ударила его по руке. Старец буравил киммерийца злым взглядом:

— Да пропади они пропадом, эти проклятые сокровища! Нам надо уходить немедленно! Скоро Тиамат прорвется наверх. Мы должны выбраться отсюда!

— И все же пара-тройка слитков не помешали бы! — пробурчал недовольный варвар. — Да на это золото я бы с потрохами купил самого Ездигерда!

— Раз так, хватай это треклятое золото и выбирайся из подземелий сам! Я тебе помогать не стану! — холодно отрезал Йолчи. — Да и не смог бы, даже если бы и захотел! Золото и другие драгоценные металлы разрушает любые чары и делает телепортацию невозможной. Впрочем, решать тебе. Я только хочу напомнить: не ты ли освободил из зеленого саркофага проклятого монстра?

Возразить было нечего, и Конан глубоко вздохнул. Он не сомневался, что сумел бы, даже по уши, нагружившись золотом, выбраться на поверхность раньше, чем разбушевавшаяся стихия настигнет его. Но Йолчи был прав: вся каша заварилась из-за него, Конана. Стало быть, ему и расхлебывать. Бросив прощальный взгляд на призывающие баснословные богатства, на которые можно было бы купить весь мир, варвар решительно повернулся к друзьям. Йолчи коротко кивнул ему, не произнеся ни слова, но Конан понял, что никто ничего другого от него и не ожидал, и внезапно устыдился своей слабости.

«Кром! В конце концов, я киммерийский варвар, а не заплыvший жиром воротила из Шадизара, трясущийся над своими мешками с золотом!» — подумалось Конану, и неожиданно широкая улыбка озарила его, продубленное ветрами всего мира, лицо. Бортэ и Таргитай косо взглянули на него: особых поводов для радости не было, но Конан, расхохотавшись, с силой хлопнул их по плечам. В тот же миг их обволок белый искрящийся шар...

Могущественная магия Йолчи унесла Конана, Таргитая и Бортэ на поверхность, к солнечному свету, туда, где они были по-настоящему нужны. А через некоторое время яростные черные волны захлестнули сверкающие горы драгоценностей и неподвижное тело Нэркес, ставшей их последней и единственной хозяйкой...

В Стране Аrimаспов случилось невиданное. Грифы, лишь изредка по ночам покидавшие свои шахты и пещеры, вдруг разом вылетели из ходов, которые вели в их подземную страну. Это было жутко и необычно, и, пожалуй, впервые страх проник в мужественные сердца аrimаспов, ни разу не дрогнувших во время сражений с чудовищами в недрах земли. По всей долине шли лихорадочные приготовления к большой войне. В гигантских кузницах неутомимые мастера-великаны, с головы до ног покрытые блестящими капельками пота, спешно ковали огромные двуручные мечи и топоры из стали, обмененной на золото. На грандиозном алтаре курился дымок — седовласый жрец аrimаспов возносил молитвы Джеббалу Сагу.

К середине дня разведчики принесли недобрые вести:

— Грифы образовали кольцо вокруг центра плато!

Лазутчикам не удалось разглядеть, кто же собирает подземную нечисть, да и что бы это им дало? Ведь они не могли и подумать, что тот, кто заставил повиноваться безмолвных чудовищ, держит в руках такое оружие, против которого окажутся бессильны все их исполинские мечи, топоры и дубины. Об этом догадывался лишь жрец, но пока он хранил молчание.

... Торжествующий Кахха стоял в центре круга, образованного грифами. В его руках продолжал выводить свои жуткие трели Шип Тиамат.

Нааг прекрасно понимал, что мог бы и не возвращать в мир Праматерь Драконов. Талисман, которым он теперь обладал, делал его величайшим магом мира. Он мог мгновенно перемещаться в любую точку Вселенной, мог мановением руки превращать навоз в чистое золото, но такие мелочи не интересовали Короля-Змея. Он осуществлял свою самую заветную мечту — возродить Эру Змей во всем ее былом великолепии. Ради этого он был готов уступить Тиамат и ее грозному отпрыску Сету власть над миром.

Кахха вдохновенно взмахнул тонкими сухими руками, и послушное ему крылатое воинство взмыло в воздух, сохраняя при этом строй. Издалека это выглядело очень красиво и величественно — черное живое кольцо поднялось и зависло над землей. Однако с тревогой взиравшие на это удивительное зрелище разведчики-аримаспы не замечали его красоты. Для них было ясно лишь одно: грифы выполняют недоступный пониманию ритуал.

Зато Кахха все прекрасно понимал. Он величаво восседал вместе с поскуливающим Заркумом на ковре из мамонтовой шерсти, который клювами и лапами удерживали в воздухе грифы. Зоркие глаза его уже успели заметить изменения, происходившие внизу и предрекавшие скорое появление Матери Сета: под кольцом, которое образовывали в воздухе грифы, земля покрылась сетью трещин, как при подземных толчках. Нааг знал, что находиться сейчас внизу крайне опасно...

... Кемеры во главе с Кайратом Одноглазым сгрудились вокруг алтаря, где совершил моление седовласый жрец-аримпас. Большинство аrimаспов тоже собрались на площади, напряженно ожидая, что скажет старик. Наконец он завершил обряд и обвел присутствующих тяжелым взглядом из-под нависших бровей.

— В горы! — коротко приказал он. — Всем срочно уходить в горы!

— Что ты говоришь, святой Урнамм?! — воскликнул Агбал. — Ты предлагаешь нам спасаться бегством? Но никогда еще аrimаспы не бежали от грифов!

— А теперь придется! — отрезал старый Урнамм. — Иначе всех нас поглотит разбушевавшаяся бездна Апсу.

***

Трешины змеились по земле, расползаясь все дальше и становясь все глубже и шире. Сквозь них начала пробиваться клокочущая черная вода, и через несколько мгновений ревущие потоки выплеснулись на землю.

Аrimаспы и присоединившиеся к ним кемеры едва, успели добраться до безопасного места, как столб черной воды, прорвавший земную твердь, со всей яростью бушующей стихии обрушился на плато. Вода с ревом сметала все на своем пути, одинаково легко вырывая из земли деревья и огромные валуны и неся их с собой, как клочья шерсти. Наконец поток ударил в башни поселка аrimапсов, и сложенные на века грандиозные постройки не устояли под его натиском. Замерев от ужаса, великаны смотрели, как рушатся их исполинские дома-крепости.

Но самое страшное ждало их впереди. Новый водяной смерч взмыл в воздух и плато, мгновенно превратившееся в чашу, до краев наполненную кипящей водой, сотряс рёв невероятной силы. Вихрь сверкающих брызг разлетелся во все стороны и, достигнув людей и великанов, обдал их обжигающим душем.

А в центре плато все росло и росло с невероятной скоростью нечто — бесформенное и черное. Исполинское чудовище, вышедшее из подземного океана Апсу, в мрачных глубинах которого оно дремало многие тысячелетия, раскачивало огромной уродливой башкой из стороны в сторону, оглашая округу жутким ревом. Над ним демоническимnimбом парило в небе кольцо грифов...

Свершилось! Змеиное сердце наага замерло от восторга, когда из необъятной, взвихрившей клокочущую воду воронки к небу взметнулась гигантская туша Тиамат. Ее рев, от которого у людей и великанов кровь леденела в жилах, казался наагу прекрасней любой музыки. Краем глаза он успел заметить Заркума, который, трясясь, будто в припадке, распластался на ковре и остекленевшими глазами разглядывал необъятное тело Праматери Драконов. Кахха слегка усмехнулся. Заркум мог лишь благодарить Эрлика, вовремя даровавшего ему глухоту и безумие, иначе его мозг просто не выдержал бы и вытек через глаза. Правда, если бы это произошло, нааг нисколько не пожалел бы о своем свихнувшемся помощнике, хотя старишка еще мог пригодиться для каких-нибудь новых экспериментов с живой материей, когда Великая Праматерь и ее грозный сын воцарятся в мире и он, Король-Змей, сможет с чистой совестью уединиться в какой-нибудь цитадели и всецело посвятить себя магии. Заркум был довольно любопытным и ценным человечком, и только поэтому нааг не спихнул хныкающего идиота вниз — в зияющую, в каких-то двадцати локтях от парящего в воздухе ковра, бездонную пасть с **черными зубами**, которые могли легко искрошить любую из земных скал.

Тиамат была воистину необъятна и уродлива: гигантская плоская голова с огромными челюстями, усеянными семью рядами острейших копий-зубов, круглые выпуклые глаза, величиной с дом, невероятные бугры, рытвины, рога и нарости, покрывавшие серовато-синюю чешую, гребень из огромных шипов вдоль широкой и длинной спины, на которой запросто могло разместиться пол-армии. Гребень этот поднимался вверх почти под прямым углом, однако самая верхушка его была будто срезана.

Прокричав несколько слов родного языка, потонувших в реве чудовища, Кахха благоговейно выпустил из рук Шип, который тотчас же стремительно полетел вниз к своей хозяйке, излучая ядовитое сияние. Шип, а точнее, крохотная верхушка центрального ппша спинного гребня, был как бы вторым сердцем чудовища, средоточием его магической энергии. Без него Тиамат оставалась всего лишь тупым исполинским ящером, он же делал ее самым жутким порождением Хаоса, которое когда-либо появлялось в нашем мире и которое могло уничтожить все живое вокруг. Верхушка шипа, долгие тысячелетия служившая самым могучим колдовским средством, упала точно на свое место, будто притянутая магнитом, и тут же раздался такой могучий рев, что нааг и Заркум едва не слетели с ковра. Гигантское тело чудовища Тиамат на миг озарились голубоватым свечением, и сразу вслед за этим страшные молнии прочертчили небо...

— О, великий Тенгри! — в ужасе прошептал Сайдхан, вместе с остальными людьми и великантами наблюдавший за чудовищем со склона горы, до которого еще не добралась упорно прибывающая вода. — Чудовище притягивает молнии!

И действительно, яркие голубые стрелы одна за другой устремлялись в верхушку спинного гребня Тиамат. Теперь ее тело, напитанное разрушительной энергией, высасываемой через Шип из самой природы, светилось постоянно.

Глаза Тиамат вспыхнули синим зловещим огнем, из глубоких ноздрей, напоминавших кратеры внезапно пробудившихся вулканов, клубами повалил дым, как бы предвещая начинающееся извержение. Чудовищная пасть широко раскрылась и извергла столб пламени, который полетел прямо в сторону замерших в своем укрытии людей и великанов.

В толпе кемеров и аримаспов раздались крики ужаса, они бросились врассыпную, и вовремя: ослепительный взрыв сотряс гору. Если бы не стремительно наступавшая вода, с шипением поглотившая пламя, оно пожрало бы все вокруг.

— Мы пропали! — раздались крики отчаявшихся. Многие аримаспы и кемеры погибли при взрыве. К счастью, Урнамм, Агбал, Кайрат, Мохира и Сайдхан успели спастись. Увидев огромный ствол сосны, с корнем вывороченный из земли, люди и великаны схватились за него и бросились в воду, ища в ней спасения от огненных плевков чудовища. Их несло бурной водой, поднимавшейся все выше. Казалось разбушевавшийся поток вот-вот захлестнет вершины скал, окаймлявших плато и отделявших его от внешнего мира.

Тиамат же все было ни почем — чем больше воды выплескивалось из недр земли, тем больше становилось ее исполинское тело, выраставшее из бездны. Вот уже над водой показались огромные лапы с когтистыми плавниками, каждый из которых одним ударом мог легко повернуть в прах Зиккурат Уту.

— Это катастрофа! — воскликнул Сайдхан, пытаясь перекричать рев чудовища и раскаты грома. — Да она же затопит весь мир!

— Не думаю! — ответил ему Урнамм, выплевывая воду. — Пока ей будет достаточно и того, что она превратит наше плато в море. Как только из бездны покажется хвост твари, уровень воды перестанет повышаться. Но, конечно, если Тиамат захочет, она запросто

устроит новый Всемирный Потоп.

— Вот напасть! — крикнул в отчаянии Сайдхан. — Ну и где же колдун? Где правитель, Бортэ и Конан? Что он сделал с владычицей моего сердца?

... Едва белый шар рассыпался на мириады искр, потоки холодной, как лед воды обрушились на Йолчи, Таргитая, Конана и Бортэ.

— Кром! — проревел киммериец. — Что это такое?

— Выбираясь на поверхность, — отзывался плывущий по-собачьи Йолчи. — Тиамат устроила наводнение.

— Это все дело рук проклятого наага, — буркнул Конан, борясь с волнами, накатывавшими со стороны чудовища, смутно видневшегося вдалеке среди беснующихся вод.

Ну и громадина эта Праматерь Драконов! Ее и на коне в три дня не обскакать! Впрочем, чего ожидать от мамаши Сета? Эй, погоди-ка, что это? — Варвар указал на черное небо.

Таргитай, Бортэ и Йолчи поглядели наверх и издали восторженный крик. Оставляя дымящийся след в грозовых тучах, к месту, где бушевала Тиамат, стремительно летел огромный шестиногий лось.

— Ну, наконец-то! — воскликнул Йолчи.

— Давай, Шарабха, задай этой ящерице! — в тон ему послышался чей-то ворчливый, шамкающий голосок. Из бушевавших вод показалось огромное бревно, верхом на котором сидели два аримаспа и компания Кайрата, возглавляемая бойкой Мохирой.

— А ну, хватайтесь быстрее! — грозно закричала суровая старуха. — Колдун, тоже мне, Эрлик тебя раздери! — накинулась она на Йолчи. — Едва не потопил мою внученьку! Если бы не я...

— Да что бы мы вообще без тебя делали? — польстил старухе Конан, забираясь на бревно и втаскивая вслед за собой нас kvозь промокшую Бортэ.

— Ты здесь, моя госпожа! — обрадованно закричал Сайдхан и услужливо протянул Бортэ руку, невзирая на то, что киммериец уже вытащил ее из воды.

— О, Тенгри! — обреченно вздохнула девушка. — Даже здесь он за своё!

Тем временем Дух Огня, перевоплощенный в огненного зверя, стремительно подлетел к неповоротливому чудищу. Огромные заостренные копыта шести мощных ног Небесного Лося с размаху врезались в бугристую плоть Праматери Драконов, оскаленная пасть опалила ее огненным дыханием. Мириады искр разлетелись во все стороны: два титана сшиблись в отчаянной смертельной схватке.

Тотчас же гигантский хвост, покрытый зубчатыми шипами, с огромным игольчатым шаром величиной с порядочный обломок утеса взметнулся вверх, стараясь поразить неожиданного противника. Шарабха мгновенно отпрянул, и в тот же миг на него со всех сторон налетели грифы, явно намеревавшиеся растерзать его в клочья. Стоило крылатым монстрам коснуться тела Шарабхи, как они тут же вспыхивали, словно мотыльки, и лишь пепел разлетался по ветру. Атака грифов прекратилась также быстро, как и началась.

Небесный Лось, избавившись от них, как от назойливых насекомых, вновь напал на Тиамат. Он отчаянно бил копытами в её шипастую шкуру, палил огнем, вгрызался огромными зубами, но могучий ящер был далеко не так уязвим, как его молчаливые помощники. Ни единого следа не оставалось на непробиваемом теле Тиамат. Исторгнув из бездонного чрева отвратительный рев, Праматерь Драконов выпустила сноп синевато-белого огня, который ударился в бок Шарабхи.

Небесный Лось едва не опрокинулся от этого удара. В боку его появилась глубокая рваная рана, она быстро разрасталась, казалось, пламя, из которого было соткано, пожирало самое себя. В реве чудовища явственно послыпалось торжество. А сверху, с летящего ковра, донесся едва различимый смех: злорадный — наага и скулящий — безумного Заркума...

Бревно, на котором сидели люди и великаны носилось по волнам образовавшегося моря. Хотя вода почти перестала прибывать, пучина все еще волновалась: в самом центре ее шла грозная схватка. Две стихии схлестнулись здесь насмерть — вода и огонь. Конан с друзьями, затаив дыхание, наблюдали за титаническим сражением, от исхода которого зависела дальнейшая судьба мира.

— О, боги! — переменившись в лице, закричал Йолчи. — Она поразила Духа Огня! Еще несколько атак Тиамат — и Шарабха погибнет!

— Еще бы! — пробормотал киммериец. — Вода огонь тушит! Ну, да ладно! Вы как хотите, а мне надоело быть зрителем.

И, помянув Крома, Конан с ловкостью водяного животного подцепил проплывшее мимо бревно и перепрыгнул на него. Никто не успел остановить его, и варвар направил свое судно к месту битвы.

— Что он делает?! — в один голос завопили Бортэ и Таргитай.

— Он хочет пустить в ход молнии Митры, — вздохнул Йолчи. — Вот только, боюсь, вряд ли они помогут!

— А я верю в него, — прошептал Таргитай, с надеждой глядя на удаляющееся бревно.

Конан изо всех сил работал обеими руками, загребая воду и направляя бревно к сражавшимся исполинам. Наконец он подплыл к ним достаточно близко, чтобы можно было пустить в ход солнечное оружие. Однако, очутившись почти под боком Тиамат, которая, словно пик из Химелианской гряды, уходила в самые облака, Конан впервые усомнился в чудотворном даре Митры. Многое он повидал в жизни: и драконов, и гигантских змей, и грозных древних исполинов, — но такое... Киммериец на мгновение ощутил себя маленьким муравьишкой, плывущим на тростинке в луже воды, по которой шлепает уличный мальчишка. Во всяком случае, соотношение сил и размеров было примерно таким.

— Подумаешь, ящерица-переросток! — разозлившись на свою минутную слабость, прорычал киммериец. Он вдруг подумал, что во Вселенной есть такие существа, для которых грозная Праматерь Драконов покажется проказничающей мелюзгой. А если так, значит, Митра или какие-нибудь другие боги одолеют эту тварь.

— Начнем с Митры, — решил варвар. — Получай, гадина! — заревел он, пуская целый сноп фиолетовых молний в беснующуюся Тиамат, которая уже явно одолевала отчаянно оборонявшегося Шарабху.

Но что это? Молнии Митры, сплетаясь в огненный жгут, мягко скользнули вверх, обволакивая необъятную тушу, и исчезли в верхушке спинного гребня. На какой-то миг гигантского ящера окутало золотисто-голубое свечение, а затем пасть Тиамат извергла такой мощный поток искрящейся энергии, что от удара этого ослепительно сверкнувшего бича у Шарабхи оторвало сразу две ноги. Тело Небесного Лося сотрясли судороги, дикий вопль боли и отчаяния прорезал небо, перекрыв даже торжествующий рев Тиамат.

Дух Огня просил о помощи.

Но Конан не успел этого осознать. Он был настолько потрясен случившимся, что даже не сразу понял, что в его руки и ноги впились стальные когти грифов, которые стремительно поднимали его в поднебесье...

Киммериец очнулся на ковре — прямо перед усмехающимся Каххой. Проклятый Змей уже успел сковать его тело каким-то леденящим заклинанием, и варвар не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Что уж теперь говорить о молниях Митры!

— Вот мы и встретились, мой беспокойный приятель! — Желтые змеиные клыки наага ощерились в саркастической усмешке. За его костлявым плечом заходился в припадке идиотского смеха Заркум. Конану даже стало на мгновение жаль колдуна — допрыгался, заигрывая с силами Мрака. — Надеюсь, все случившееся заставит тебя философски осмыслить бытие, Конан! — надменно проговорил Кахха, скрестив сухие тонкие руки на чешуйчатой груди. — Недаром символ нашей расы — змея, заглатывающая свой хвост. Все в мире движется по кольцу, и все возвращается на круги своя. Возвращается Эра Змей и Драконов, а вы — потомки крыс и обезьян — вернетесь к прозябанию в древесных дуплах и норах, где будете трястись от ужаса перед Истинными Владыками Земли. И самое смешное, что начало этому положил именно ты, Конан, столь сильно ненавидящий Сета и его родичей! Ты пробудил меня от тысячелетнего сна в Зеленом Саркофаге, а я пробудил Тиамат. Затем где-нибудь далеко в Стигии пробудится великий отпрыск Тиамат — Отец Сет, и катастрофа, угрожающая твоей расе, разразится! А ты, жалкий человечишко, варварская душонка, еще пытался противостоять самой грозной силе в этом мире! Самонадеянный глупец! Впрочем, в этом всегда была ваша слабость. Вы слишком покорны душевным порывам. И никакие молнии Митры тебе не помогут.

— А ты освободи меня от своих колдовских оков, тогда поглядим! — угрожающе прорычал Конан.

— Ты считаешь меня дураком? — нааг снисходительно улыбнулся. — Нет, ты не возьмешь меня идиотскими уловками, на которые так падки людишки... Вроде тех, что воины и мужчины требует дать врагу шанс на справедливый исход поединка и так далее. В конце концов, Конан, у меня тоже есть огненное оружие — «Стрелы Сета», ничуть не уступающие твоим жалким молниям. Мы могли бы провести захватывающий поединок! Но это мне не интересно. Моя кровь холодна, как лед на вершинах твоих родных киммерийских гор. Да, да, ты не зря вспомнил свою родину! Скоро твое тело станет таким же холодным. Ты превратишься в такую же ледышку, как и Имир, но в отличие от него жизнь навсегда покинет твое тело. Дух твой отлетит на Серые Равнины, но я всегда смогу вызвать его оттуда, чтобы заставить служить мне верой и правдой.

Неожиданно оглушительный грохот и вспышка ослепительного света прервали напыщенную речь наага.

— О, Сет, — прошипел он, и киммериец заметил тень страха в его желтых раскосых глазах.

То, что увидел Кахха, повергло в ужас его ледяную душу.

Призыв Шарабхи о помощи был услышан. Разорвав гряду черных туч, прямо с неба окруженный ослепительно белым светом спускался величественный бог. Гигантский торс его облачали грохочущие, как раскаты грома, доспехи, огромный куполообразный шлем был низко надвинут на суровое, испещренное шрамами величественное лицо. Исполинские руки, перевитые вздувшимися мускулами, сжимали меч. Вместо клинка из рукояти, рассекая черные, клубящиеся облака, вырастал пламенеющий багряный столб.

— Мардук! — в ужасе прошептал Кахха. — Но как же так?! Об этом ничего не было сказано в Зуриском Предсказании!

Да, в древнейшем Предсказании змеелюдей Зурии ничего не говорилось о втором

существии Мардука на землю. Кахха слишком долго проспал в своем Зеленом Саркофаге и потому не мог знать о Железной Книге Скелоса.

В небе прогремели слова Бога-Воителя:

— Клянусь Сагом! Опять эта гадина вылезла наружу! На этот раз я окончательно разделяюсь с тобой, Тиамат!

При виде Мардука, стремительно летящего в потоке ослепительного света и заносящего свой огненный меч, Тиамат собралась в тугой, бугрящийся комок. На этот раз ее глотка исторгла шипение испуганной змеи. Вобрав в гребень несколько молний, Тиамат послала в грозного небожителя сноп огня. Взмах небесного меча — и плевок гадины рассыпался на сотни тысяч искр. В следующее мгновение мощнейший удар Мардука рассек надвое огромную башку и гребнистое тело Праматери Драконов. Как только разящий меч небожителя коснулся туловища Тиамат, с ней начали происходить странные изменения. Огромная туша, развалившись на две части, в последний раз озарилась вспышкой зеленоватого сияния, а затем, чернея и дымясь, начала оседать в воду. Вода вокруг гадины зашипела, превращаясь в клубы пара, которые заволокли небо, и Тиамат перестала существовать.

***

Конан стоял на вершине одной из скал, окаймлявших плато, которое превратилось в море. Рядом трепетал на ветру древний ковер, на котором его вместе с наагом и Заркумом принесли сюда, подальше от гибнущей Тиамат и от Мардука, празднующего победу, послушные грифы. Только они и были теперь единственной демонической силой, которой мог повелевать Кахха после крушения его грандиозных планов.

Резкие порывы ветра трепали черные непокорные волосы Конана. Он стоял, выпрямившись во весь рост, как статуя древнего героя. Киммериец не мог пошевелить даже пальцем и старался не смотреть на ноги, которые, как это уже было однажды на берегу Джайха, вновь сковало ледяным панцирем, медленно и неумолимо ползущим вверх.

— Стань льдом, киммериец! — прошипел Король-Змей, и кобры, плясавшие в его глазах, казалось, готовы были выпрыгнуть из неподвижных зрачков и излить свой яд.

Раскатистый хохот прозвучал ему в ответ.

— Наслаждайся, гад! — резко бросил ему киммериец. — Я умру улыбаясь. Пусть я освободил тебя от оков Зеленого Саркофага, но я дал свободу и Духу Огня. Ты вызвал Тиамат из бездны Апсу, а Дух Огня — Мардука с Девятого Неба! Великое Равновесие сохранено, и совесть моя чиста! Но она была бы еще чище, если б я смог превратить тебя в кучку пепла, змеиный выродок!

— И не надейся, человечек! — Улыбка Каххи источала тысячи тысяч змей. — На этой скале ты умрешь.

— Еще неизвестно, кто найдет здесь свою смерть! — прозвучал голос Йолчи.

Белый шар, появившийся на вершине, рассыпался, и с мечами в руках выскочили волшебник, Таргитай, Кайрат Одноглазый и Бортэ, которые тут же вступили в ожесточенную схватку с грифами. Нааг продолжал злорадно хохотать наблюдая за ходом сражения. Но

улыбка его мгновенно погасла, когда Йолчи выкрикну слова древнего заклинания. Конан почувствовал, как сотня иголочек покалывают его ноги — к ним возвратилась чувствительность. Чары наага больше не действовали, а значит, у варвара в руках снова были Молнии Митры.

— Кром и Митра! — вздохнул киммериец.

Через миг исход сражения стал ясен. Молнии одного за другим поражали грифов, оставляя от них лишь горстки пепла. Конан взглянул на перекошенное от ужаса лицо Заркума, в его расширенные безумные глаза и сплюнул: на такого жаль тратить молнией Таргитай твердой рукой отстранил Конана.

— Оставь его мне, — попросил он. — У меня с ним свои счеты!

Таргитай поднял меч, но правосудие Небес свершилось раньше, не дав правителю запачкать благородный металл поганой кровью служителя Зла. Издав отчаянный звериный вопль, колдун, в глазах которого в последний миг зажегся разум, бросился со скалы. Наклонившись, Таргитай смотрел, как быстро летит тело Заркума, ударяясь о выступы и превращаясь в кровавые лохмотья...

Оставался нааг. Кахха стоял на краю пропасти, и в воздухе вокруг него мерцала защитная сфера. Теперь его не брали ни копье, ни меч. Король-Змей собирался телепортироваться, но Йолчи, собрав все свои магические силы, держал его.

В руках Конана зажегся синевато-фиолетовый прозрачный переливающийся шар. Солнечное оружие наконец-то покарает отродье Сета! В глазах наага мелькнул ужас.

— Не делай этого, Конан, — просипел Кахха. — Ты все равно не прорвешь мою защиту.

Коротко хмыкнув, Конан метнул молнию, и переливающаяся сфера исчезла, будто ее и не существовало вовсе. И тогда... Тогда гордый, надменный и напыщенный Король-Змей вдруг упал на колени перед киммерийцем, как вассал перед грозным владыкой, смиренно сорвав с голого черепа ослепительную корону.

— Пощади! — заклинал нааг. — Именем всего, что для тебя свято! Сохрани мне жизнь! Не дай погибнуть!

Случилось то, чего больше всего боялся Конан. Коварный монстр угадал его самые потаенные мысли, и теперь в его униженных завываниях слышалось скрытое, злорадное торжество.

— Ты не сделаешь этого, Конан! — внезапно пропел нежный голосок.

Белит?! Этот голос он узнал бы и на краю могилы, будучи столетним старцем! Киммериец ошелошло глядел туда, где только что ползал нааг. Его прекрасная возлюбленная, его первая любовь стояла перед ним на коленях. Большие черные глаза смотрели на Конана из-под густых ресниц, алые губы, влажно поблескивая, шептали:

— Помни, Конан! Если ты еще раз нарушишь Главную Заповедь Слуг Света и направишь свое оружие против просящего пощады, Дар навсегда покинет тебя, а вместе с ним и разум! Навсегда! До конца дней своих ты будешь лишен разума в назидание другим дерзнувшим нарушить божественные заповеди. Помни, Конан!

«Конан... Конан... Конан...» — взывали к нему женские голоса, такие разные, но все одинаково ласковые, чарующие. Прекрасные глаза, сменяя друг друга, глядели на него с нежностью и мольбой. Глаза Белит, глаза Дайомы, глаза Айя-Ни, Алмены, Филиопы, Эйи, Борта... И все они просили об одном: «Помни, Конан Конан Конан...» Бортэ! И будто бичом ударило Конана. Да вот же она, здесь, стоит позади, настоящая, живая, а вовсе не призрак, вызванный паскудной тварью!

«Жалко Бортэ! Сильно будет убиваться по мне», — мелькнуло в голове Конана, но искрящийся шар уже зажегся в его ладонях. Сверкнув, разящая молния ударила в то место, где ползал, меняя облики, Король-Змей. Нестерпимо яркий свет ударили в глаза, и все закружилось в мозгу Конана стремительным хороводом...

Кое-как разлепив веки, в которые было яркое солнце, Конан обнаружил, что лежит на скале. Над ним склонились встревоженные лица Борта, Кайрата и Таргитая. Проведя рукой по горевшему лицу, киммериец начал кое-что припомнить... Нааг, просиявший пощады. Молния, сразившая его... Предостережение...

— Кром! — В следующее мгновение Конан уже был на ногах. — Дар Митры!..

Дар покинул его, это, несомненно. Исчезла легкость, переполнявшая ранее все его существо. Конан вскинул руки и не ощущил приятного покалывания и треска молний у пальцев. Но разум?! Он все прекрасно осознавал! Не было бреда, кружашего голову, не было отупляющей пустоты в мозгу, как в прошлый раз, когда он впервые преступил Заповедь Митры.

— Так я не безумен? — недоумевающий взгляд сапфировых глаз Конана встретился с мудрым взглядом Йолчи.

— Нет, сын мой! — стариk глубоко, прерывисто вздохнул, и было видно, что это далось ему с трудом. Старый волшебник лежал на ковре из мамонтовой шерсти, и сухонькое тело егоказалось еще меньше на фоне грандиозного творения чудо-ткачей древнего Туле.

— Сделка состоялась. Только вот, к несчастью, Дар Митры уже никогда не вернется к тебе. Только это достойно сожаления, и больше ничего. — Йолчи слабо улыбнулся: жизненные силы на глазах покидали его.

— Что больше?! — воскликнул Конан. Оглядевшись вокруг, он встретил горестные лица Борта, Таргитая и Кайрата. Страшная догадка осенила его.

— Как?! — только и смог он спросить у умирающего шамана.

— Увы, Конан, в сделке с богами платой служит жизнь. Я заранее искупил твой грех перед Митрой. Боги назначают высокую цену, но это ничего. Я и так позволил себе многое. Ведь я, считай, уподобил себя древнему чудотворцу Эпимитреусу, который, совершая свою великую миссию на земле, прожил три обычные человеческие жизни. Я вернусь к вам в новом воплощении, дети мои! Один раз я уже проделал такой трюк, когда моя мятущаяся душа вселилась в тело умершего шамана иирков. Теперь я вновь отлетаю к Яшмовым Садам Небесного Императора.

— Тан У! — горестно воскликнул Таргитай. — Неужели ты опять покидаешь меня, Учитель?! — Юноша залился горькими слезами.

— Не плачь, Дуэн Ки! — ласково улыбнулся ему старый волшебник. — Я обязательно вернусь, и мы еще повоюем! Потому что еще сидит в своей проклятой пагоде черный колдун Цзе и окутывает своей магией весь Кхитай. Ведь мы покараем его, не так ли?

Учитель Тан У умер с улыбкой на устах. Таргитай и Бортэ плакали, сидя над его телом, и даже в синих глазах киммерийца блестела влага. Старый волшебник принес себя в жертву ради того, чтобы он, Конан, жил. Чтоб жила Бортэ. Чтоб жил Таргитай. Чтоб спокойно жил весь мир. Они умерли оба, Тан У и Кахха. Но как сильно смерть Тан У отличалась от кончины Короля-Змея! Первый ушел в бессмертие, а от второго осталась лишь кучка вонючего пепла...

На крыльях Борея

Дым поднимался над древним алтарем, посвященным Джеббалу Сагу. Дым от погребального костра шамана Йолчи и кхитайского мага Тан У, нашедшего на земле Сакалибы свое второе воплощение и вторую смерть. Конан, Таргитай и Кайрат по знаку, поданному суровым служителем древнего бога Урнаммом, одновременно зажгли костер с трех сторон и застыли в последнем почетном карауле. Пламя занялось мгновенно, легкие белоснежные волосы и борода старика вспыхнули, как пух, и вскоре все его сухонькое тело было объято огнем.

Алтарь Сага был достойным местом для последнего обряда старого волшебника. Когда на третий день после гибели Тиамат воды вернулись в подземные русла, оставив после себя густой слой вязкого ила, из которого то тут, то там торчали изломанные стволы деревьев и покрытые трещинами валуны, на месте, где прежде стоял поселок аримаспов, по-прежнему гордо возвышался алтарь. Воды потопа не коснулись его, словно испугавшись древнего божества. Саму же Долину Аримаспов потоп изменил сильно. Теперь в центре плато возвышалась огромная черная базальтовая глыба, разделенная надвое. В тускло поблескивающем камне опытный глаз мог рассмотреть черты сгинувшей Праматери Драконов...

После потопа всю власть в Долине получили Дух Огня и Мардук, который, взяв на себя роль посланца Сага, объявил провинившемуся титану о прощении, которое даровали ему Высшие Боги. Уцелевших во время катаклизмов и не повиновавшихся Богам грифов, суровый Мардук вновь вернул в их подземелья, чтобы они собрали по крупицам все сокровища, которые утратили по своей вине, доверившись наагу. Впрочем, это было совсем не трудно, так как недра Рипейских гор почти целиком состояли из богатейших залежей золота, серебра, меди и драгоценных камней. И лишь древнее собрание магических предметов оказалось утерянным безвозвратно, но Мардук считал, что это только к лучшему.

Мардук обратил свое божественное внимание на киммерийца. Восседая на вершине новой горы, в которую его волшебный меч обратил исполинское чудище, грозный бог наслаждался покоем и восторженным почитанием смертных, которым довелось воочию лицезреть живого бога.

Киммерийца к Мардуку привел Дух Огня, оказавшийся на удивление славным малым. Если бы не медная кожа, источавшая жар, который не позволял приблизиться к титану ближе, чем на два локтя, Дух Огня вполне сошел бы за великолепно сложенного человека, на полголовы возвышавшегося над Конаном. Дух Огня был довольно словоохотлив, а глядя на его веселую улыбку и цветущий вид, невозможно было даже предположить, что несколько тысяч лет его, прикованного к скале, терзали грифы, а он после этого еще и выдержал страшную битву с Тиамат.

— Ты оказал мне большую услугу, Конан,— заявил киммерийцу титан.— Проклятая цепь, которой был не страшен мой огонь, мне порядком поднадоела за эти тысячелетия.

— Кром! Я бы ни за что не выдержал так долго!— проворчал Конан, нисколько не завидя долголетию титана.— Зубами бы перегрыз эти железки.

Дух Огня весело рассмеялся:

— Эти железки и мне не по зубам, а уж тебе тем более, хоть твои мужество и сила достойны преклонения. В свое время их ковал старый бог-кузнец Гевул Хромой.

— Никогда о нем не слышал,— пожал плечами Конан.

— Одни народы зовут его Вулканом, у других для него есть иные имена. Возможно, ты еще встретишься с ним в своих странствиях, ведь его тоже изгнали на землю, как и меня.

— Ну да, скоро я со всеми небожителями познакомлюсь. Внукам расскажу, если жив буду к тому времени, так ведь не поверят, засмеют. Совсем спятил, скажут, наш дедушка Конан!— усмехнулся киммериец.— А видать, знатный мастер этот самый хромой, разкованные им цепи только молнии Митры смогли взять! Уж я-то в таких вещах толк знаю, отец у меня отменным кузнецом был!

— Да, Гевул — кузнец необыкновенный,— согласился Дух Огня,— можно даже сказать лучший в мире. Только при Мардуке ты его не упоминай. Потому что этот самый Гевул — большой шутник и однажды с Мардуком такое учинил...

— Да ты и сам не лучше,— рассмеялся Конан,— если верить рассказам о тебе.

— И не говори,— притворно вздохнул титан,— сам сознаю, что не то творю, а остановиться не могу. Карма, видишь ли, у меня такая,

— Чего?— поморщился варвар и подумал: «Спасу нет от этих мудреных словечек! Неужели нельзя попроще?»

— Ну, то есть рок, судьба,— пояснил Дух Огня.— Видишь ли, даже титаны не могут изменить ее. Это дано лишь Высшим Богам, уж они-то любого могут забросить на Карусель Богов, а тогда — только держись... В общем, в тот раз и я туда попал. Знал, что нельзя атлантам секрет небесного огня выдавать, но так повелели Высшие Боги. Вот и сгинула Атлантида с Лемурией, а виноватым я оказался. И пришлось расплачиваться — повисеть чуть-чуть.

— Ничего себе чуть-чуть!— возмутился Конан.

— Понимаешь, для нас ведь время по-другому течет,— пояснил титан.— Для вас, людей, год, а для нас — сутки. Но все равно, знаешь ли, приятного мало. Грифы терзают, Боги даже не взглянут, словно меня и нет вовсе. Если б не люди, никто бы и не посочувствовал.

— Я слышал что-то о Похитителе Огня,— заметил Конан.— Так это ты, значит?

— Именно! Южане зовут меня Впередсмотрящим Богом, а в Нордхейме придумали имя покороче — Локи. Только вот Имир меня терпеть не может, да что с него взять? Ледяной ведь. Хотя, если бы не моя родина Муспельхейм, как ее называют асиры и ваны, вдохнувшая жизнь в глыбу льда, которая образовалась из воды Хвергельмира, не видать бы этому самому Имиру своего снежного царства! Боги тоже бывают неблагодарными, но я не из таких. Я даже замолвил за тебя словечко Мардуку! Так что — держись молодцом...

Мардук, вальяжно развалившись, отдыхал на скале. Гигантские доспехи его были небрежно расшнурованы на боку, огромный, полыхающий светом меч и громоздкий шлем, в котором мог бы разместиться на ночлег отряд легионеров, лежали в стороне. Отдых расслабил Бога, и его лицо, испещренное десятками шрамов, выражало удовольствие.

— Ну что, Локи, ты привел ко мне этого варвара?— От грохочущего голоса небожителя волосы на голове Конана метнулись назад, как от порыва сильнейшего штурмового ветра на побережьях Западного Океана.

— Конан из Киммерии перед тобой, о Величайший из Воителей!— крикнул в ответ Дух Огня.

Конан заметил, что хоть титану явно не по душе прозвище, данное ему ванирами, но он и виду не подает из уважения перед грозным богом. Киммериец ощущал на себе пристальный взгляд сверкающих очей грозного божества, но не отвел глаз. Лицо Мардука расплылось в довольной улыбке.

— А ты, я гляжу, парень не промах, Конан из Киммерии! Ты меня не боишься?

— Даже смертоносный Сет не заставит меня дрожать, как трусливого барана! — гордо заявил Конан. — Никого я не боюсь.

— Верю, верю, — закивал Мардук, похлопывая, и скала под ногами киммерийца заходила ходуном. — Дружище Кром рассказывал мне однажды, как ты полез на него с кулаками!

— Да чего уж там! — Конан немного смущался. — Дело молодое было! А ты что, друг Крома?

— Еще бы! Мы с ним и друзья, и соседи. Его сияющий Чертог находится рядом с моим на Девятом Небе Зандры, там же и Валгалла, где пируют души ваниров и асиров. Частенько мы пировали вместе — я, Кром, Тор и Один. Когда песни пели, а когда и дрались. Чего не сделаешь, хлебнув лишнего.

— То-то грозы иногда бушуют, — понимающе усмехнулся варвар. — Вы, я вижу, на небесах зря время не теряете.

— Да, у нас весело, — согласился Мардук. — Вот попадешь в Чертоги Крома, сам увидишь. И к нам заглядывай. А уж когда Папай наведывается, такое начинается!.. С нами не заскучаешь! — И бог заговорщики подмигнул киммерийцу.

— За приглашение, конечно, спасибо, — ответил Конан, — да только мне и тут пока не плохо. Да и друзья заждались, и женщина, наверное, затосковала...

— Я тебя и не тороплю, — загрохотал в ответ Мардук. — Сам знаю, что еще не скоро мы увидим тебя на небесах. У тебя и здесь не все дела переделаны. Успеем попирать, а пока скажи, чего желаешь, Конан?

— У меня есть два желания, — просто ответил киммериец.

— Излагай.

— Во-первых, — начал Конан, — я хочу попросить у тебя что-то вроде, ээ-э, концессии. Вот!

— То есть как это? — удивился Мардук, который, очевидно, не любил мудреных словечек не меньше самого Конана.

— Право на разработку рудников, — пояснил Конан, втайне гордясь, что выучил хотя бы одно ученое словцо. — Короче говоря, пусть эти самые грифы мне отсыпят золота!

— Ну, и сколько же тебе надо, киммериец? — хмыкнул Мардук, с интересом разглядывая стоявшего перед ним человека.

— Так... — Конан на мгновение призадумался. — Примерно столько, чтобы Ездигерда можно было бы купить со всей его казной. В общем, золота должно хватить на то, чтобы этого сопляка, как следует проучить, да еще и королевство купить.

— Какое тебе нужно королевство? — поинтересовался Мардук. — Кхитай? Вендия? Туран?

— Да нет, великовато будет, — отмахнулся Конан. — А вот Аквилония мне, пожалуй, подойдет.

— Так... — Мардук на мгновенье приумолк, а затем усмехнулся: — Ну а второе желание?

— Второе — вернуться в Хайборийские земли, и как можно скорее... Куда-нибудь

поближе к западным границам Турана, чтобы Ездигерда побыстрее достать! Уж он-то мне за все заплатит, паскуда!

— Губа у тебя, как я вижу, не дура! — ухмыльнулся Мардук. — Неплохо для варвара.

— На аппетит не жалуюсь, — хмыкнул Конан.

— Да вот только оба желания я сразу исполнить не могу, — развел исполинскими ручищами бог. — Придется выбирать. Так много золота вывезти отсюда я тебе не позволю. Не могу. Это нарушит завет Джеббала Сага. — Мардук понизил голос и указал здоровенным пальцем на небо. — Но ты будешь владеть этими сокровищами, если останешься здесь. Властью, которой наделил меня Саг, я могу назначить тебя правителем Страны Аrimаспов и Грифов. Подумай, Конан! Ты станешь самым богатым правителем в мире! Сразу исполняются все твои мечты: и разбогатеешь, и сядешь на трон. Да к тому же и твой дружок Таргитай по соседству будет править. Будете друг к другу в гости ездить, а против Ездигерда пошлешь огромную армию, его приведут к тебе на ошейнике, как собаку. Понимаешь, золото грифов не должно покидать пределов Рипейских гор, чтобы не нарушилось Великое Равновесие, созданное в незапамятные времена Великим Сагом.

— А как же аrimаспы? — недовольно переспросил Конан. — Ведь они-то приворовывают золотишко, и оно потихоньку уплывает во внешний мир.

— Вот именно, потихоньку! — кивнул Мардук. — Высшие Боги пошли на такую уступку Белу. Этот хитрый ворюга сумел доказать, что скопившиеся в одном месте бесценные сокровища тоже нарушают Великое Равновесие. И кривой старикашка оказался прав, Нергал его задери! Пусть золото грифов потихоньку расходится по миру, маленьkim ручейком пусть течет с Рипейских гор.

Но никак нельзя допустить, чтобы все это золото, или его большая часть, оказалось в руках у кого-нибудь за пределами Рип. Это приведет к непредсказуемым последствиям. Также нельзя, чтобы золото потоком хлынуло на рынки, потому что тогда снова наступит Золотой Век, а это тоже разрушит Великое Равновесие. Так что выбирай, киммериец!

— А чем плох Золотой Век? — спросил Конан. — Я слышал, когда-то давно он уже приходил на землю, и все люди были богаты и счастливы.

— Золотой Век, — задумчиво произнес небожитель. — Был, не был... Не все ли теперь едино? Скажу тебе лишь одно, Конан: люди сами разрушили свое счастье и утратили Золотой Век. Ему на смену пришла Квалиюга — эра алчности и насилия. И она будет продолжаться до тех пор, пока люди не вернутся к своим истокам.

Конан не совсем понял, что этим хотел сказать Мардук, и лишь недовольно повел могучими плечами.

— Да и зачем тебе Золотой Век, Конан? — вдруг рассмеялся Мардук. — Уверен, тебе бы он совершенно не понравился! Мир всеобщего благоденствия не для таких, как ты.

Конан на мгновенье задумался и решил, что Мардук, пожалуй, прав.

— Да, — кивнул он, соглашаясь, — я бы тогда кинулся на меч.

— Скорее, повесился бы на своем ремне, — поправил его Мардук. — При Золотом Веке не бывает оружия.

— Ну, тогда это точно не для меня! — разочарованно протянул Конан.

— И я с тобой совершенно согласен! — расхохотался Мардук. — Да, парень, мы с тобой похожи! Ты настоящий варвар! Ну, Конан, ты выбрал? — спросил бог, немного успокоившись.

— Бери, пока дают! — услышал киммериец тихий шепот Духа Огня. — Он сегодня добрый. Сразу станешь богатейшим правителем мира.

— Да нет,— вздохнул Конан,— отправь-ка ты меня в Хайборийские земли. А богатство и корону я уж как-нибудь и сам себе добуду.

— Речь достойная мужчины,— одобрительно кивнул Мардук.— И рад бы тебя озолотить, да нельзя. Ничего в мире не делается даром, за все приходится платить. Ну что ж, ты выбрал свой путь, Конан из Киммерии. Не сворачивай с него.— И Мардук хлопнул в ладоши...

Не успел Конан и два раза вздохнуть, как обнаружил, что находится у входа в большую пещеру вместе с Духом Огня, который глядит на него, укоризненно покачивая головой. Было так холодно, что даже привычный к морозам киммериец невольно придвигнулся поближе к источавшему тепло титану. Оглядевшись вокруг, Конан увидел, что со всех сторон ледяную пещеру окружают заснеженные горы.

Северное сияние озаряло вечные снега и ледники, разукрашивая всеми цветами радуги безжизненные высоты, которые были, очевидно, так же далеки от Страны Аrimаспов, как она от Аргайма. Ни зверей, ни птиц не было видно, лишь беспрестанно завывала выюга, словно варвар попал в середину Розы Ветров.

— Это не Роза Ветров, Конан,— услышал до костей пророгший киммериец голос Духа Огня.— Она находится на острове, затерянном посреди Западного океана. А здесь — обиталище старика Борея. Он-то и отправит тебя на своих воздушных крыльях в Хайборийские земли.

— Что там, за этой пещерой?— стуча зубами, Конан указал на север, куда уходила гряда мрачных суровых гор.

— Там — ледяное безмолвие Патении,— задумчиво ответил Дух Огня.— Лишь белые медведи да рыжие обезьяны бродят там во мраке полярной ночи. А еще дальше, на вершине мира, когда-то давным-давно находилась Благословенная страна, где всегда было вечное лето, зеленели сады, пели птицы. Именно эту страну называли Гипербoreей Счастливой, и обитали в ней жители, во всем равнявшие себя с богами, Ведь даже их сутки равнялись суткам богов.

В этой стране полгода длился яркий день, а полгода — ночная тьма. Воистину древние гипербoreйцы были счастливы в своей удивительной стране. Само слово «Гипербoreя» означало тогда «живущие выше Борея», Но настала эпоха Великих катаклизмов, и ледяной панцирь сковал страну Вечного Лета. И гипербoreйцы бежали, утратив свое счастье, и превратились в касту мрачных и злобных колдунов...

— Теперь я понял, почему древние мудрецы называли гипербoreйцев счастливыми,— прошептал Конан.

... С замирающим сердцем вступил киммериец в обиталище Северного Ветра. Оглядевшись, он обнаружил, что находится в огромной пещере, где легко разместилась бы аргаймская Цитадель Уту. Ослепительный холодный свет ударил в глаза — это высокие своды пещеры светились изнутри, то вспыхивая, то угасая. В центре пещеры Конан увидел большую, закрученную затейливой спиралью, раковину необычного нежно-розового цвета. Из гигантской горловины величественной раковины вырывался пронизывающий, почти осязаемый и видимый поток ветра, а она едва слышно пела, словно где-то вдали шумел морской прибой.

— Кром,— прошептал Конан, и его синие глаза широко раскрылись. Величественный лик старца с окладистой волнообразной бородой пророс в стене пещеры за поющей раковиной. Суровые мудрые глаза спокойно разглядывали Конана и Духа Огня из-

под кустистых бровей.

— Зачем вы пришли в Обитель Ветра? — Неземной голос многогранным эхом прокатился под сводами пещеры.

— Именем Сага мы пришли к тебе, Великий Борей! — почтительно произнес Дух Огня.

— Смертный по имени Конан из Киммерии просит тебя вернуть его в Хайборийские земли.

— А, это ты, Дух Огня, — проговорил Борей. — Вечно проказничающий мальчишка! Сколько раз ты устраивал пожары, пользуясь моим ветром!

— Виноват. — Титан склонил голову, но в его глазах заиграла лукавые огоньки.

— Ну, да ладно! Так этого смертного я должен перенести в Хайборию? — Борей внимательно взглянул на варвара. — Конан из Киммерии, говоришь? Я люблю эту страну.

Сколько раз я обдувал ее обледеневшие горы, сколько раз пел вечную Песню Снегов на ее вершинах и склонах! А куда тебя перенести, смертный? Может, в Аквилонию? В этой стране меня почитают, хотя и побаиваются. Ведь недаром они называют меня Аквилоном!

— О, нет, великий бог, — произнес Конан, еле скрывая свое волнение. Даже беседа с Мардуком не произвела на него такого впечатления, как разговор с бородатым суровым лицом, глядевшим на него из стены волшебной пещеры. — Мне нужно попасть на северо-западные рубежи Турана.

— Туран, — задумчиво молвил Борей. — Там меня не любят. Туранцы слишком трясутся над своими цветущими садами и виноградниками. И если мое ледяное дыхание случайно поморозит взлелеянные ими лозы или персиковые деревья, то они проклинают меня. Глупцы! Червякам, вечно роющимся в навозе, не понять всю прелесть леденящего полета по необъятным просторам земли, необузданной игры с облаками в горных вершинах. Лишь гордые сыны Гиркании, которые любят, когда ветер свистит у них в ушах во время бешеной скачки по вольной степи, дикие ваниры, с буйными песнями бороздящие моря на своих драконоголовых ладьях, да неукротимые уроженцы Киммерийских гор могут понять меня. Только из уважения к твоей суровой стране я перенесу тебя к рубежам изнеженного Турана. Весело мне будет смотреть на то, как запричтят кичливые южане, когда снежный ураган прогуляется по их ухоженным садам! — Еле заметная усмешка скользнула по лицу Борея. — Ты готов лететь?

— Я еще не простился с друзьями и возлюбленной, — сказал Конан.

— Друзья и возлюбленная — это прекрасно, — молвил Борей. — У меня никогда не было возлюбленной, и не было друзей, но я хорошо тебя понимаю, смертный! Простись с ними, Конан, и жди сигнала свыше.

— Но кто укажет мне, когда я должен отправиться в путь? — недоуменно спросил киммериец.

— Тот, с чьим именем вы пришли просить меня о помощи.

Борей взглянул на потолок пещеры, и, подняв голову, Конан увидел начертанный на взмывающем вверх куполе пещеры священный символ Джеббала Сага...

***

... Корабль, готовый к путешествию по воздуху, наконец-то стоял у стен Аргаима.

Конечно же, это было не то судно, на котором Конан бороздил воды Черного Побережья, и не та галера, с которой он держал в страхе всю южную часть моря Вилайет. Размерами это судно скорее напоминало ялик, на котором Конана прибило к скалистому Берегу Туманов и который превратила в щепки Великая Моржиха. На создание судна у Конана и его подручных, к сожалению, совершенно не знакомых с мореходством, ушло больше десяти дней. Большую часть работы киммериец проделал сам, но зато теперь он мог гордиться своим творением.

Его лодка была снабжена отличным косым парусом, а по обоим бортам были прочно прикреплены два больших крыла, на которые ушло немало пергамента, изъятого у королевских писарей. Кроме того, в днище были врезаны три оси с насаженными колесами, так что, приземлившись, судно могло еще долго ехать по степи или пустыне, как колесница.

Итак, «Заоблачный скиталец» был готов к далекому путешествию. И вот настал знаменательный день, когда на заре людям предстало удивительное видение: огромный знак Джеббала Сага зажегся на низком северном небе и тут же угас, как мираж. Это был сигнал. Пришла пора прощаться.

Слезы Бортэ обильно текли на широкую грудь киммерийца.

— Возьми меня с собой, Конан! — Девушка умоляюще взглянула на варвара.

— Нет, Бортэ! Тебе нечего делать с таким беспутным бродягой, как я, — ласково, но твердо сказал Конан, проводя загрубевшей ладонью по ее нежной, влажной щеке. — Вечный скиталец должен быть один. К тому же здесь твоя родина, да и Мохира не выдержит разлуки с тобой. Прости, любимая! Помни обо мне — вот и все, что мне нужно. — И он тихонько подтолкнул плачущую девушку к пухлой старухе, которая, подковыляв к безутешной внучке, нежно обняла ее. Однако васильковые глаза Мохирь тоже были полны слез.

— Таргитай! — Киммериец крепко обнял друга, который еле сдерживался, чтобы не зарыдать. — Поручаю тебе двух дорогих моему сердцу женщин. Надеюсь, ты не оставишь их.

— Ни за что, друг! — юный правитель с силой хлопнул по железному плечу киммерийца. — Мы еще встретимся?! — Таргитай скорее утверждал, чем спрашивал.

— Обязательно! — И Конан, подмигнув ему, широко улыбнулся.

Простившись с Кайратом Одноглазым, который был теперь Главнокомандующим и командиром Гвардии Серебряных Грифов, и с другими кемерами и, пообещав им передать их горячий привет всем западным киммерийцам, Конан наконец-то поднялся на борт. Все было готово к далекому путешествию. Внизу стояли Бортэ, Таргитай, Мохира и Кайрат.

Не видно было лишь старого плуга Сайдхана.

— Ну, этот теперь будет рад! — беззлобно усмехнулся Конан, вспомнив про страстную и безответную любовь старикишки к Бортэ...

Вдруг сильнейшие порывы ветра налетели с отрогов Рипейских гор, из далекой пещеры Борея. Конан на миг представил себе гигантскую поющую раковину и лик сурогового Северного Ветра. Завывая, мощный вихрь налетел на корабль и, легко оторвав его от земли, понес на юг. Прощай Сакалиба! Прощайте, Бортэ, Таргитай! Прощайте, друзья! Доведется ли еще свидеться?

Далеко внизу пронеслось по Пасиртайской степи мимолетное видение солнечного колеса Аргаима Трехстенного, и вскоре землю закрыли пушистые облака. «Сkitалец» несся, разрывая их острым носом, ветер свистел в ушах Конана, надувал паруса и шевелил крылья небесного корабля. В этом монотонном свисте слышался голос Борея, напевающий киммерийцу об опаленных зноем равнинах Заморы, о персиковых садах Хоарезма, о соленой

влаге океана. На мгновение Конану вспомнилось, как когда-то давно, больше десяти лет назад, летел он над морем Вилайет, взятый в плен небесным кораблем грондарского чародея Тойланны. Но это был совсем иной полет. Тогда колдовской корабль несла в небе покоренная сила рабов. А «Заоблачный Скиталец» устремляла вперед великая мощь стихии и его, Конана, стальная воля. Позабыв обо всем, Конан во все горло запел боевую песнь Асгарда, которой научился еще в юности, и вдруг сквозь вой ветра и свист снастей услыхпал, что чей-то надтреснутый голосок пытается вторить ему. Молниеносно обернувшись, Конан увидел закутанного в дорогие меха маленького человечка, сидевшего посреди припасов, взятых в дорогу, и сжимавшего в руках бурдюк араки. Это был Сайдхан, мертвецки пьяный.

— Во имя Иштар! — воскликнул изумленный Конан. — Что ты здесь делаешь, Нергалов выкормыш?

— О, в-великий воин, — пробормотал Сайдхан, — прости, ч-что проник т-тайно на борт т-твоей чудесной ладьи! Н-но мне нестерпимо з-захотелось побывать в Х-хайбории перед смертью. К т-тому же у меня кое-что есть, — Заговорщицки улыбнувшись, старик извлек из-за пазухи два огромных, жарко пылающих рубина.

— О, да это же... Кровь Огня! — воскликнул Конан. — Ах, хитрюга! Так ты подобрал эти камни, пока я освобождал титана?!

— Од-дин — твой, од-дин — мой! — пролепетал старик, дрожащей рукой протягивая Конану драгоценность.

— Эге! — Голос Конана теперь звучал иначе. — Да на этом мы с тобой заработаем кучу денекиц! Ай да молодец! — И он с такой силой хлопнул пьяного старика по сухонькому плечу, что тот навзничь опрокинулся на палубу.

Приподняв трясущуюся голову, Сайдхан промычал:

— Я п-подумал, все равно Б-бортэ меня никогда не полюбит, и решил л-лететь с тобой. Т-только ты по достоинству можешь оценить мою тоску по ней. Я с-сложил про нее з-замечательную поэму. В-вот послушай. — И старик замогильным голосом начал читать свои вирши.

— Кром! — в ужасе заревел Конан. — Только не это!!!

* * *

...«Заоблачный Скиталец» стремительно несся на крыльях Борея к рубежам Турана. Огромный мир вновь лежал перед отважным киммерийцем. Сотни отчаянных, невероятных приключений ждали его. Пройдут годы, и зрелый муж Конан взойдет на Трон. И долго еще при аквилонском дворе барды и менестрели будут петь Сагу о Неведомых Землях, о суровом крае Рипейских гор, где правит отважный правитель и где стерегут несметные сокровища грозные грифы...